РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

MONGOLICA

Том XXVIII • 2025 • № 2

Санкт-Петербург

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Адрес учредителя: 191181,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Адрес редакции: 191181,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Адрес издателя: 191181,
Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Тел.: +7 (812) 315-87-28
http://orientalstudies.ru
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер
свидетельства о регистрации
средства массовой информации
ПИ No ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXVIII • 2025 • № 2

Выходит 4 раза в год
Издается с 1986 г.
Учредитель: ФГБУН
Институт восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор, доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь редколлегии, кандидат филологических наук (Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря, кандидат исторических наук (Россия)*

Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
Э. Мунхцэцэг, *кандидат филологических наук (Монголия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Ц. Саранцацрал, *доктор филологических наук (Монголия)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет – М. В. Алексеева
Литературные редакторы и корректоры – Д. А. Носов, И. В. Кульганек
Технический редактор – М. А. Козинцев
Подписано в печать 15.06.2025
Формат 60×90 $^{1}/_{8}$. Объем 10 печ. л. Заказ №
Тираж 300 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Литография».
Адрес типографии: 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, лит. А, офис 14.
e-mail: info@litobook.ru

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/u242-79fv-7bdr

12+

© Институт восточных рукописей РАН (Азиатский Музей), 2025
© Коллектив авторов, 2025

В НОМЕРЕ:

ФИЛОЛОГИЯ

Д. Гэрэлмаа. 18 дугаар зууны ноёд, тайж, лам нарын захидлуудын Үгсийн санг ажиглах нь 5

Ли Цинцзе. Изучение героического эпоса о Гэсэре советскими и российскими исследователями в XX веке 13

Э. Мөнхцэцэг. Монгольский толковый словарь Б. Буянчулгана (1930 г.) 20

Н. С. Яхонтова. Термин *törö* в монгольской и ойратской версиях «Истории Усун Дэбэсгэрту-хана» 28

Л. А. Федотова, И. Н. Храпова, Н. В. Ямпольская. Буддийские артефакты в собрании Центральной научно-технической библиотеки по строительству и архитектуре» 38

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

И. А. Алимов. «Дун Цзин Мэн Хуа Лу»: Течения Рек 56

А. В. Мешезников. Опыт реконструкции санскритских рукописей из Центральной Азии 64

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Т. В. Ермакова. Конференция «Актуальные проблемы буддологических и индологических исследований–17» (Санкт-Петербург, 17 июня 2024 г.) 80

И. В. Кульганек, Д. А. Носов. Седьмая международная конференция «Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания» (Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2025 г.) 83

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXVIII • 2025 • No. 2

The journal is published four times a year.
Published since 1986
Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

191181. Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18

Phone: +7 (812) 315-87-28
http://orientalstudies.ru
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Editorial board:

I. V. Kulganek — *editor-in-chief, Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*
D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sci. (Philology), Russian Federation*
M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Cand. Sci. (History), Russian Federation*

G. Bilguudei. *Dr. Sci. (Philology), Mongolia*
A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*
S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolia*
L. S. Dampilova. *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*
J. Legrand. *Dr. Sci., Professor, France*
V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*
E. E. Khabunova, *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*
N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*
E. Munkhtsetseg. *Cand. Sci. (Philology), Mongolia*
S. L. Neveleva. *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*
K. V. Orlova. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*
M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*
R. Pop. *Ph. D., Romania*
Ts. Sarantsatsral. *Dr. Sci. (Philology) Mongolia*
T. D. Skrynnikova. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*
R. M. Valeev. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*
N. S. Yakhontova. *Cand. Sci. (Philology), Russian Federation*
I. V. Zaytsev. *Dr. Sci. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/u242-79fv-7bdr

© Institute of Oriental Manuscripts RAS
(Asiatic Museum), 2025
© Group of authors, 2025

IN THIS ISSUE:

PHILOLOGY

D. Gerelmaa. Observing the Vocabulary in the Letters of the 18th-century Nobles, Princes, and Monks 5

Li Qingjie. The Study of the Heroic Epic about Geser by Soviet and Russian Scholars in the 20th Century 13

E. Munkhtsetseg. Mongolian Explanatory Dictionary Compiled by B. Buyanchulgan (1930) 20

N. S. Yakhontova. The Term *törö* in the Mongolian and Oirat Versions of the "History of Usun Debesgertu-khan" 28

L. A. Fedotova, I. N. Khrapova, N. V. Yampolskaya. Buddhist Artefacts in the Collection of the Central Scientific and Technical Library for Construction and Architecture 38

RELATED DISCIPLINES

I. A. Alimov. "Dong Jing Meng Hua Lu": Rivers' Course 56

A. V. Mesheznikov. Attempt of a Reconstruction of Sanskrit Manuscripts from Central Asia 64

ACADEMIC LIFE

T. V. Ermakova. The 17th Conference "Current Issues of Buddhological and Indological Studies" (St. Petersburg, June 17, 2024) 80

I. V. Kulganek, D. A. Nosov. The Seventh International Conference "Cultural Heritage of the Mongols: Manuscript and Archival Collections" (St. Petersburg, April 21–22, 2025) 83

УДК 82-992
DOI: 10.48612/IVRRAN/reh8-zn1r-587v

Дагийн Гэрэлмаа
Чингис хаан Үндэсний музей

18 ДУГААР ЗУУНЫ НОЁД, ТАЙЖ, ЛАМ НАРЫН ЗАХИДЛУУДЫН ҮГСИЙН САНГ АЖИГЛАХ НЬ

Монгол улсын Архивын Ерөнхий газарт хадгалагдан буй 1748–1927 оны үеийн Монгол, Буриад, Алтайн Урианхай, Өвөр Монгол, Төвөдийн ноёд, лам нарын хоорондоо харилцсан зарим захидал бичгүүдийг Архивын Ерөнхий газарын эрдэм шинжилгээний ажилтан Б. Ринчинноров, Г. Сэр-Од нар эмхэтгэж “Ноёд, тайж, лам нарын захидлын цуглуулга: баримт бичгийн эмхэтгэл”-ийг 2019 онд хэвлүүлсэн билээ. Уг эмхэтгэлд Манж Чин улсын үеийн 214, Богд хаант Монгол Улсын үеийн 225, Ардын засгийн үеийн 22 буюу нийт 463 ширхэг ноёд, тайж, лам нарын захидлын цуглуулга нийтлэгджээ. Энэхүү өгүүлэлдээ уг эмхэтгэлд орсон захидлуудын үгийн санг ажиглаж, эдүгээ утга хэрэглээний хувьд явцуурсан буюу хуучирсан үгсийг түүн шинжлэхийг зорилоо. Эдгээр хуучирсан үгсийг монгол, хятад, төвөд, манж, орос-европ хэлний үгс хэмээн ангилаад тус бүрийн утгыг товч тайлбарлалаа. Мөн эдгээр эх захидлууд нь түүхийн чухал баримт төдийгүй захидал харилцагдаж буй тухайн цаг үеийн захидал харилцааны уламжлалт дэг, найруулга зүй, нийгмийн хөгжлийн онцлогийг тусгасан аман яриа, бичгийн үгсээр бичигдсэнээрээ онцлог бөгөөд түүхэн хэлшинжлэлийн чухал ач холбогдолтой судлагдахуун билээ. Эдгээр захидлууд бичгийн хувьд ихэвчлэн хичээнгүй тигээр бичигдсэн бийрийн захидлууд байна. Найруулгын хувьд албан хэргийн захидал, хувийн захидал, өргөх захидал бичгүүдээс бүрдэж байна.

Түлхүүр үг: 18 дугаар зуун, захидлууд, Үгийн сан, хуучирсан үгс, монгол үгс, хятад үгс, төвөд үгс, манж үгс, орос-европ үгс.

Зохиогчийн тухай: Дагийн Гэрэлмаа, бакалавр, эрдэм шинжилгээний ажилтан, Чингис хаан Үндэсний музей (Монгол Улс, Улаанбаатар) (gerlee1272@gmail.com).

© Гэрэлмаа Д., 2025

Аливаа хэлний үгийн санд тодорхой цаг үед хэрэглэгдэж байсан боловч нийгмийн хэрэглээнээс шалтгаалж хэрэглэгдэхээ больсон үгс байдаг [Баттөгс, Пүрэвжав, Түвшинтөгс, Гэрэлмаа, Шинэбаяр, Ганболд, 2020. Х. 193]. Эдүгээ ард нийтийн ихэнх нь ойлгохоо больсон, утга хэрэглээ нь явцуурч хумигдсан, үгийн язгуур нь ойролцоо үг хийгээд бичгийн хэл, нутгийн аялгуунд үлдсэн, толь бичигт бий боловч хэрэглэгдэхээ больсон зарим хуучирсан үгсийг түүвэрлэн авахыг зорилоо. Хэлшинжлэлд хуучирсан үгийг хуучин үг, түүхэн үг гэж хоёр ангилдаг. Түүхэн үг хэллэг нь нэгэнт, хэлэнд түүнийг ямар нэг байдлаар орлох ойролцоо утгатай үг байхгүй учир тухайн цаг үед бодитойгоор оршин байсан юм үзэгдэл болон ойлголтыг нэрлэх гол үүрэгтэй байдаг бол хуучин үгийн ийм үүрэг нь гол бус, харин найруулгын үүрэг давамгайлдаг хэмээн утга, үүрэг, хэрэглээний ялгаатай байдлыг тодорхойлсон байна. Өөрөөр хэлбэр хуучирсан үг хэллэгийн нэгэн гол онцлог бол тухайн цаг үеийн түүхэн юм, ухагдахуун, хэлний тэмдгийг санагдуулна [Баттөгс, Пүрэвжав, Түвшинтөгс, Гэрэлмаа, Шинэбаяр, Ганболд, 2020. Х. 196] хэмээжээ. Эдгээр захидлын үгсийн санг монгол, хятад, манж, төвөд, орос-европ хэлний үгс хэмээн ангилаад, нийтдээ 75 хуучирсан үгсийг түүн шинжлэн авч үзлээ. Эл түүн авсан үгсээ галиглахдаа эх захидалд байгаа хэлбэрээр нь үндсэн илтгэлийн хэсэгт галиглаж бичив. Харин хавсралтад тухайн үгийн эх хэлэндээ зөв хэлбэрээр нь галиглан бичлээ.

Монгол хэлний үгс

Аливаа хэлний үгсийн үндсэн санг тухайн хэлний хамгийн тогтвортой буюу уугал үгс бүрдүүлдэг. Тэдгээр нь он цагийн шалгуурыг туулж хөдөлбөргүй хэвшин тогтож чадсан, шинэ үг бүтэж хөгжихөд үндсэн суурь хэрэглэгдэхүүн болдог, нийт ард түмний мэддэг, чухал хэрэгцээт үг байна [Дэмчигмаа, 2013. Х. 21]. Эдгээр захидлуудын үгсийн сангийн дийлэнх хувийг эх хэлний уугуул үгс эзэлж байна.

Манж Чин улсыг түшиж байсан тухайн үед идэвхтэй хэрэглэгдэж байсан улс төр, засаг захиргааны нэгж, албан тушаалтай холбогдолтой *эрийн төөлүүр данс* [er-e-yin tögülügüür dangsa] сумын насанд хүрсэн эрчүүдийн бүртгэл данс [Чулуунпүрэв, 2018. Х. 509], *сум эр* [sumu er-e] төөлүүр дансанд бүртгэгдэж алба татвар төлөх хүн, *хүнд* [kündü] хошууны суман зангийн туслах тушаалтан, *тамгын газрын сурц алба* [tamaγ-a-yin γajar-un surča alban], *тогосын отго* [toγus-un otuγ-a], *улаа тэгшитгэх* [ulaγ-a tegsidkekü] манжийн үеийн улаа өртөөний ажил албыг хуваарилж оногдуулах, *есөн өргөх* [yisün ergükü] манжийн хаанд өргөдөг есөн цагаан алба, *хэрмэлийн жасаа* [kerümel-ün jisiy-a] гэх мэт үгс орчин цагт хэрэглэгдэхүүн, ойлголтгүй болж түүхэн үгс болжээ. Эдлэл хэрэглэлийн зүйлсэд *тугдам* [tuγdum] орд, өргөө [Төмөртогоо, 2018. Х. 255], *бороон торго* [boruγan torγ-a] бороо нэвтэрдэггүй торго бололтой, *нэхмэл сур, дэвэр* [debür-e] шингэн зүйл агуулах гүц хэлбэртэй сав, *хос гэгээ зэвсэг* [qous gege jebseg] эмэгтэй хүний эдлэл бололтой, *товь малгай* [tobi malaγa] дуулганы дотуур давхарлан өмсөх малгай гэх мэт хуучирсан үгс эдгээр захидалд тэмдэглэн үлджээ. Орчин цагт тэр бүр хэрэглэгдэхээ больсон *гудас* [γudus] дагуу, уруугаа [Төмөртогоо, 2018. Х. 79] хэмээх үг МНТ-д "*зоо гудас, Эрчис гудас*" гэж хоёр удаа тохиолддог бол эдгээр захидлуудад зөвхөн "зам, замын" хэмээх үгтэй хоршоо хэлбэрээр нэлээд тохиолдож байна.

Монгол хэлний үйл үгийн язгуур морфем нь үгийн сангийн утгаа харьцангуй тогтвортой хадгалж үлдсэн байдаг тул зарим хуучирсан үйл үгийн утгыг язгуур нэг бүлэг үгсээс нь мэдэх боломжтой. Жишээлбэл: *Мэндүүрэх* [mengdegüürkü] мэндэх, сандрах, *шилдэж* [sildekü] шилрэх, үл хайхран зайлах, *өгчилгөх* [ögčilegekü] өгөх, *тонирох* [ftoniraqui] тонилох, өнгөрөх, *дүлэвдэх* [dülbedekü] дүлэгнэх, *гачлах* [γačilaqu] дутах гачигдах, *хоног хугацаж* [qonuγ quγučaqu] хоног хугацаа хугаслаж хэмнэж гэх мэт зарим хуучирсан үгсийг дурдаж болох юм. Мижид гүнгийн Да жанжинд бичсэн Шинжааны исламын шашинт хотон нар монголын баруун хязгаарын ард иргэдийг тонон дээрэмдэж их хохирол учруулсан тухай захидалд хуйхуй гэхээс гадна "муу хулгай хойсэ" хэмээн хотон нарыг тэмдэглэсэн бол мөн *хасуй цэрэг* [qasui čerig] гэж нэгэн овог аймгийн нэр бололтой үг тэмдэглэгджээ.

Хятад хэлний үгс

Монгол хятад хоёр үндэстэн олон мянган жил айл хөрш оршин сууж, аж ахуй, шашин соёл, улс төрийн харилцаатай байсан учир хятад хэлний үг монгол хэлэнд зохих хэмжээгээр нэвтэрсээр иржээ. Ялангуяа Чин улсын үед монгол, хятад хоёр угсаатан 200 шахам жилийн турш дахин нэгэн төрийн захиргаанд багтаж, олон талын харилцаатай байсан учир засаг захиргаа, хэргэм зэргийн холбогдолтой олон тооны хятад үг манж хэлээр дамжин монгол хэлний үгсийн санд орж иржээ. Түүнчлэн хятад иргэд монгол газар сууршин сууж, газар тариалан, арилжаа наймаа, аж ахуй эрхэлж байсан учир идээ ундаа, жимс ногоо, худалдаа арилжаа, эд бараа, гэр ахуй, барилга байшин, багаж хэрэгсэл, хувцас хунарын холбогдолтой олон арван үг монгол хэлэнд нэвтрэн оржээ. Тэдгээр үгсийн олонх нь монгол ахуй соёлд шинэ тутам нэвтэрсэн ажил мэргэжил, алба тушаал, эд зүйлс зэргийг орлуулан нэрлэх монгол үг ховор байсан учир хятад хэлний нэрлэлт нь монгол хэлний орчинд идээшин зохицжээ[Төмөртогоо, 2022. Х. 381–382].

Хятад гаралтай үг монгол хэлэнд их төлөв аман яриагаар орж ирж байсан тухай судлаачид тэмдэглэсэн буй [Дэмчигмаа, 2013. Х. 73].

Манжийн эзэн хаан болон хааны гэр бүлийнхнийг нэрлэх *хуанди* [huándi] эзэн хаан, *хуан тайху* [huwang tayiheu] эзэн хааны эх, *хунтайж* [huáng tài zi] хааны агь гэх мэт, төрийн албан тушаалын хэргэм зэрэг *дайфү* [dayifu] бага дунд зиндааны цэргийн эрхтэн [Гэрэлбадрах, 1999. Х. 24], есөн эрдэнийн ганжуур бүтээх бэх бэлтгэхэд хэрэглэгдэх есөн эрдэнэтэй холих *бээжин таригин* [begejin tarikin] хэмээх шавар, судар бичигтэй холбоотой *янбуу бичиг* [yangbuu bičig] мөнгөн цааст бичиг, үстэй бийрийг нэрлэсэн *мообин* [moobin] зэрэг үсэг бичиж ном хэвлэхэд тохиромжтой нэгэн төрлийн цаас [Мөнхсайхан, 2014. Х. 192–193], *гуутуур* [үuutuur] бар хэвлэх болон бичиг үйлдэх цаасыг олон хувь хэвлэхэд зориулсан хэв [Мөнхсайхан, 2014. Х. 164], *хуа* [quva] зураг, *улааны пяо* [piào] улаа өртөөний тасалбар [Мөнхсайхан, 2014. Х. 197], *хуаминг* [quvaming] зэвсгийн жагсаалт бичиг гэх мэт үгс, идээ ундаа эд хэрэглэгдэхүүнтэй холбоотой *шуусаа* [šuuza] ногоо, эд хэрэглэгдэхүүн бөс даавуутай холбоотой *шанз торго* [sangji] шанз [олсоор хийсэн торго, *хунз* [qunza] цайны сав, мөнгө төгрөг арилжаа наймаатай холбоотой *шонхуйтан* [šongquyitan] 1913 онд гарсан Дундад иргэн улсын ерөнхийлөгч Юань шикайн дүрстэй долоон цэнгийн мөнгөн төгрөг [Мөнхсайхан, 2014. Х. 173], *янчаан* [yangciyan] хятад зоос зэрэг үгс, мөн хэмжүүр заасан му [mu], пун [fen], ли [li], ху [hu], дэү [duu] гэх мэт хятад үгс ноёд, тайж, лам нарын захианд дүрдагдаж байна. Мөн Англи улсыг Ин [yīng] хэмээн бичжээ.

Төвөд хэлний үгс

Монгол Төвд хоёр орон улс төр, шашны өргөн харилцаатай байж Монголын хаад ноёд Сажа, Гармава урсгалын лам нарыг урин залж бурхны шашныг дэлгэрүүлэхийн сацуу олон тооны ном судрыг санскрит төвд хэлнээс эх хэлнээ орчуулгаж, төр улсаа хос ёсны сургаалаар удирдан засахыг эрхэмлэж байжээ. Үүний хэрээр санскрит, төвд хэлнээс монгол хэлнээ шашин соёлын нэр томъё, үг хэллэг орсоор иржээ. Ялангуяа Монгол оронд бурхны шашин гурав дахь удаагаа дэлгэрсэн XVI зуунаас хойш Богд Зонховын үндэслэсэн шарын шашин буюу гэлүгбагийн ёс хүчтэй дэлгэрсэнтэй холбоотойгоор төвд хэл монголын утга зохиолын хэлтэй эн зэрэгцэх үүргийг гүйцэтгэх болж, санскрит төвд үгсийг тэмдэглэх галиг үсэг шаардагдсанаар 1587 онд Харчины Аюуш гүүш Али гали үсгийг зохион Ганжур, Данжур хөлгөн судруудыг монгол хэлээр орчуулах их ажлыг өрнүүлсэн билээ. Энэ л үеэс эхлэн төвд үг монголын бичгийн болон аман ярианы хэлэнд олноор орсон байна [Дэмчигмаа, 2013. Х. 70].

Албан тушаалтай холбоотой: *дэмч* [demči] хошууны сангийн хэрэг ажлыг эрхлэх хүний тушаал, ном бүтээхтэй холбоотой: *ранжун рад* [rangjung rada], *янлиг тиг* [yanlig tiγ], бурхан шашны зан үйл, лам нартай холбоотой *жамжиг* [jamjiγ] нэр хүнд, алдар, *сунтаг* [suntaγ] тарни тогтоолын утас, *гомбо* [γombo] чөлөө, эдлэл хэрэглэгдэхүүнтэй холбоотой: *сэвэг цай* [sebüg čai] саг буюу цайны хэмжээ, хүндэтгэлтэй холбоотой: лагшин биеийг нь шицог зандан [šingčog zandan], үг хэлийг нь сүндэв [sungdub] гэх мэт төвөд хэлний үгсээр захиандаа хүндэтгэлээ илэрхийлж бичсэн байна.

Манж хэлний үгс

Монгол, манж зүрчин хэл нь алтай язгуурын хэлэнд багтдаг бөгөөд эртнээс хөрш зэргэлдээ байсан тул манж хэлнээс монгол хэлэнд, монгол хэлнээс манж хэлэнд олон үг орсон байна. Жишээлбэл: захидлуудад *фүжин* [fujin] хатан хэмээх үг олон тохиолдож байна. Мөн XVII зууны үед Монгол улсын хад ноёд өөр хоорондоо тэмцэлдэн бутралдаж, улс

орны байдал тогтворгүйтсэн тул тухайн үед хүчирхэгжиж байсан Дайчин гүрнийг түшиж, дагаар орсноор улс төрийн эрх мэдлээ алджээ. Энэ үеэс улс төртэй холбоотой олон үг манжаас монгол хэлэнд зарим нь орчуулагдаж, зарим үгс нь шууд орсон байна. Тухайлбал: *хуувийн сайд* [quubi-yin sayid], *хэбэй түшээ* [kebei tüsiyi-e] зөвлөх, *дооль түшмэл* [dooli tüsimel] байцаан шүүгч түшмэлийн доодох албан тушаалтан, *үхэри да* [uheri da] бүгдийн дарга буюу хошууны захирагч, *гусай* [γusai] хошуу буюу хошууны сайд, *галай да* [γalai da] гарын дарга буюу ноёны дагуул, хиатай тэнцэх манж албан тушаалын нэр, *боодаа* [booi da] гэрийн дарга буюу ноёдын гэр орны аж ахуйг эрхэлж орон байрыг хариуцагч гэх мэт улс төр, засаг захиргаа, албан тушаал, мөнгө санхүүтэй холбоотой олон үгс манж хэлнээс орж иржээ. Мөн ноёд тайж нар захидал, харилцсан бичгээ сайн өдөр, сайн бэлгэт өдөр, өлзийт өдөр зэрэг монгол үгсээс гадна *ниулхүн* [niulkun] хийморь дэлгэрсэн өдөр гэх мэт манж үгсээр төгсгөсөн байна.

Орос, европ хэлний үгс

XX зууны эхээр Манж Чин улсын байдал сулран доройтох болсноор монголчууд тусгаар тогтнолынхоо төлөө тэмцэж Орос зэрэг гадаад улсуудтай илүү идэвхтэй харилцаж эхэлжээ. Энэ үеэс Оросоор дамжин орос европ хэлний зэр зэвсэг, техникийн холбогдолтой олон үгс орж иржээ. Техниктэй холбоотой *маузер* герман бууны марк, пулемёт [fulimad], *фонопор* [fonobor] мэдээ дамжуулах багаж хэрэгсэл, *телефон* [tilibon] цахилгаан утас, албан тушаалтай холбоотой *консул* [konsul] төлөөлөгч, *майорын зэрэг* [mayor-un jerge] хошууч, мөнгө төгрөгтэй холбоотой цөлхоов цаас [čölkoob] оросын хуучны цаасан мөнгө гэх мэт үгс эдгээр захидлуудад тэмдэглэгджээ.

Монгол улсын үндэсний төв архивд хадгалагдаж буй 1748–1927 оны үеийн Монгол Буриад, Алтайн Урианхай, Өвөр Монгол, Төвөдийн ноёд, лам нарын хоорондоо харилцсан захидлуудын цуглуулга нь хэл бичиг, соёл ба түүхийн үнэтэй мэдээллийг агуулсан чухал эх сурвалж юм. Мөн эдгээр эх захидлууд нь түүхийн чухал баримт төдийгүй захидал харилцаж буй тухайн цаг үеийн захидал харилцааны уламжлалт дэг, найруулга зүй, нийгмийн хөгжлийн онцлогийг тусгасан аман яриа, бичгийн үгсээр бичигдсэнээрээ онцлог бөгөөд түүхэн хэлшинжлэлийн чухал ач холбогдолтой судлагдахуун билээ. Эдгээр захидлууд бичгийн хувьд ихэвчлэн хичээнгүй тигээр бичигдсэн бийрийн захидлууд байна. Найруулгын хувьд албан хэргийн захидал, хувийн захидал, өргөх захидал бичгүүдээс бүрдэж байна. Зарим захидлын утгыг онцлон дурдвал: Жавзандамба хутагтын IV дүрийг тодруулах талаар, ганжуур их хөлгөн судрыг есөн эрдэнээр бүтээх хэрэглэгдэхүүнийг цуглуулах талаар, шинэ амбаныг угтах хүндэтгэлийн ёслолын талаар, хилс хэргийг цагаатгаж өгөхийг хүссэн талаар, хулгай дээрмийг олж шийтгэх, эд хөрөнгөө булаалгуулсан тул ивээн тэтгэхийг хүссэн зэрэг байна. Захидлын бүтцийн хувьд уламжлал дагуу захидлын эхэнд өөрийн нэрээ дурдаад "үг ману" гэж бичдэг шиг мөн адил өөрийн нэрээ дурдаад бичиг, захиа, захиа бичиг, өргөх бичиг эсвэл дүүгийн бичиг, ахын бичиг гэх мэтчилэн бичсэн байна. Мөн нэрээ дурдалгүй өргөх нь, өргөх бичиг, захиа бичиг гэх мэтчилэн бичигдсэн ч бас байна. Зарим захидлын төгсгөлд захидал бичигдсэн огноо байх боловч ихэвчлэн "сайн өдрөө", "сайн өдөр" мөн манжаар ниулхүн гэж бичиж үлдээжээ.

Монгол хэлэнд орсон олон манж үг байдаг ч Манж Чин улсын захиргаанд байсан жилүүдэд хэбэй түшмэл, боида гэх мэт манжийн хаад, ноёдын угсаатнууд болон манжийн их, бага албан тушаалуудын нэрс нэлээд орж иржээ. Одоо цагт эдгээр үгс нь тухайн үеийг илэрхийлэх түүхэн үгс болжээ. Хятад үндэстэнтэй олон мянган жил хөрш зэргэлдээ оршиж, худалдаа арилжаа, улс төрийн харилцаатай

байснаас бүх л харилцааны маш олон үгс цаг үе бүрд орж ирж байжээ. Зарим үгс нь монгол хэлэнд идээшин зохицож хятад үг гэж ялгагдахааргүй болжээ. Богд Зонховын үндэслэсэн шарын шашин 16 дугаар зуунаас эхлэн монголчуудын дунд дэлгэрсний нөлөөгөөр бурхан шашны ном судар монгол хэлэнд ихээр орчуулж, түгээн дэлгэрүүлснээр төвд хэлний үгс олон орж иржээ. Зөвхөн ном бичгийн хэл, хүний алдар нэр төдийгүй сэвэг цай, жамжиг гэх мэтээр энгийн үтэл ард иргэдийн ярианд багагүй орж ирсэн байна. Богд хаант Монгол улс тусгаар тогтнохтой холбоотойгоор эдийн засаг болон геополитикийн түвшинд Хаант орос болон Англи, Франц, Америкийн нэгдсэн улсуудтай харьцаж эхэлснээр орос, европ хэлний үгс ихээр орж ирэх болжээ. Тийм авч фонопор, телефон зэрэг үгсийг төмөр утас, цахилгаан утас, цахилгаан гэх мэтээр орчуулан хэрэглэж байжээ. Мөн эдийн засаг, бараа таваар, худалдааны харилцааны гол мөнгөн нэгжийг янчаан /хятад/, цөлхөөв /орос/, мөнгөн зоос / монгол/ нэршлүүдээр ашиглаж байжээ.

Үгсийн жагсаалт
(архивд буй дансны дугаар, галигийн хамт)

Мугдам [tuγdum] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.404. Б.2. Эх. МУҮТА. ТБА. ХМ.170, Д.1. ХН.494. Б.9. Эх.

Боодаа [booi da] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.440. Б.41. Эх.

Бороон торго [boruγun torγ-a] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. ХН.176. Д.1. Б.7. Эх.

Бээжин таригин [begejin tarikin] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.362. Б.10. Эх.

Галай да [γala-i da] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.395. Б.18. Эх.

Гачлах [γačilaqu] *МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.328. Б.1. Эх.*

Гомбо [dgongs pa] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.320. Б.1. Эх.

Гудас [γudus] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.25. Б.13. Эх.

Гусай [γusa-i] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.506. Б.1. Эх.

Гуутуур [gōutiáoer] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.320. Б.1. Эх.

Дайфү [dayifu] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.370. Б.11. Эх.

Дооль түшмэл [dooli tüsimel] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.601. Б.13. Эх.

Дуутуурын ор [duutur] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.413. Б.8. Эх.

Дүлэвдэх [dülbedekü] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.32. Б.13. Эх.

Дүү [deu] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.45. Б.7. Эх.

Дэвэр [deberi] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. ХН.176. Д.1. Б.7. Эх.

Дэмч [dem chi] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.396. Б.4. Эх.

Есөн өргөх [yisün ergükü] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.367. Б.9. Эх.

Жамжиг [skyabs ‘jug] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.511. Б.2. Эх.

Ин улс [yīng ulus] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.464. Б.4. Эх.

Консул [qongsul] *МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.125. Х.7-14. Эх.*

Ли [lǐ], МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.464. Б.4. Эх.

Майорын зэрэг [mayuur-yin jerge] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1, ХН.365, Б.2-4. Эх.

Мообин [máobiān] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.320. Б.1. Эх.

Му [mǔ], МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.464. Б.4. Эх.

Мэндүүрмү [mengdegüürimüi] *МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.221. Х.38-42. Эх. МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.400. Б.14. Эх.*

Ниулхүн [niulkun] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1, ХН.365, Б.2-4. Эх.

Нялмуур [nilamaγur] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.591. Б.29. Эх.

Өгчилгөх [ögčilegekü] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.413. Б.2. Эх. МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.101. Б.4. Эх.

Пун [fèn], МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.370. Б.11. Эх.

Пулемёт МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.137. Б.6. Эх.

Ранжун рад [rangjung rada] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.362. Б.10. Эх.

Сум эр [sumun-u er-e] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. ХН.176. Д.1. Б.7. Эх.

Сунтаг [sungtaγ] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.58. Б.2. Эх.

Сүндэв [süngdüb] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.362. Б.5. Эх.

Сэвэг цай [sig bu] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.117. Б.1. Эх

Тамгын газрын сурц алба [tamaγ-a-yin γajar-un surča alban], МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.378. Б.7. Эх.

Телефон МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.137. Б.6. Эх.

Товь малгай [tobi malaγa] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.582. Б.13. Эх.

Тогосын отго [toγus-un otuγ-a] *МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.362. Б.13. Эх.*

Тонирох [toniraqui] *МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1.ХН.222. Х.5-14. Эх.*

Улаа тэгшитгэх [ulaγ-a tegsidkekü] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.223. Х.13-17. Эх.

Улааны пяо [piào] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.364. Б.3. Эх

Ужилж тамхи [üjiliu] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.378. Б.16. Эх.

Ухэри да [uheri da] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. ХН.176. Д.1. Б.3. Эх.

Фонопор [фонопора] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.137. Б.6. Эх.

Фужин [fujin] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.612. Б.12. Эх.

Хасуй [qasui] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.318. Б.7. Эх.

Хойсэ [qoise] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.175. Б.17. Эх. МУҮТА. ТБА. ХМ.170. ХН.176. Д.1. Б.7. Эх. МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.568. Б.1. Эх.

Хоног хугацаж [qonuγ quγučaju] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.474. Б.7. Эх

Хос гэгээ зэвсэг [qous gegege jebseg] *МУҮТА. ТБА. ХМ.170. ХН.176. Д.1. Б.7. Эх.*

Хошууны хацавч [qosiγun-u qačabči] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.107. Б.28. Эх.

Хөхүүлтрэв [köggültarbai]МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.486. Б.4. Эх

Ху [háo], МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.464. Б.4. Эх.

Хуа [huà] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.458. Б.14. Эх.

Хуаминг [huāmíng] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.381. Б.10. Эх.

Хуан тайху [huáng tàihòu] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.318. Б.41. Эх

Хуандu [huándi] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.320. Б.1. Эх.

Хуаны түнш, хуаны газар МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.356. Б.6. Эх. МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.378. Б.16. Эх. МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.370. Б.11. Эх.

Хунз [kuāng zi] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.444. Б.12. Эх.

Хунтайж [huáng tài zi] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.74. Б.38. Эх.

Хуувийн сайд [quubi-yin sayid] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.125. Х.7-14. Эх.

Хүнд [kündü] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.413. Б.7. Эх.

Хэбэй түшээ [hebe-i tüsiyi-e] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.11. Б.9. Эх.

Хэрмэлийн жасаа [kerümel-ün jisiy-a] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.521. Б.1. Эх

Цөлхоов цаас [целковый]. МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.376. Б.14-18. Эх.

Шанз торго [šangju] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. ХН.176. Д.1. Б.7. Эх.

Шилдэж [sildejü] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.45. Б.7. Эх.

Шингэ [singge] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.367. Б.9. Эх.

Шицог зандан [shing tshogs] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.327. Б.1. Эх

Шонхуйтан [yuanshìkǎi] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.318. Б.27. Эх.

Шуусаа [šuuša] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.367. Б.9. Эх.

Эрийн төөлүүр данс [er-e-yin tögelegür dangsa] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.105. Б.1. Эх.

Янбуу бичиг [yínbó] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1.ХН.222. Х.1-4. Эх.

Янчаан [yang qián] МУҮТА. ТБА. ХМ.170. Д.1. ХН.495. Б.1. Эх.

Товчилсон үгс

МУҮТА — Монгол улсын үндэсний төв архив

ХМ — хөмрөгийн дугаар

Д — дансны дугаар

ХН — хөмрөгийн нэгжийн дугаар

Б — баримтын дугаар

Ашигласан ном зүй

Bayatur 2005: *Bayatur D.* Kitad mongγol toli. ündüsün-ü keblel-ün qoriy-a, 2005.

Бадамдорж 2015: *Бадамдорж Д.* Монгол хэлний үгийн сангийн утгазүй. Улаанбаатар, 2015.

Баттөгс, Пүрэвжав, Түвшинтөгс, Гэрэлмаа, Шинэбаяр, Ганболд, 2020: *Баттөгс Ш., Пүрэвжав Э., Түвшинтөгс Б., Гэрэлмаа Г., Шинэбаяр О., Ганболд Д.* Монгол хэлний үгийн сан, найруулга судлал. Монгол хэл судлалын түүх. III боть. Улаанбаатар, 2020.

Гэрэлбадрах 1999: *Гэрэлбадрах Ж.* XV–XVII зууны монголын ноёд язгууртнуудын зэрэг дэвийн асуудалд. Улаанбаатар, 1999.

Дэмчигмаа 2013: *Дэмчигмаа О.* Субашидын монгол орчуулгуудын үгийн сангийн онцлог. Улаанбаатар, 2013.

Лувсандаш, Шархүү 1968: *Лувсандаш Г., Шархүү Г.* Манж монгол толь бичиг. Улаанбаатар, 1968.

Мөнхсайхан 2014: *Мөнхсайхан С.* Монгол хэлний хятад гаралтай үг. Соёмбо принтинг. Улаанбаатар, 2014.

Ринчинноров, Лонжид 2019: Ноёд, тайж, лам нарын захидлын цуглуулга: баримт бичгийн эмхэтгэл. Эмхэтгэсэн *Ринчинноров Б., Лонжид З.* Мөнхийн үсэг. Улаанбаатар, 2019.

Сүхбаатар 2018: *Сүхбаатар О.* Монгол хэлний харь үгийн толь. Монсудар хэвлэлийн газар. Улаанбаатар, 2018.

Төмөртогоо 2018: *Төмөртогоо Д.* Монгол хэлний үгийн гаралын тайлбар толь. Адмон принт, Улаанбаатар, 2018.

Төмөртогоо 2022: *Төмөртогоо Д.* Түүхэн хэл зүй, Монгол хэл судлал V боть, Улаанбаатар, 2022.

Түмэнжаргал 2010: *Түмэнжаргал Д.* Монголын лам, ноёдын мянган захидал, цуврал III, IV дэвтэр. Улаанбаатар, 2010.

Чоймаа, Заяабаатар 2017: *Чоймаа Ш., Заяабаатар Д.* Дайчин гүрний Дотоод яамны монгол бичгийн гэрийн данс. Дагалга боть. Соёмбо принтинг, Улаанбаатар, 2017.

Чоймаа, Цэрэндорж, Мөнх-Учрал, Ганбат 2024, Дэлгэрэнгүй тайлбартай монголын нууц товчоон / Ред.: Чоймаа Ш., Цэрэндорж Ц., Мөнх-Учрал., Ганбат Л. Сэлэнгэ пресс. Улаанбаатар, 2024.

Чулуунпүрэв 2018: Монгол хэлний хуучин үгийн толь / Эмхэтгэсэн Чулуунпүрэв С., Монсудар хэвлэлийн газар. Улаанбаатар, 2018.

OBSERVING THE VOCABULARY IN THE LETTERS OF THE 18TH-CENTURY NOBLES, PRINCES, AND MONKS

Dagii Gerelmaa
Chinggis Khaan National Museum

B. Rinchinnorov and G. Ser-Od, researchers of the General Archives of Mongolia, have compiled some correspondences between Mongolian, Buriad, Altai Uriankhai, Inner Mongolian, and Tibetan princes and monks from 1748 to 1927 that has been stored in the General Archives of Mongolia. *A Collection of Letters of Nobles, Princes, and Monks: An Anthology of Documents* was published in 2019. The compilation includes 463 letters: 214 letters from the Manchu Qing Dynasty, 225 from the Bogdo Khanate period of Mongolia, and 22 from the People's Republic period. This article aims to observe the vocabulary of the letters of the collection and analyze the words that are now outdated or old-fashioned in terms of meaning and usage in modern language. These words are divided into Mongolian, Chinese, Tibetan, Manchu, and Russian-European words, and the meaning of each is briefly explained. In addition, these original letters are not only important historical artefacts, but they also reflect the characteristics of the chancellery correspondence tradition, stylistics, and social development of the period in which they were transmitted. Moreover, the spoken and written language is also special and important for historical linguistics. These letters are usually written in cursive handwriting with a brush. In terms of composition, there are official letters, personal letters, and letters of petitions.

Key words: the 18th century, letters, vocabulary, old words, Mongolian vocabulary, Chinese vocabulary, Tibetan vocabulary, Manchu vocabulary, Russian-European vocabulary.

About the author: **Dagii Gerelmaa**, Bachelor of Art. Chinggis Khaan National Museum (Ulaanbaatar, Mongolia) (gerlee1272@gmail.com).

ИССЛЕДОВАНИЕ ПИСЬМЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ПИСЬМАХ ТАЙДЖИ, НОЙОНОВ И ЛАМ XVIII ВЕКА

Дагийн Гэрэлмаа
Национальный музей Чингис-хана

Целью данной статьи является изучение и анализ письменной лексики, устаревшей и вышедшей из употребления в современном языке на примере сборника «Собрание писем принцев, великих князей и лам: сборник документов», хранящегося в Главном Архиве Монголии, изданного в 2019 г. Б. Ринчинноровом и Г. Сэр-Одом. Данный сборник включал переписку между монгольскими, бурятскими, алтайскими, тибетскими князьями и ламами с 1748 по 1927 гг. Сборник включает 463 письма: 214 писем периода маньчжурской династии Цин, 225 – Богдоского ханства Монголии и 22 – Народной Республики Монголии. Эти оригинальные письма являются важными историческими документами, отражают особенности традиции канцелярской переписки, стилистики. По статусу письма различаются на официальные, личные и письма-прошения. Последние обычно написаны скорописью. В письмах употребляются слова на монгольском, китайском, тибетском, маньчжурском и русском и некоторых европейских языках.

Ключевые слова: XVIII век, письма, лексика, старые слова, монгольская лексика, китайская лексика, тибетская лексика, маньчжурская лексика, русско-европейская лексика.

Об авторе: **Дагийн Гэрэлмаа**, бакалавр, научный работник, Национальный музей Чингис-хана (Улан-Батор, Монголия) (gerlee1272@gmail.com).

УДК 811.512.1
DOI: 10.48612/IVRRAN/n6p4-2514-1vku

Ли Цинцзе
Северо-Западный университет Миньцзу

ИЗУЧЕНИЕ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА О ГЭСЭРЕ СОВЕТСКИМИ И РОССИЙСКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ В XX ВЕКЕ

Статья посвящена истории изучения героического эпоса о Гэсэре советскими и российскими учёными в XX в. Являясь древним эпическим произведением, «Гэсэриада» занимает особое место в культуре кочевых народов Центральной Азии и привлекает внимание исследователей всего мира. Советские и российские востоковеды смогли собрать богатый фольклорный, лингвистический и этнографический материал, связанный с происхождением эпоса, его формированием и распространением, что является важным достижением в области его изучения.

Ключевые слова: эпическое произведение, традиционная культура, народный герой, Гэсэриада, версии эпоса.

Благодарность. Работа выполнена в рамках проекта Государственного фонда общественных наук КНР «Документирование эпоса “Гэсэр” в России и создание электронной базы данных» (проект № 19ZDA285).

Об авторе: Ли Цинцзе 李青洁, докторант, Отдел китайского языка и литературы, Северо-Западный университет Миньцзу (КНР, Ланьчжоу) (119261018@qq.com).

© Ли Цинцзе, 2025

Героический эпос о Гэсэре, святом воине, широко распространён в Центральной и Восточной Азии, прежде всего, среди тибетцев и монгольских народов. Он представляет собой сложную систему текстов, изучение которой позволяет лучше изучить культуру, философские и религиозные учения народов Востока. Этот эпос является важной и неотъемлемой частью традиционной культуры тибетцев, монголов, бурят, тувинцев, калмыков и других народов.

До наших дней дошли разные варианты героического эпоса о Гэсэре на тибетском и монгольском языках. Существуют устная и письменная версии эпоса, есть тексты в стихах и в прозе, сохранились смешанные (прозаический и поэтический) варианты. Существуют как тексты, которые являются лишь небольшими фрагментами, так и обширные своды Гэсэриады.

В России эпос о Гэсэре стал предметом научного изучения еще в XVIII в., что связано с изучением языка и культуры таких монгольских народов, как калмыки и буряты, которые вошли в российское подданство. К тому же, в 1716 г. в Пекине было ксилографически напечатано «Сказание о Гэсэр-хане, владыке десяти сторон света» на монгольском языке, что способствовало широкому распространению эпоса среди монголов и знакомству с ним европейских ученых. Монгольский текст пекинского издания с немецким переводом был опубликован в Петербурге академиком И. Я. Шмидтом в 1836 и 1839 гг. [Герасимович, 2006. С. 130–131]. Экземпляры эпоса были привезены О. М. Ковалевским из Пекина в 1831 г. и впоследствии переданы в библиотеку Петербургского университета. Поэтому эпос о Гэсэре использовался всеми русскими монголоведами XIX в., главным образом, для изучения монгольской лексики, которая нашла отражение в словарях О. М. Ковалевского и К. Ф. Гостунского.

В XIX в. русскими учеными велись поиски записей Гэсэриады на тибетском языке. Будущий академик В. П. Васильев, находившийся в Пекине в 1841–1850 гг., сообщал о своих попыт-

ках достать тибетский текст эпоса [Wassiliew, 1856. P. 574].

Тибетский текст Гэсэриады был получен Азиатским Музеем в 1868 г. из Ладакха. По просьбе академика А. А. Шифнера, прислал немецкий миссионер Г. А. Ешке (H. A. Jäschke). Хотя эта рукопись (новый шифр Tib. 2049, старый — B. 8004) велика по размеру и по объему (349 лл.), она является лишь одной главой эпоса, повествующей о сражении Гэсэра с царем государства Сатам (тиб. *Sa tham*) [Дамдинсурэн, 1957. С. 8–9].

В 1885 г. известный русский путешественник Г. Н. Потанин приобрел тибетскую рукопись Гэсэриады в одном из монастырей северо-восточного Тибета. Он передал эту рукопись в Императорскую Публичную библиотеку (в наст. время — Национальная библиотека России), где она хранится поныне. Эта рукопись представляет собой две неполные главы эпоса, частично написанные скорописью (шифры Тиб. н.с. 58 и Тиб. н.с. 59) [Нармаев, Бурцева, 2015].

Любопытное свидетельство о бытовании Гэсэриады у тибетцев оставил Базар Барадийн, который в 1906–1907 гг. проживал в крупнейшем монастыре северо-восточного Тибета Лавран Ташичил (тиб. *Bla brang bkra shis 'khyil*; в наст. время — пров. Ганьсу КНР). Барадийн собрал коллекцию из примерно двухсот тибетских книг, и смог обнаружить в монастыре объемистую (до 500 листов) рукопись тибетской Гэсэриады. Считалось, что читать и слушать эпос о Гэсэре — недостойное занятие для лам, которые хранили у себя подобные книги только тайно. Как рассказал владелец рукописи, у него на родине в Ребконе (тиб. *Reb gong*; в наст. время — пров. Цинхай КНР) «по вечерам собираются молодые и старики, женщины и дети слушать эту поэму. Они из своей среды находят искусного чтеца, который декламирует и поет поэму до глубокой ночи перед слушателями». Барадийну не удалось приобрести эту рукопись, т. к. по словам ее владельца, люди его «родных деревень будут лишены большого для них удовольствия слушать ее всю зиму» [Барадин, 1999. С. 238–239].

В XIX и XX вв. записи отдельных частей Гэсэриады на монгольском и калмыцком языках были собраны русскими учеными (К. Ф. Голстунский, М. Н. Хангалов, Ц. Ж. Жамцарано), некоторые переведены на русский язык [Uspensky, 2001. P. 502–503, №№ 904, 905, 906].

После Октябрьской революции работа по сбору фольклорного материала и изучения Гэсэриады продолжилась. Выдающимся событием стал опубликованный в 1936 г. русский перевод с монгольского языка пекинского издания эпоса о Гэсэре, который был выполнен академиком С. А. Козиным. В пространном введении, датированном 1930 г. и озаглавленном «Социальные мотивы в Гэсэриаде (Опыт историко-литературной характеристики)», С. А. Козин писал: «Гэсэриада может быть определена как аллегорическая поэма-сатира, с острием сатиры, обращенным в сторону господствующих классов — духовных и светских феодалов, современных памятнику» [Козин, 1936. С. 34].

Академик Козин продолжал работу над выдающимися памятниками монгольской литературы. В 1940 был опубликован его перевод монголо-ойратского эпоса Джангар, а в 1941 г. «Сокровенного сказания» («Тайная история династии Юань»; 元朝秘史 Юань чао ми ши). Вышедшая в 1948 г. книга «Эпос монгольских народов» стала обобщением этих трудов. В этой книге также содержался пересказ шести «дополнительных» глав Гэсэриады, сохранившихся только в форме рукописей [Козин, 1948. С. 204–236]. С. А. Козин пришел к выводу, что героем Гэсэриады, Джангариады и «Сокровенного сказания» является Чингис-хан.

В октябре 1940 г. в Москве с большим успехом прошла декада бурят-монгольского искусства. И. В. Сталин посетил заключительный концерт в Кремле и, по свидетельству современников, выступление бурятских певцов и танцоров ему очень понравилось: «Встречал бурят-монгольских артистов с какой-то особой предупредительностью и доброжелательством, подчеркивал внимание и симпатии. После выступления — он первый начинал аплодировать» [Перхин, 2019. С. 101].

И. В. Сталин лично подписал постановление Совета народных комиссаров СССР № 1409 от 26 мая 1941 г. «О проведении юбилея

бурят-монгольского народного эпоса «Гэсэр»» [Перечень постановлений СНК СССР за 1941 год]. Празднование 600-летнего юбилея Гэсэриады было решено провести в ноябре 1942 г.

Подготовка к столь масштабному и ответственному мероприятию предполагала проведение большой работы, в частности, по составлению единого сводного текста эпоса о Гэсэре. «В июне 1941 г. бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) утвердило редколлегию по подготовке к печати народного эпоса «Гэсэр» на бурят-монгольском языке в составе Бельгаева Г. Ц. — ответственного редактора, Галсанова Ц. Г., Поппе Н. Н., Бальбурова А. А. и Намсараева Х. Н.» [Елаев, 2024]. Составление сводного текста Гэсэриады было поручено Н. Г. Балдано, одному из основоположников бурятской советской литературы и театрального искусства.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война внесла значительные коррективы в эти планы. Тем не менее, в 1946 г. Н. Г. Балдано представил сводный текст эпоса в 25 тысяч стихотворных строк [Балдано, 2014. С. 33]. Однако на этот раз вмешалась политика, поскольку в 1948 г. «некоторые [бурятские — *Ли Цинцзе*] товарищи выступили в печати с резко отрицательной оценкой эпоса «Гэсэр» как реакционного, феодально-ханского. После этого любое выступление с иным мнением об эпосе «Гэсэр» встречалось тогдашним руководством Союза советских писателей Бурят-Монгольской АССР […] как буржуазно-националистическое» [Брагинский, 1955. С. 26].

Многие документы, относящиеся к этой «анти-Гэсэровской» кампании были опубликованы [Дамдинсурэн, 2008. С. 353–450]. Поводом для начала этой кампании послужила публикация книги С. А. Козина «Эпос монгольских народов»; однако ее истинные причины непонятны до сих пор. Каких-либо документов, свидетельствующих о том, что она была инициирована из Москвы, нет, и скорее всего она была «местной инициативой» [Балдано, 2014. С. 34]. Однако именно в это время в Ленинграде под руководством академика С. А. Козина работал над диссертацией о Гэсэриаде выдающийся монгольский ученый Цэндийн Дамдинсурэн. У него был свой взгляд на эпос, отличный от взглядов его научного руководителя. В 1950 г. в Ленинграде он защитил кандидатскую диссертацию «Исторические корни Гэсэриады», причем некоторые рецензенты предлагали присудить ему степень не кандидата наук, а доктора наук [Дамдинсурэн, 2008. С. 438–444]. Естественно, это не прошло мимо внимания «группы товарищей», сторонников «антинародности» эпоса. Однако в марте 1951 г. решением ЦК ВКП(б) прежнее партийное руководство Бурят-Монгольской АССР было смещено, а новое руководство снова вынесло на обсуждение вопрос о «народности» эпоса. Наконец, 2–5 февраля 1953 г. в Улан-Удэ состоялась объединенная научная сессия Института востоковедения АН СССР и Бурят-Монгольского НИИ культуры «О характере бурятского эпоса «Гэсэр»». Был признан подлинно «народный» характер эпоса о Гэсэре, и в дальнейшем его изучение и распространение только поощрялись.

В 1957 г., когда утихли споры, на русском языке была опубликована монография Ц. Дамдинсурэна «Исторические корни Гэсэриады», написанная на основе диссертации [Дамдинсурэн, 1957]. Эта книга, хотя и написана монгольским ученым, стала выдающемся событием в советском востоковедении. Автор так описал ареал распространения героического эпоса: «Эта грандиозная поэма простирается от тропической реки Ганг до холодного Амура, от солнечной Хуанхэ до сумрачной Лены» [Дамдинсурэн, 1957. С. 5].

Рассмотрев значительное количество исторических источников, касающихся происхождения героического эпоса, учёный тщательно изучил несколько версий Гэсэриады (включая монгольскую, бурятскую и тибетскую) и дал объективные и обоснованные комментарии к каждой из них. Данное исследование до сих пор остается одним из наиболее важных трудов в области изучения Гэсэриады.

В своем научном труде Ц. Дамдинсурэн собрал информацию о том, как объясняли происхождение Гэсэра ученые всего мира, и отверг все мнения предшественников о происхождении героя эпоса. Он пришел к выводу, что Гэ-

сэр — это Госыло (тиб. *rGyal sras*; кит. Цзюесыло 喻廝囉; 997–1065), правитель туфаньского княжества Цонка (тиб. *Tsong kha*) в северо-восточном Тибете. Это мнение, несмотря на оригинальность, представлялось спорным некоторым советским и зарубежным исследователям [Кычанов, 1968. С. 136–137, примеч. 1].

Изучив монгольский и тибетский варианты эпоса о Гэсэре, Ц. Дамдинсурэн пришёл к выводу, что эти две версии героического эпоса происходят из одного и того же источника, но при этом являются двумя разными версиями. Автор утверждает, что «…из 13 глав монгольских версий только две-три главы имеют некоторую аналогию с тибетской версией. Это главы о рождении Гэсэра и о войне с шарайголами. Остальные 11 глав, очевидно, представляют самостоятельное монгольское произведение, так как аналогичных глав в тибетских версиях нет» [Дамдинсурэн, 1957. С. 163]. Ц. Дамдинсурэн считал, что монгольская версия эпоса — это отдельное самостоятельное литературное произведение, и не является переводом тибетской версии.

По мнению Ц. Дамдинсурэна, «…Гэсэриада первоначально была письменным произведением, затем получила широкое распространение путём устной передачи и обросла фольклорными мотивами различных народов» [Дамдинсурэн, 1957. С. 164]. Следуя именно такой линии развития, постепенно сформировались многие версии эпоса у народов Центральной и Восточной Азии.

В своей монографии Ц. Дамдинсурэн отметил, что легендарная история Гэсэра представляет собой настоящий народный эпос. При этом герои и события эпоса являются реальными историческими персонажами и событиями. Что касается этнических признаков разных версий эпоса о Гэсэре, то автор утверждает, что Гэсэриада — это уникальное эпическое произведение Тибета, Монголии и Бурятии.

Ц. Дамдинсурэн акцентирует внимание на истинно народном происхождении Гэсэриады, обращая особое внимание на то, что эпос выражает антиаристократические и антиламаистские настроения народа. Именно поэтому автор утверждает, что героический эпос носит по-настоящему народный характер и не является произведением, восхваляющим феодального правителя. Героический эпос «посвящён не потустороннему миру, а земной жизни простых людей, стремящихся жить свободно и счастливо» [Дамдинсурэн, 1957. С. 172].

Ц. Дамдинсурэн «…впервые сделал общий обзор всех версий Гэсэриады, сравнил их между собой, проанализировал огромное количество тибетских и монгольских материалов, касающихся проблемы происхождения поэмы» [Цендина, 1998 С. 9], благодаря чему был сделан большой шаг вперёд в деле изучения героического эпоса о Гэсэре.

Известный советский ученый-фольклорист А. И. Уланов активно занимался сбором материалов, связанных с героическим эпосом о Гэсэре, опубликовал статьи и монографии, посвящённые бурятской Гэсэриаде. В исследованиях учёного «Абай Гэсэр» занимает важное место. Труды А. И. Уланова «Бурятский «Гэсэр» и его основные идейные мотивы» [Уланов, 1953], «К характеристике героического эпоса» [Уланов, 1957], «Бурятский героический эпос» [Уланов, 1963] имеют общетеоретическое и методологическое значение в области изучения устного творчества бурят. Публикации автора дают возможность познакомиться с народным творчеством бурят, способствуют развитию более глубокого, всестороннего изучения бурятского эпоса.

В своих научных трудах автор акцентирует внимание на бурятских версиях героического эпоса. Для сравнения автор приводит две версии Гэсэриады: эхирит-булагатских и унгинских племенных объединений бурят. За основу автор берёт улигеры — народные сказания в жанре героико-исторического эпоса у монголов и бурят. Анализируя определяющие идейные мотивы эхирит-булагатских и унгинских улигеров о Гэсэре, автор отмечает, что в бурятских улигерах нет религиозного подтекста, в тексте эпоса отсутствует восхваление ханской власти. А. И. Уланов, сравнивая эхирит-булагатскую и унгинскую версии бурятского «Гэсэра» отметил, что обе версии имеют и своеобразные черты, и близкие идейные мотивы. Автор отмечает, что унгинская вер-

сия «Абай Гэсэра» имеет прямое отношение к монгольской «Гэсэриаде». Эхирит-булагатская версия «Абай Гэсэр-Хубун» является отражением периода разложения матриархата и возвышения патриархата в бурятском древнем обществе. Данная версия не имеет сходства ни с монгольской «Гэсэриадой», ни с тибетскими и калмыцкими сказаниями, а представляет собой самостоятельный самобытный героический эпос. Автор утверждает, что «…улигеры являются подлинными, народными, самобытными творениями, воспевающими борьбу героя с захватчиками, чудовищами, стихийными силами» [Уланов, 1957. С. 101], которые выражают духовную культуру, чаяния, психологию бурятского народа и являются истинно народным произведением.

А. И. Уланов внёс значительный вклад в перевод, исследование и издание произведений устного народного творчества, посвящённых Гэсэру. В своём исследовании «Абай Гэсэра» автор впервые перевёл на русский язык и опубликовал один из подлинных текстов улигера о Гэсэре, что позволило познакомить широкий круг читателей с оригинальным бурятским эпосом.

Во второй половине XX в. ряд советских учёных также занимались исследованием героического эпоса о Гэсэре. М. П. Хомонов, Н. О. Шаракшинова, Б. М. Нармаев [Хомонов, 1976; Хомонов, 1989; Шаракшинова, 1987; Нармаев, 1987] внесли большой вклад в дело изучения эпического литературного произведения народов Востока. Увидели свет материалы по эпосу «Гэсэр», собранные бурятским просветителем М. Н. Хангаловым на рубеже XIX–XX вв. [Хангалов, 1961]. М. П. Хомоновым были переведены с бурятского на русский язык и опубликованы две части героического эпоса «Абай Гэсэр-Хубун» [Абай Гэсэр-хубун. Эпопея 1961]. Позже Н. О. Шаракшинова опубликовала на русском языке ещё один бурятский вариант Гэсэриады.

Советский и российский фольклорист С. Ю. Неклюдов в 1984 г. опубликовал научное исследование «Героический эпос монгольских народов: устные и литературные традиции» [Неклюдов, 1984]. Автор использовал большинство устных и книжных бурятских и монгольских версий эпоса, обобщил и проанализировал опыт изучения Гэсэриады российскими, советскими и монгольскими исследователями.

О происхождении монгольской версии эпоса о Гэсэре автор пишет, что «…ядро монгольской Гэсэриады формировалось в Северо-Восточном Тибете… свыше пяти столетий назад» [Неклюдов, 1984. С. 220]. С. Ю. Неклюдов считает, что вопрос о тибетском происхождении монгольской Гэсэриады доказан: «…из Тибета эпос о Гэсэре проникает в Монголию, а оттуда — в Бурятию. …данная картина в целом сейчас самоочевидна и не нуждается в обсуждении» [Неклюдов, 1984. С. 164]. Автор обращает внимание на то, что образ Гэсэра тесно связан с развитым в Тибете культом горных духов. Такое суждение согласуется с небесным происхождением героя.

С. Ю. Неклюдов находит связи устных и литературных традиций народного творчества. Учёный обращает внимание на то, что устный и письменный варианты эпоса имеют отличие, но на различных этапах развития эпоса они испытали определённое взаимовлияние. Автор приводит пример такого взаимодействия: «Случается, что сказитель выучивает текст эпоса по рукописи, таким образом книжная Гэсэриада «возвращается» в фольклор» [Неклюдов, 1984. С. 9], испытывая некоторые изменения и доработки. И наоборот, неизвестный автор записывал устный вариант эпоса, пополняя богатую «коллекцию» текстов Гэсэриады. В своей монографии автор проанализировал трансформации Гэсэриады, исследовал происхождение и эволюцию героического эпоса.

Во второй половине XX в. исследования ученых о Гэсэре были посвящены главным образом содержанию эпоса, его хронологии, соотношению разных версий Гэсэриады, ареалу распространения эпоса. Проводился литературоведческий обзор текста как эпического произведения. Нужно отметить, что в этот период учёные не так часто занимались полевыми исследованиями устной эпической традиции, меньше уделяли внимания сбору и записи устных вариантов Гэсэриады, что необходимо для изучения героического эпоса.

В деле исследования эпоса о Гэсэре советские и российские учёные-востоковеды достигли в XX в. значительных результатов. Библиография публикаций на эту тему весьма обширна [Этнография бурятского народа. С. 370–386. №№ 4738–4976]. На русский язык были переведены несколько вариантов Гэсэриады, проведён анализ текстов эпоса, опубликованы научные статьи, монографии, посвящённые Гэсэру. Подобный подход к изучению героического эпоса позволил скорректировать некоторые представления предыдущих исследователей и расширить горизонты изучения эпического литературного произведения народов Восточной и Центральной Азии.

Использованная литература

Абай Гэсэр-хубун. Эпопея 1961: *Абай Гэсэр-хубун.* Эпопея: Эхирит-булагатский вариант. Ч. 1. Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ, 1961.

Балдано 2014: *Балдано М. Н.* Проект нациестроительства: сводный вариант эпоса «Гэсэр» // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 31–36.

Барадин 1999: *Барадин Б.* Жизнь в тангутском монастыре Лавран: Дневник буддийского паломника 1906–1907 гг. Улан-Удэ; Улан-Батор, 1999.

Брагинский 1955: *Брагинский И. С.* Об изучении эпического творчества народов Советского Востока («Гургули» и «Гэсэр») // Советское востоковедение. 1955. № 3. С. 19–35.

Герасимович 2006: *Герасимович Л. К.* Монгольская литература XIII — начала XX вв. (материалы к лекциям). Элиста: «Джангар», 2006.

Дамдинсурэн 1957: *Дамдинсурэн Ц.* Исторические корни Гэсэриады. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

Дамдинсурэн 2008: Цэндийн Дамдинсурэн: к 100-летию со дня рождения / Сост. Цендина А. Д. М.: Вост. лит., 2008.

Елаев 2024: *Елаев А. А.* Семен Игнатьев — назначенец Сталина, продолживший дело Ербанова / [Электронный ресурс] // URL: http://www.gbu-garb.ru/novosti/semen-ignatev-naznachenecz-stalina,-prodolzhivshij-delo-erbanova.html. (Дата обращения: 14.01.2025).

Козин 1936: Гэсэриада: Сказание о милостивом Гэсэр Мерген-хане искоренителе десяти зол в десяти странах света. Пер., вступит. ст. и коммент. С. А. Козина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Козин 1948: *Козин С. А.* Эпос монгольских народов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

Кычанов 1968: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М.: Наука, 1968.

Нармаев 1987: *Нармаев Б. М.* Формирование монгольских и калмыцких версий Гэсэриады. Автореф. дис. …канд. филол. наук. Л., 1987.

Нармаев, Бурцева 2015: *Нармаев Б. М., Бурцева А. М.* Тибетская версия эпоса о царе Гесаре в собрании Российской национальной библиотеки. Пятая глава о войне с хорами // Mongolica-XIV. СПб., 2015. С. 34–42.

Неклюдов 1984: *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов: устные и литературные традиции. М.: Наука, 1984.

Перечень постановлений СНК СССР за 1941 год: Перечни постановлений и распоряжений СНК СССР. 1941–1945 гг. / [Электронный ресурс] // URL: https://statearchive.ru/snk/pp41.htm. (Дата обращения: 14.01.2025).

Перхин 2019: *Перхин В. В.* И. В. Сталин и декада бурятского искусства в Москве (1940) (По материалам дневника М. Б. Храпченко) / Stephanos. 2019. № 1(33). С. 94–107 / [Электронный ресурс] // URL: http://stephanos.ru/izd/2019/2019-33-9.pdf. (Дата обращения: 14.01.2025).

Уланов 1953: *Уланов А. И.* Бурятский «Гэсэр» и его основные идейные мотивы. Улан-Удэ, 1953.

Уланов 1957: *Уланов А. И.* К характеристике героического эпоса бурят. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское книжное изд-во, 1957.

Уланов 1963: *Уланов А. И.* Бурятский героический эпос. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1963.

Хангалов 1961: *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений в 3-х тт. / Под ред. Румянцева Г. Н. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1958–1961.

Хомонов 1976: *Хомонов М. П.* Бурятский героический эпос «Гэсэр». Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1976.

Хомонов 1989: *Хомонов М. П.* Монгольская Гэсэриада. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1989.

Цендина 1998: *Цендина А. Д.* Несколько слов о научной деятельности Ц. Дамдинсурэна // Mongolica-IV: Сборник статей. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. С. 7–10.

Шаракшинова 1987: *Шаракшинова Н. О.* Героико-эпическая поэзия бурят. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1987.

Этнография бурятского народа: Этнография бурятского народа. Библиографический указатель: 1768–2002. М.: Вост. лит., 2006.

Uspensky 2001: *Uspensky V. L.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the

St. Petersburg State University Library. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 2001.

Wassiliew 1856: *Wassiliew*. Notice sur les ouvrages en langues de l'Asie orientale, qui se trouvent dans la bibliothèque de l'université de Saint-Pétersbourg / Mélanges asiatiques tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. 1856. T. 11, 6e livraison. P. 562–607.

THE STUDY OF THE HEROIC EPIC ABOUT GESER BY SOVIET AND RUSSIAN SCHOLARS IN THE 20th CENTURY

Li Qingjie
Northwest Minzu University

The article is dedicated to the history of the study of the heroic epic "The Tale of Geser Khan" by Soviet and Russian scholars in the 20th century. Being an ancient epic work, "Geser" occupies a special place in the literature and culture of nomadic peoples of Inner Asia and attracts scholarly attention all around the world. Orientalists were able to collect abundant linguistic and ethnographic material related to the origin of the epic, its formation and dissemination, which is an important achievement in the field of its studying.

Key words: epic work, traditional culture, folk hero, Geser Epic, versions of the epic.

Acknowledgements. The article was written with the support of the Chinese Fund for Social Sciences, project № 19ZDA285 "Documenting Geser Epic in Russia and Making of an Electronic Database".

About the author: **Li Qingjie** 李青洁, Doctoral Student, Department of Chinese Language and Literature, Northwest Minzu University (Lanzhou, China) (119261018@qq.com).

УДК 811.512.3
DOI: 10.48612/IVRRAN/fr2f-egtg-tg6x

Э. Мөнхцэцэг
Институт языка и литературы Монгольской академии наук

МОНГОЛЬСКИЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ Б. БУЯНЧУЛГАНА (1930 Г.)

Рукописный «Толковый словарь важных слов монгольского языка» — одна из первых попыток составления национальных словарей в независимой Монголии. В статье приводится подробное археографическое описание рукописи, а также представлена структура самого словаря. Отдельное место отведено рассмотрению орфографических ошибок в тексте словаря и причин их появления. Показано, что составитель словаря, Б. Буянчулган, использовал в качестве источников традиционные маньчжурские и монгольские словари. Рассматриваемый словарь занимает важное место в истории монгольской лексикографии.

Ключевые слова: Монгольская лексикография, рукописный толковый словарь, орфографические ошибки.

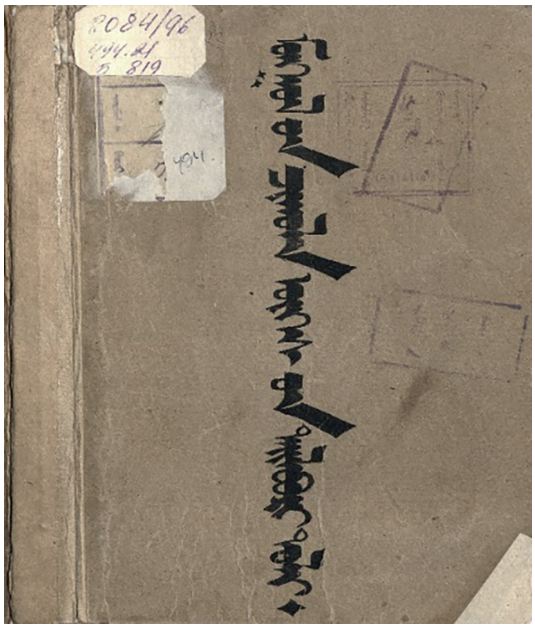
Об авторе: Энхбат Мөнхцэцэг, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела сравнительного языкознания Института языка и литературы Монгольской Академии наук (Монголия, Улан-Батор) (ilha_0011@mail.ru).

© Мөнхцэцэг Э., 2025

«Толковый словарь важных слов монгольского языка» (монг. *mongyol-un čiqula üges-ün tayilburi toli*) (далее — MČUT) хранится в фонде «Рукописи и книги по монголоведению» (монг. Монгол судлал, гар бичмэл номын фонд) Монгольской национальной библиотеки — крупнейшей библиотеки Улан-Батора (Монголия).

Автор словаря, **Бурдийн Буянчулган** (1885–1937), известный монгольский политический деятель, дипломат и историк, родился в 1885 г. в Шулуун-шар-хошу провинции Чахар во Внутренней Монголии. В 1912 г. он переехал в столицу Монголии Нийслэл хурээ[1] (монг. *Neyislel küriy-e*) и стал подданным Монголии. Б. Буянчулган активно участвовал в политической жизни страны, в 1921 г. он вступил в Монгольскую народную партию, в 1921–1925 гг. был руководителем общевойсковой подготовки и заместителем председателя Центрального комитета партии. Затем, в 1925 г. он был назначен полномочным послом Монголии в СССР и проработал в этой должности до 1929 г. Одновременно в 1927 г. он выполнял обязанности заместителя министра Министерства иностранных дел, а в 1929 г. — начальника отдела этого же министерства. По-видимому, работу над своим словарем он начал во время пребывания в Москве. После возвращения в Монголию Б. Буянчулган начал работать в Комитете наук, в период с 1932 по 1937 гг. он был научным сотрудником, заведующим отделом истории Комитета наук, а также его действительным членом. За короткое время работы в институте он написал семь научных работ, в основном, по истории Монголии, среди них: «Территория Монголии» (монг. «Монголын бүх газар нутаг») (1932), «История маньчжурско-монгольских связей» (монг. «Манж монголын холбогдсон түүхт байдал») (1934), «История монгольких Элётов» (монг. «Монгол өөлдийн түүх») (1935), «Дополнительные материалы об истории Монголии в период маньчжурского господства» (монг. «Манжаас Монголыг эзэрхсэн үеийг илэрхийлэх хэрэглэгдэхүүн») (1935) и др [Чулуун, 2010. С. 45–48]. В 1937 г. Б. Буянчулган был репрессирован. Реабилитирован в 1992 г.

[1] Нийслэл хурээ — название столицы Монголии с 1911 по 1924 гг. С 1924 г. — Улан-Батор.



Ил. 1. Обложка «Толкового словаря важных слов монгольского языка» (1930 г.)

Словарь представляет собой одну тетрадь, переплетенную на европейский манер. В центре обложки, которая сделана из более плотной бумаги, черной тушью написано название словаря (см. Ил. 1).

Бумага русская, 246 страниц, размер 25,5×24,4 см. Страницы вручную разлинованы красным карандашом. Количество строк 9–12. Текст написан кистью черной тушью на обеих сторонах листа. Нумерация страниц двойная: тушью и карандашом, в обоих случаях используются тибетские цифры. Словарь состоит из предисловия и собственно словаря. Нумерация тушью сделана только в тексте собственно словаря, который начинается на с. 7, на каждой четвертой странице (т. е. начиная со с. 10, на которой цифра 1 стерлась), первый номер, которой видно, это номер 3 на с. 18. В одном месте номер (34) поставлен через две, а не четыре страницы. Номера расположены на боковом поле справа внизу страницы и скрыты под переплетом. Последний номер — «59», хотя после него есть еще три листа. Очевидно, что эта нумерация была сделана автором при написании словаря. Исписав четыре страницы, он ставил номер, который стал невидим, после того как листы были переплетены.

Вторую нумерацию (карандашом) поставили позже, при проверке в Государственной библиотеке. Карандашные номера в предисловии расставлены на каждой странице в верхнем поле, номер указан справа (нечетный) или слева (четный). Начиная со с. 7, номер ставится только на нечетных страницах (четные пропущены, но учитываются). Последний номер — «247». Следует отметить случайный сбой в этой нумерации: отсутствие одного листа (с. 76 и 77), т. е. после листа со страницами 74 и 75 следует лист со страницами 78 и 79. Таким образом, фактическое количество страниц в этой нумерации должно быть на две меньше.

В целом обе нумерации не точно отражают реальное количество страниц в этом словаре. В обеих есть сбои, которые, хотя и расположены в разных местах, ведут к увеличению количества листов на один (или на две страницы), т. е. фактическое количество страниц в словаре — 246. Однако, в ссылках[2] на страницы словаря указывается номер по карандашной нумерации.

Словарь сменил два места хранения, на что указывают два штампа в его начале и конце. На первом штампе (на с. 1 и с. 247) написано в старомонгольской графике: *mongyol arad ulus-un sinǰilekü uqayan-u küriyeleng-ün nom-un sang-un temdeg* — «Штамп библиотеки Комитета наук МНР». Также в центре штампа — герб государства (знак «соёмбо») и под ним надпись латиницей Asiatic. Исходя из названия, можно определить, что словарь попал в библиотеку не раньше декабря 1930 г.[3] Второй штамп (на с. 1. и с. 248) принадлежит Государственной библиотеке (ГБ). В нем по-монгольски на криллице написано: «У.Н.С.[4] Шалгав. 1953» — «Г.Б. Проверена. 1953».[5] Тогда страницы словаря и были пронумерованы второй раз.

[2] Ссылки на адреса примеров и цитат из словаря даются в квадратных скобках; после двоеточия ставится номер страницы.

[3] Решением от 20 декабря 1930 г. Ученый комитет (существовавший с 1921 г.) был переименован в Комитет наук МНР.

[4] УНС (монг.) — сокращенное название монг. Улсын номын сан «Государственная библиотека» (сейчас — Монгольская национальная библиотека).

[5] В штампе на с. 248 дата 1953 исправлена на 1958. В 1957 г. Комитет наук МНР был переименован в Институт науки и высшего образования (монг. Шинжлэх ухаан, дээд боловсролын хүрээлэн), а его библиотека стала Монгольской государственной публичной библиотекой (сейчас — Монгольская национальная библиотека).

В предисловии к словарю (с. 1–6) автор Б. Буянчулган пишет о важности словарной работы и причинах, побудивших его составить словарь. Он пишет следующее:

«...В книгах, написанных учеными и мудрецами древности, сказано, что выучить каждое слово, узнать каждую букву, понять значение и смысл — это знания, которые ведут к получению основы всего образования. Поэтому, хотя я и маленький человек и у меня не так уж много знаний, я, отбросив смущение, осмелился создать словарь в силу своих способностей, и затем вместе с другими знающими людьми внес исправления. Из монгольских семи частей речи включил в словарь в основном существительные и местоимения, выбрав из них самые важные и расположив по алфавиту. Так я очень старался хоть немного помочь в получении образования многим тысячам людей, которые хотят учиться».

В конце предисловия указана дата: январь двадцатого года Монгольского государства (монг. *mongyol ulus-un qoriduyar on nigen sara*), что соответствует 1930 г., а также приведены имена составителя словаря и двух редакторов: «сочинил Буянчулган, редактировали Джамьян[6] и Гелегсенгге[7]»[8].

Собственно словарь содержит в общей сложности 2988 заглавных слов, которые выделены жирным и пишутся не вдоль строки, а в промежутке между двух строк. Слова расположены по порядку традиционного монгольского алфавита. Начало списка заглавных слов на конкретную букву отмечается в верхнем поле слева — пишется соответствующая буква (для гласных) или слог (для согласных): *a* [МČUT: 7], *e* [МČUT: 23], *i* [МČUT: 35], *u*/*o* [МČUT: 35], *ü*/*ö* [МČUT: 57], *na*/*ne* [МČUT: 68], *ni* [МČUT: 73], *no*/*nu* [МČUT: 75], *nü*/*nö* [МČUT: 78] и т. д. Такие пометки облегчают поиск слов в словаре.

Однако надо иметь в виду, что то, что в монгольском алфавите одна буква обозначает два звука, отражено и в расположении слов в словаре МČUT[9]. Это касается следующих пар звуков, которые обозначены в традиционной транслитерации так: *a*/*e* (только в середине слова), *u*/*o*, *ü*/*ö*, *q*/*γ*, *k*/*g*, *t*/*d* (во всех позициях). В паре *q*/*γ* согласно орфографии буква *γ* должна быть помечена диакритикой при *q*, но в словаре это сделано крайне нерегулярно.

Четыре следующие строки показывают расположение подряд нескольких заглавных слов: 1. с первой буквой *ü*/*ö*, 2. с первым слогом *na*/*ne*, 3. с первым слогом *nu*/*no*, 4. с первой буквой *q*/*γ*:

1. *ünege — ünen — üneker — öni — üniye — ünüsümüi — önüčin — ünür* [МČUT: 58],

2. *neyilekü — neyilelte — naima — neyičetei — neyigem — nayiramui — nayir* [МČUT: 71],

3. *nuyul — nuyulburi — noba — nota — nuduči — nutuy* [МČUT: 76],

4. *qašang — qada — γadana — qadayasu — γadayadu ulus* [МČUT: 85].

В распределении заглавных слов внутри списка на отдельную букву заметно стремление автора следовать алфавитному порядку третьей и последующих букв, но это ему не всегда удавалось. В этом можно увидеть и положительный момент: автор предпочитал добавить слово не по алфавиту, чтобы зафиксировать его в словаре, в ущерб строгому порядку слов.

Количество заглавных слов на одной странице варьируется от 8 до 15. Каждое заглавное слово в словаре имеет толкование[10], текст толко-

---

[6] Онхудын Цыбен Жамьян (1864–1930) — председатель Ученого комитета Монголии (1921–1930).

[7] Ганжууржав Гелегсенгге (1895–1938) — известный партийный и политический деятель независимой Монголии. Его участие в редактировании словаря не случайно. Из биографии Гелегсенгге известно, что он знал монгольскую и маньчжурскую письменности и, хотя он работал на различных должностях в партии и правительстве, он интересовался работой по составлению словарей (терминологического и толкового), которая велась в Учкоме. Он несомненно был знаком с Буянчулганом по работе в ЦК, в котором Гелегсенгге был секретарем с 1924 по 1928 г. В 1926–27 гг. Гелегсенгге несколько раз посещал Москву, где Буянчулган работал в должности посла. Планировалось, что Гелегсенгге его сменит, однако это решение правительства было отменено. В 1937 г. он был репрессирован, реабилитирован в 1962 г. [Цыбиков, 1991. С. 126, 130; Болдбаатар, 2004. С. 77–79].

[8] Монг. *jokiyaysan Buyančulyan* [= *Buyančiyulyan*], *kinan jalaryuluysan* [= *jalarayuluysan*] *Jamyang, Gelegsengge* [МČUT: 6].

[9] В европейской традиции в словарях старописьменного монгольского языка слова с двумя прочтениями одной буквы разнесены в разные статьи, например, в словаре О. М. Ковалевского [Ковалевский, 1844, 1846, 1849].

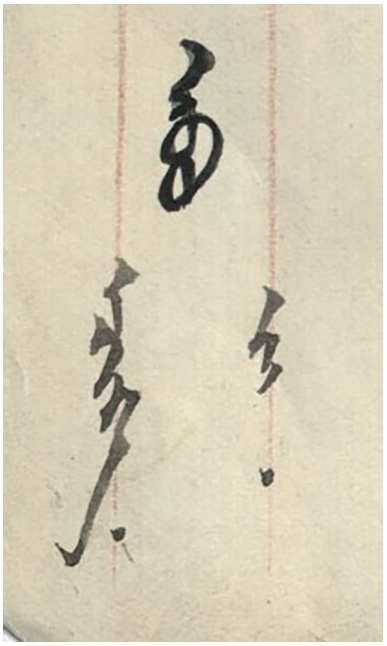
[10] Единственное исключение — слово *barildumui*, при котором нет объяснения.

вания, назовем его блок, занимает две параллельные строки, на которых равномерно распределен текст, т. е. читать толкование надо сначала по левой вертикали, а потом, дойдя до конца блока (следующего заглавного слова или нижней границы листа), вопреки монгольской письменной традиции — по правой внутри блока. Если толкование не уместилось внутри одного блока, наверху листа будет продолжение толкования — новый блок, тоже размещенный на двух параллельных строках до следующего заглавного слова. Даже если толкование состоит из одного слова, падежный суффикс, который его оформляет, будет перенесен на параллельную строку (см. Ил. 2). монг. *Abu — ečige/yi* [МČUT: 10].

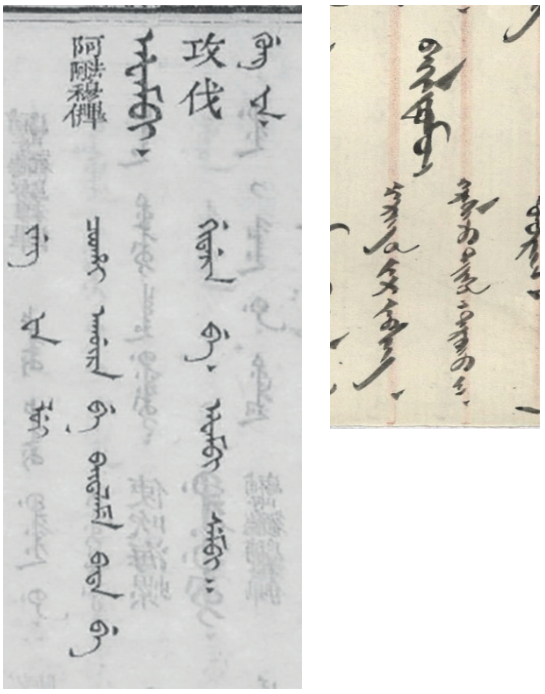
Исключения единичны и они касаются нескольких слов с длинными толкованиями, занимающими несколько строк, например, для слов монг. *ary-a bilig* ‘инь ян’ [МČUT: 47–48]. В этом случае начало текста толкования занимает две параллельные строки до низа листа, а дальше текст пишется на каждой строке, согласно письменной традиции.

Деление текста толкования на две строки, по всей вероятности, связано с маньчжурской лексикографической традицией: в маньчжуро-китайском словаре 1771 г. — четвертым из изданных по указу императора и последним толковым (причем только для маньчжурских слов) — слова толкований расположены так же [Мөнхцэцэг, 2022. С. 34]. Например, в словаре МČUT толкование для слова монг. *bayildumui* ‘сражаться, воевать’ занимает две строки (место разрыва помечено двумя косыми чертами): монг. *čerig-ün ǰer ǰebseg // keregleǰü dayisuni daruqu-yi* ‘с помощью боевого оружия // побеждать противника’ [МČUT: 111]. В маньчжуро-китайском словаре толкование к тому же слову, но маньчжурскому (маньчж. *afambi* ‘сражаться, воевать’) также распределено на две строки: маньчж. *coohai agūra be baitalame bade be // gidara be afambi sembi* ‘с помощью боевого оружия противника // побеждать — называется «воевать»’ [HANT, 8: 17v], см. Ил. 3.

Расположение словарных статей на страницах словаря очень аккуратное и компактное, в некоторых случаях для размещения всего текста толкования одним блоком, автор ужимал



Ил. 2. Обьяснение слова *abu* в словаре МČUT (1930 г.)



Ил. 3. Объяснение слова *bayildumui* (маньчж. *afambi*) в словарях HANT 1771 г. (слева) и МČUT (справа).

почерк, чтобы разместить весь текст на одной странице, не перенося на следующую. Можно предположить, что кроме аккуратности он стремился экономить бумагу и записывать объяснения слов на возможно меньшем пространстве. Смысловых ошибок в определении значений заглавных слов практически нет.

В то же время нужно признать, что с орфографической точки зрения словарь МČUT не идеален. Автор словаря довольно вольно обращался с орфографией старописьменного монгольского языка в том числе и с расстановкой диакритических знаков. В ней явно прослеживается влияние разговорного языка, что выражалось, с одной стороны, в написании слов, следующему живому произношению, а с другой — в не всегда правильной передачей произношения с помощью букв и знаков традиционной письменности. Это в разной степени демонстрируют приведенные ниже примеры. Из-за ограниченности состава заглавных слов существительными, большая часть примеров взята из толкований, более разнообразных по грамматике и лексике.

В старописьменном монгольском языке не так много диакритических знаков, из которых только два (два штриха слева при «*ɣ*» и два штриха справа при «š») имеют отношение к рукописи словаря МČUT. В ней присутствует регулярное написание знака «два штриха» при «š» во всех позициях, в том числе и в слоге «š*i*», который по правилам пишется как «*si*», но по умолчанию произносится как «š*i*», например: монг. *šilüsü* (правильно: *silüsü*) ‘слюна’ [МČUT: 8], монг. *šibegčin* (правильно: *sibegčin*) ‘служанка’ [МČUT: 39]. Такое упорядочивание орфографии можно объяснить не только не знанием правил, но и влиянием маньчжурской орфографии, в которой «*š*» помечается в любой позиции (первое не исключает второе).

Отсутствие в большом количестве слов двух точек слева, отличающих букву «*ɣ*» от «*q*» (например, монг. *soluqai* (правильно: *soluɣai*) ‘превратные заблуждения’ [МČUT: 144], монг. *qarču* (правильно: *ɣarču*) ‘выйдя’ [МČUT: 35]), скорее, относится к невнимательности при письме, поскольку писцы расставляют диакритику после написания всего слова и такое нарушение довольно часто можно встретить и в других текстах.

Большинство долгих гласных в старописьменном монгольском языке традиционно обозначалось комплексом VCV, передающих два гласных (V) (часто разного качества) и интервокального согласного (C), в то время как в разговорном языке эти комплексы произносились как долгие гласные одного качества, что было зафиксировано позже в кириллической орфографии. Такое заметное расхождение письменного и устного варианта явилось источником разных ошибочных написаний в словаре МČUT. Например, на месте сочетания *ege* в слове монг. *egedemeg* ‘сырок’ в словаре стоит только одна буква «*e*»: монг. *edemeg* [МČUT: 25], на месте сочетания *aɣa* в монг. *kiǰaɣalang* ‘четырехлетний скот’ написана одна гласная «*a*»: монг. *kiǰalang* [МČUT: 237], а также в монг. *tusiyaɣsan* ‘переданный’ — на месте «*iya*»: *монг. tušaɣsan* [МČUT: 30]. В результате вместо обозначения долгого звука обозначен краткий. Так же автор поступил и с написанием своего имени: *Buyančulyan* вместо *Buyančiɣulyan*. Единичные слова являются исключением из общего правила: в них долгий звук «*u*» принято передавать на письме не комплексом VCV, а двумя буквами «*uu*». Автор, видимо, не учитывал это исключение, и отсюда ошибочный выбор традиционной передачи долготы в написании монг. *uuliqa*i ‘пугливый’ *как aquliqai* [МČUT: 9], т. е. на месте «*uu*», правильно передающий долгий звук [*u:*], написано «*aɣu*», в котором ещё и не поставлена диакритика при «*ɣ*», отсюда транслитерация как *aquliqai.*

Есть группа слов, которых объединяет попытка автора словаря передать произношения отдельных аллофонов согласных фонем, которые в традиционной орфографии специально не отмечаются. Фонема [n] в конце слов в современном монгольском языке представлена аллофоном [ŋ] [Кузьменков, 2004. С. 152], отсюда в словаре присутствует написание «*ng*» в конце некоторых слов, например, монг. *arslang* (правильно: *arslan*) ‘лев’ [МČUT: 19], монг. *qulang* (правильно: *qulan*) ‘кулан, дикая лощадь’ [МČUT: 100].

Случаи, когда к основам твердого ряда присоединялся суффикс *-gsan* вместо правильного *-ɣsan*, встречаются слишком часто, чтобы отнести их за счет невнимательности, например, монг. *nasuǰigsan* (правильно: *nasuǰiɣsan*) ‘пожилой’ [МČUT: 59], монг. *qoličaldugsan* (правильно: *qoličalduɣsan*) ‘перемешанное’ [МČUT: 31]. Появление такого написания можно объяснить тем, что в современном монгольском языке присутствует схожие аллофоны двух фонем [g] и [ɠ] в позиции перед сильными согласными и в конце слова в словах обоих рядов [Кузьменков, 2004. С. 173–176], и такое произношение могло повлиять на выбор автора.

Еще одна близость произношения могла быть причиной ошибочных написаний букв «*e*» и «*i*» одной вместо другой: монг. *debil* вместо правильного монг. *debel* ‘дэли’ [МČUT: 155], монг. *ečibe* — вместо монг. *ečebe* ‘устал’ [МČUT: 27], монг. *sedkel* — вместо монг. *sedkil* ‘душа, мысль’ [МČUT: 27], монг. *eneren* — вместо монг. *enerin* ‘оказывая милосердие’ [МČUT: 10].

Неясные гласные в конце основы автор иногда не ставил, а иногда ставил избыточно, причем как в середине слова, так и в конце. Особенно много случаев отсутствия на письме гласного при присоединении суффикса *ɣul* к основе глагола: монг. *bolbasuryulun* (правильно: *bolbasuraɣulun*) ‘обрабатывая’ [МČUT: 27–28, 35], монг. *todurqayilɣulqu* (правильно: *todurqayilaɣulqu*) ‘уточнять’ [МČUT: 10], монг. *sayiǰiryulǰu* (правильно: *sayiǰiraɣulǰu*) ‘улучшать’ [МČUT: 98]. Также в конце основы глаголов монг. *arilu* (правильно: *aril*) ‘очисти’ [МČUT: 17], *enelümüi* (правильно: *enelmüi*) ‘печалится, страдает’ [МČUT: 23]. Лишние гласные поставлены в следующих словах: монг. *alquma* (правильно: *alqum*) ‘шаг’ [МČUT: 21], монг. *ǰakiraqu* (правильно: *ǰakirqu*) ‘править’ [МČUT: 8].

Иногда на письме не отмечены редуцированные гласные или добавлены лишние гласные и в середине основы (первое встречается чаще, чем второе), например, монг. *maqbod* (правильно: *maqabod*) ‘элемент, стихия’ [МČUT: 7], монг. *amsar* (правильно: *amasar*) ‘края отверстия’ [МČUT: 11], монг. *ǰoblang* (правильно: *ǰobalang*) ‘страдания, беда’ [МČUT: 68], монг. *yaslang* (правильно: *yasalang* ‘горе, печаль’ [МČUT: 85], монг. *ürleǰü* (правильно: *üreleǰü*) ‘засевая’ [МČUT: 11]. Избыточные гласные написаны в основе глагола монг. *ketürekei* (правильно: *ketürkei*) ‘чрезмерный’ [МČUT: 11].

Впрочем, правильные написания преобладают и одно и то же слово может быть буквально на той же странице написано правильно. Так, в толкованиях каждого из двух идущих подряд слов, обозначающих ранги маньчжурских чиновников (монг. *beyile* ‘бейле’ и монг. *beyise* ‘бейсе’ [МČUT: 11]), используется монг. *ketürkei* ‘чрезмерный’, это слово написано неправильно (*ketürekei*) только в первом.

Кроме ошибочных написаний, имеющих более или менее разумное объяснение, в тексте словаря встречаются написания, которые трудно объяснить влиянием реального произношения.

Падежные суффиксы, которые в старописьменном монгольском языке обычно пишутся отдельно, в словаре МČUT иногда пишутся слитно с основой слова. Примеров их слитного написания не много и употребляются они только в толкованиях. В первую очередь — это суффиксы родительного падежа *-un*/*-ün* (такое написание встретилось около 20 раз). Например, в толковании при слове монг. *örlüge* ‘утро’ написано: монг. *edürün* (вместо *edür-ün*) *ekin čayi* ‘[так называют] время начала дня’ [МČUT: 66]. Единичные случаи такого написания встречаются у суффиксов орудного падежа (*-bar*^{2}/*-iyar*^{2}). Например, в толковании к слову монг. *elbeg* ‘избыток’ сказано: монг. *aliba ǰüil bardaɣabar* (правильно: *bardaɣa-bar*) *kürülčekü-yi* ‘[так называют] все вещи старательно собранные’. Суффикс еще одного падежа, исходного (*-ača*^{2}), встречается в слитном написании с двумя словами: монг. *uridu* ‘раньше’ и монг. *dotura* ‘внутри’ и только в пяти случаях их употребления. Например, в толковании к монг. *quubi* ‘советник, министр’ написано: монг. *sayid-ud-un doturača* (правильно: *dotura-ača*) … ‘среди министров’ [МČUT: 105]. В толковании для монг. *medege* ‘сведения, информация’ — *surbulǰilan uridača* (вместо *urida-ača*) *sonusqu medekü-yi* ‘[так называют] заранее услышанное или узнанное’ [МČUT: 189].

Суффикс винительного падежа (*-yi*/*-i*) используется в оформлении большинства толко-

ваний, и поэтому встречается особенно часто[11]. При этом вместо формы *-yi* в позиции после гласных во многих толкованиях пишется *-i*. Например: в объяснении к слову монг. *aba* ‘облава’ написано так: монг. *čerig arad-uud-un yaǰar qubiyan angnaquiı̱* (вместо: *angnaqui-yi*) ‘[так называют, когда] солдаты и араты, поделив территорию [на участки], охотятся’ [МČUT: 9].

Несколько ошибочных написаний можно отнести за счет невнимательности. Суффикс дательно-местного падежа в старописьменном монгольском реализуется в двух вариантах: *-dur*^{2}/*-tur*^{2}, при этом для обозначения буквы «*d*» берется ее написание в середине слова, для «*t*» — в начале слова. Это правило в словаре МČUT изредка нарушается, например, в толковании монг. *ayan* ‘поездка’ написано: монг. *alus-un ǰam-tur* (правильно: *ǰam-dur*) *yabuqu-yi* ‘[так называют, когда] отправляются в дальний путь [МČUT: 14–15]. Так же сделан неправильный выбор варианта суффикса орудного падежа (*-bar*^{2}/*-iyar*^{2}) в толковании слова монг. *isegei* ‘войлок’ написано: монг. *noosu-iyar* (вместо: *noosu-bar*) *bolbasuryulun* ‘[так называют] сделанное из шерсти’ [МČUT: 35].

В отдельных случаях автор делал стилистическую правку: вставлял в текст дополнительные слова, которые были нужны для более точной передачи значения. Например, в толковании одного из двух значений монг. *ǰalaya* ‘кисть’ было добавлено слово *malayai* ‘шляпа’: монг. *Basa* {*malayai-yin*} *orui-dur talbiysan sirkeg-i* ‘А также [так называют] кисточку из волос, прикрепленную на верхушке [шляпы] (маньчжурских чиновников)’ [МČUT: 211].

Академик Б. Ринчен писал про этот словарь: «Один экземпляр [этого словаря] имеется в Государственной библиотеке. …[Этот] словарь был составлен в течение десяти лет при Народном правительстве и был распространен в немногих рукописных экземплярах» [Ринчен 1964. С. 136]. Сейчас известен только один экземпляр этого словаря, который был использован для написания данной статьи. Большое количество неточностей в орфографии и отдельные поправки в тексте могут означать, что это был черновик. Но поскольку о судьбе других копий ничего не известно, не известно также и кто был их переписчиком: сам автор или другие люди, делать предположения о качестве других экземпляров невозможно. Как бы то ни было, этот словарь имеет большое значение для изучения истории монгольской лексикографии.

Список сокращений

маньчж. — маньчжурский язык
монг. — монгольский язык

Источники

МČUT — *Mongγol-un čiqula üges-ün tayilburi toli*. «Толковый словарь важных слов монгольского языка». Рукопись Монгольской национальной библиотеки (фонд «Рукописи и книги по монголоведению»). Шифр 494.21. Б819; 8084/96.

HAMM — *Han-i araha manju monggo gisuni buleku bithe* «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению» (1717). Ксилограф из рукописного отдела ИВР РАН (Маньжурский фонд). Шифр F 319.

HANT — *Han-i araha nonggime togtobuha manju gisuni buleku bithe*; кит. Yuzhi zengding Qingwen jian (御製增訂清文鑑) «Зерцало маньчжурской словесности, изданное по высочайшему повелению исправленное и дополненное» (1771). Ксилограф из рукописного отдела ИВР РАН (Маньжурский фонд). Шифр C 29.

[11] В словаре МČUT выбран такой же способ оформления толкований как и в маньчжуро-монгольском тематическом толковом словаре HAMM (1717 г.), за одним исключением: опущен глагол *kememüi* ‘говорят, называют’, который управляет винительным падежом.

Использованная литература

Болдбаатар, 2004: *Болдбаатар Ч.* XX зууны монголын улс төрийн зүтгэлтнүүд. Улаанбаатар, 2004.

Ковалевский, 1844: *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. 1. Казань: Университетская типография, 1844.

Ковалевский, 1846: *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. 2. Казань: Университетская типография, 1846.

Ковалевский, 1849: *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. 3. Казань: Университетская типография, 1849.

Кузьменков, 2004: *Кузьменков Е. А.* Фонологическая система современного монгольского языка. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004.

Мөнхцэцэг, 2022: *Мөнхцэцэг Э.* XVIII зууны үеийн манж толь бичгүүдийн үгийн сангийн судалгаа. Улаанбаатар, 1964.

Ринчен, 1964: *Ринчен Б.* Монгол бичгийн хэлний зүй удиртгал. Улаанбаатар, 1964.

Цыбиков, 1991: *Цыбиков Г. Ц.* Дневник поездки в Ургу в 1927 г. // Избранные труды в двух томах. Т. 2. О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии / Отв. ред. Р. Е. Пубаев. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. С. 121–151.

С. Чулуун 2010: *Чулуун С.* Бүрэдийн Буянчуулган (1895–1937 он) // XX зууны Монгол Улсын түүхийн судалгаа, түүх бичлэг. Улаанбаатар, 2010. С. 45–48.

MONGOLIAN EXPLANATORY DICTIONARY COMPILED BY B. BUYANCHULGAN (1930)

Enkhbat Munkhtsetseg
Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences

The handwritten "Explanatory Dictionary of Important Words of the Mongolian Language" is one of the first national dictionaries of the independent Mongolia. The article provides a detailed archeographic description of the manuscript as well as the structure of the dictionary. Not a few spelling mistakes detected in the text reflect the colloquial pronunciation of the period. B. Buyanchulgan compiled his dictionary according to the pattern of traditional Manchu and Mongolian dictionaries of the Qing period. The dictionary in question is one of the interesting samples in the Mongolian lexicography history.

Key words: Mongolian lexicography, handwritten explanatory dictionary, spelling mistakes

About the author: **Enkhbat Munkhtsetseg**, PhD (Phylology), Researcher of the Department of Comparative Studies, Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia) (ilha_0011@mail.ru).

УДК 811.512.3
DOI: 10.48612/IVRRAN/rxbd-kd95-vbhp

Н. С. Яхонтова
Институт восточных рукописей РАН

ТЕРМИН *TÖRÖ* В МОНГОЛЬСКОЙ И ОЙРАТСКОЙ ВЕРСИЯХ «ИСТОРИИ УСУН ДЭБЭСГЭРТУ-ХАНА»

Известны монгольская и ойратская версии дидактического сочинения «История Усун Дэбэсгэрту-хана», содержащих наставления и мудрые мысли как самого хана, так и его мудрецов. Обе версии предположительно датируются XVII в. В них обеих используется термин *törö*, а в ойратской дополнительно — *šajïn törö* ‘правило двух законов’, связанные с характеристикой ханской власти. Первый из них (törö) более характерен для монгольского, а второй — для ойратского. Сопоставление употребления их и некоторых других во фразах, имеющихся в обоих текстах, а также в ойратских фразах, отсутствующих в монгольском, позволяет сделать вывод о более позднем появлении ойратской версии текста в период, связанный с появлением концепции «двух законов» как основы власти хана.

Ключевые слова: термин *törö*, правило «двух законов», «История Усун Дэбэсгэрту-хана», монгольский язык, ойратский язык

Об авторе: Яхонтова Наталия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия) (nyakhontova@mail.ru). ORCID: 0000-0003-2397-9138.

© Яхонтова Н. С., 2025

Текст «Истории» относится к жанру дидактических сочинений и представляет собой беседу Усун Дэбэсгэрту-хана с 12 мудрецами, в ходе которой каждый из них произносит наставления или высказывает свои мудрые мысли о жизни, о хороших и плохих человеческих качествах, как светской, так и религиозной тематики, адресованные как простым людям, так и занимающим положение в обществе.

Это сочинение известно на монгольском и ойратском языках[1]. В. Хайсиг датирует оба текста XVII в., но считает, что монгольский текст был написан немного раньше ойратского, и каждый из них является самостоятельной версией [Heissig, 1972. С. 163]. Действительно, между текстами, кроме очевидного сходства (во многих местах буквального совпадения), есть различия: добавления или пропуски отдельных слов, фраз и блоков, расхождения в употреблении слов и грамматических форм. В то же время существует и противоположная точка зрения о первичности ойратского текста, поскольку то, что с одной точки зрения считается добавлением, с другой будет пропуском, и наоборот.

Ниже будет рассмотрено употребление термина törö и нескольких других, частично с ним связанных и близких к нему по значению, в обоих версиях, что может выявить свидетельства о первичности одной из двух версий.

Термин *törö* и его производные подробно рассмотрены в обширных исследованиях Т. Д. Скрынниковой по материалам «Сокровенного сказания» и летописей XVII в. [Скрынникова, 1997; Скрынникова, 2013]. Из этих работ Т. Д. Скрынниковой были выбраны и будут предельно кратко изложены только те факты, которые релевантны для темы статьи.

Значение термина *törö* менялось в историческом периоде. В «Сокровенном сказании» —

[1] В статье использованы два текста: С 41, монгольский, — *Usun dibiskirtü qayan-u tuyuǰi orosiba* из собрания ИВР РАН [Сазыкин, 1988. № 300]; KNC, ойратский, — *Üsün debiskertü xāni nomloqson šaštir kemekü orošiba* из собрания Калмыцкого научного центра РАН [Орлова, 2002. № 25].

törö ‘универсальный Высший закон’, который, так же как и харизма, обозначает сакральность правителя-хагана, осуществляет связь хагана с Небом, и в своей деятельности хаган ему следует [Скрынникова, 1997. С. 46].

С момента распространения буддизма в Монголии (середина XVI в.) внедряется буддийская концепция «двух законов» — следование в управлении религии и светской власти, что в монгольских летописях XVII в. передается термином *šasin törö*. Т. Д. Скрынникова подчеркивает, что здесь слово *törö* получило условное значение «светская власть», условное, потому что оно сохраняло свое сакральное значение связи хагана с Небом. Еще один вариант для передачи значения «правило ‘двух законов’», отмеченное в «Белой истории», — *nom-un törö* ‘Учение’ и *yirtinčü-yin törö* ‘универсальный закон Вселенной’, т. е. указано, что хаган, исполняя волю Высшего Неба, устанавливает гармонию во всем мире [Скрынникова, 2013. С. 141–142].

Наблюдение за употреблением нескольких терминов (*törö*, *šasin törö*, *nom-un törö yertünčü-yin törö*, *yosun*, *ǰarayui*, *qauli*) в монгольском тексте в сопоставлении с ойратским позволяет установить определенную закономерность их использования. Поскольку эти тексты создавались приблизительно в один исторический период, номенклатура терминов в них схожа. Однако их значения не всегда совпадают, и можно предположить, что это произошло из-за смещения акцентов в тех случаях, когда предпочтения отдавались в пользу более современного на тот момент смысла. В каждом из двух текстов есть своя система использования терминов и заметно, что одна из них (ойратская) отражает новые тенденции, а вторая (монгольская) более консервативная, что говорит в пользу ее первичности.

Самым показательным в этом отношении является использование в монгольском тексте термина *törö* и его соответствий в ойратском. Рассмотрим текстовые примеры из монгольской рукописи, в которых он используется.

Здесь надо отметить, что предложенные переводы на русский язык специально выбраны с отсылкой к первоначальному значению термина *törö* — Высший закон[2], чтобы подчеркнуть более консервативное отношение к этому термину, хотя вполне правомочным может быть и перевод «светская власть» или «светский закон», который выбран для перевода *törö* в большинстве примеров из ойратского текста.

Всего в монгольском тексте одиннадцать фраз с термином *törö* и все они имеют соответствующие параллели в ойратском, но не во всех из них используется этот термин.

В наставлениях Усун Дэвсгэрту-хана, с которых начинается монгольский текст, содержатся высказывания, характеризующие образ и поведение хана, и в этом контексте употребляется термин *törö*.

Первый раз хан говорит о том, что для справедливого решения тяжб хан следует Высшему закону:

(1) «Добросовестно сохраняя **Высший закон**, …» (монг. ***törö**-yi ünen-iyer sakiyad* [С 41, л. 1r:13–14]).

Второй раз, в заключении перечня поступков и качеств хана, сказано:

(2) «Если [хан] говорит понятно и разумно, будет постоянно держать **Высший закон**» (монг. *onoǰu uqaǰu ögülebesü oyuda **törö** bariyu*: [С 41, 2r:4–5]).

Дальше высказываются все двенадцать мудрецов и в высказываниях большинства из них есть наставления, касающиеся *törö*.

Первым из них выступает мудрец Онисуту, который среди 15 хороших качеств (монг. *yabudal*) высшей Сайн-хатун (монг. *degedü sayin qatun aran*), упоминает, что она проявляет мудрость в следовании истинному Высшему закону:

(3) «Сведуща в истинном **Высшем законе**» (монг. *ünen **törö**-dür sečen* [С 41, 3v:2]).

Один из мудрецов, Инлар, характеризует хороших и плохих ханов. Здесь слово *törö* употреблено в сочетании с *yosun*[3]:

---

[2] Т. Д. Скрынникова предлагает переводить *törö* как «универсальный Высший закон», но поскольку для данной статьи важно противопоставление отдельного употребления термина *törö* его значению в составе *šasin törö* ‘правило двух законов’, или ‘религиозный и светский законы’, слов «Высший закон» вполне достаточно.

3 По наблюдениям Т. Д. Скрынниковой в летописях XVII в. сочетание *törö yosun* имеет значение идентичное *törö*, употребленному отдельно [Скрынникова, 2013. С. 142, сн. 56].

(4) «Хороший хан держит **Высший закон**» (монг. *sayin qan kümün **törö yosun**-i bariyu*: [C 41, 6v:23–24]).

В примерах (1–4) либо прямо названы те, к кому адресованы наставления (хану или ханше), либо кого высказывания характеризуют, но к кому обращается мудрец Дэлгэр со своим наставлением, не указано. Однако, судя по содержанию, его тоже можно адресовать хану:

(5) «Желающий счастья, окончательно реши тяжбы, следуя **Высшему закону**» (монг. *ǰirayaqui-yi kemen küse[g]či: ǰarayui-yi **törö**-ber yabuyul-un tuyurbi*: [C 41, 9r:25–9v:1]).

В то же время слово *törö* встречается и в контексте других субъектов, связанных с ханом и с Высшим законом, хотя и стоящих ниже в иерархии. Мудрец Дугулбари произносит наставления о правилах почитания разных людей, упоминая среди других (учителя, родителей, родственников) и правителя-нойона:

(6) «Правителя-нойона улуса почитают согласно **Высшему закону**» (монг. *ulus-un noyanni **törö** yosuyar kündülekü̈i* [C 41, 5v:12–14]).

Сам Усун Дэбсгэрту-хан высказывается о роли чиновника в поддержке власти хана:

(7) «Если чиновник не нарушает правила своего [поведения] — [он] опора **Высшего закона**». (монг. *tüšimel kümün töb yosun-iyan ese aldabasu **törö**-yin šitügen* [C 41, 1v:21–22]).

(8) «Если помыслы чиновника отступают от **Высшего закона**, результатом будет [его] падение». (монг. *tüšimel aran-u sedkil **törö yosun**-ača eteged yabubasu doradduqui-yin šiltayan bui-ǰ-a*: [C 41, 1v:22–24]).

Следующая мысль принадлежит мудрецу Ирэду и она завершает перечень качеств действительно великого человека (монг. *yerü yeke kümün*). Среди них: ум, знания, немногословие, дружелюбие, любезность, умение себя вести и другие. Подводя итог, мудрец делает вывод, что обладатель их всех станет успешным правителем, следующим Высшему закону:

(9) «Если [такой человек] станет правителем-нойоном, [исполнителем] **Высшего закона** всего улуса, [он] сможет осуществить свое предназначение» (монг. *narmai ulus-un **törö**-yin noyan bolbasu üile yabudal-iyan bütügen čidayu*:) [C 41, 8v:19–21].

Сакральное значение слова *törö* как Высшего закона — символа ханской власти, не единственная его реализация в тексте. Следующие примеры показывают его употребление для обозначения закона как независящего от человека устройства мира, в котором человек является его частью.

(10) «Существует следствие **непреложного закона** о невечности и смерти» (монг. *möngke busu yegüdkekü̈i **törö**-yin yosun buyu*:) [C 41, 7v:7–8]. Эти слова произносит Ойту мудрец в заключении своей речи.

Также в конце своих наставлений мудрец Олбориту, последний из списка мудрецов, принимавших участие в беседе с ханом, призывает не отвергать человека, на долю которого выпадают тяжелые страдания, и на этой его мудрой мысли заканчивается текст «Истории Усун Дэвсгэрту-хана». Он говорит:

(11) «Знай, что плохое и хорошее присуще всем — таков **непреложный закон**» (монг. *sayin mayu bügüden-dür irekü **törö** buyu: kemen sedki*:) [C 41, 11v:17–18].

Таким образом, подавляющее большинство наставлений из монгольского текста, в которых употреблен термин *törö*, относятся к деятельности или качествам хана (ханши) или правителя-нойона, два характеризуют чиновников и два — описывают существование непреложного закона, который относится к сфере сил вне человека.

В ойратском тексте все эти фразы тоже есть, однако только в пяти из них, приведенных ниже (примеры 12–16), употреблены слова ойр. *törö* (*törö yoson*), при этом их значение совпадает со значением монгольских фраз (ср. примеры 2, 9, 11, 6, 8), однако не всегда совпадает расположение фразы в тексте. Это, а также незначительные лексические и грамматические расхождения, имеющиеся в них, не влияют на смысл термина *törö* (*törö yosun*). Перевод на русский ойр. *törö* (*törö yoson*) термином Высший закон (т. е. так же как в переводах соответствующих монгольских фраз) в ойратском контексте может выглядеть устаревшим. С учетом употребления в ойратской версии нового термина правила «двух законов» (см. ниже) возможен перевод *törö* словами «власть» (при-

меры 12, 13) или «закон, правило» (примеры 14–16), что будет свидетельствовать о смещении в этом термине его сакральной составляющей в пользу мирской.

Первая фраза (пример 12), в которой в ойратском тексте, скорее всего, речь идет о хане, расположена среди наставлений, не относящихся напрямую к наставлениям для хана, в отличие от монгольского, где это очевидно (ср. пример 2):

(12) «Если [хан] разумен и поступает, отличая правильное от ошибочного, [он] будет постоянно держать **власть**» «(ойр. *onon medeǰi zöb burou-gi ilyan yabuxulā:* ***töröyigi*** *urtuda bariyu:* [KNC, 3v:16–18]).

Еще одна ойратская фраза (пример 13), так же как и аналогичная фраза в монгольском тексте (ср. пример 9), подводит итог перечню качеств действительно великого человека (ойр. *yerü yeke kümün*). Можно отметить, что она более лаконична и прямолинейна, чем монгольская, хотя на смысл слова *törö* это не влияет:

(13) «Таков правитель-нойон, [держатель] **власти** всего улуса» (ойр. *narmayin ulušiyin* ***töröyin*** *noyon tere bui::* [KNC, 13.1v:15–16]).

Следующее высказывание из ойратского текста (пример 14) практически дословно совпадает с монгольским (ср. пример, 11), но отличается местом: в монгольском оно завершает слова последнего мудреца — Олбориту, а в ойратском после него добавлено еще несколько фраз:

(14) «Плохое и хорошее присуще всем — таков **непреложный закон**» (ойр. *sayin mou bügüdedü irekü* ***törö*** *bui:* [KNC, 16r:9–10]).

В последней из пяти ойратских фраз (пример 15) грамматическое оформление слова *törö* отличается от монгольского, но на его значение это не влияет (ср. пример, 6):

(15) «Правителя-нойона улуса почитают согласно правилам» (ойр. *ulušiyin noyoni töröyin yosōr kündülekü* [KNC, 8v:8–10]).

И в ойратском, и в монгольском текстах парное слово *törö yosun* употреблено во фразе, где речь идет об отходе приближенных хана от Высшего закона и о печальных последствиях этого, однако, при одинаковым смысле, детали расходятся (ср. примеры 8 и 16):

(16) «Если поведение чиновника отклоняется от **Высшего закона**, в результате [ему] трудно будет выжить» (ойр. *tüšimel kümüni yabudal* ***törö yoson****-ēce burou yabuxulā üren inu kümünǰiküni berke:* [KNC, 3v:1–3]).

Таким образом, слово törö из предложений монгольского текста присутствует почти в половине соответствующих предложений из ойратского, и так же как в монгольском оно касается характеристик хана (правителя), высших сил или чиновников. В остальных ойратских фразах есть расхождения с монгольскими, о чем речь пойдет ниже.

Учитывая, что в монгольском тексте во вводной части отсутствуют около 20 фраз, имеющихся в ойратском, и что среди последних есть три случая употребления термина *törö*, разумно привести здесь и их.

Первое является, можно сказать, типичным случаем сочетания *törö* с ойратским глаголом *yasaxu* (монг. *ǰasaqu*) ‘исправлять, устанавливать (о власти)’:

(17) «Устранил **власть** (**Высший закон**) китайского хана» (ойр. *xara kitadiyin xāni töröyigi yasād*: [KNC, 1v:13–14]).

Если считать, что за ойратским именем хана стоит тибетский Ралпачан (815–841) и вступление содержит краткое перечисление его заслуг, то следует сделать оговорку, что по историческим фактам хан забрал власть (отобрал Высший закон, т. е. сакральность) китайского императора только в пределах Тибета. Здесь важен не только факт перехода власти к Усун-Дэвсгэрту хану, но и введения им правила «двух законов», о котором говорится в следующих строках вводной части (см. примеры 44, 45). Таким образом он устранил старый тип власти и ввел новый.

В двух других ойратских фразах одна характеризует место чиновников и министров в поддержке *törö* (пример 18), вторая также касается чиновников, но в наставлении, обращенном к хану (пример 19). Значение термина *törö* в них, скорее, может быть ассоциировано с более утилитарным «правило, закон», чем с первоначальным — «Высший закон».

(18) «К его чиновникам, украшенным согласно **правилам**, обращаются почтитель-

но» (ойр. *tüšimed sayid inu:* ***töröyin*** *yosōr čimeǰi kündülen ögüüleqdekü̈i:* [KNC, 2r:18–20]).

(19) «Вложи в руки мудрецов, обладающих властью, ключ от **закона**» (ойр. ***töröyin*** *tülkü̈üri erketen cecediyin yartu ayou*l [KNC, 2v:18–20]).

Второй термин, в состав которого входит слово *törö* — «правило "двух законов"» (т. е. религия и светская власть), появился позже. Он также встречается в обоих текстах и также с разной частотой, но для его передачи в монгольской и ойратской версиях используются разные слова.

В монгольском тексте единственная прямая отсылка к правилу «двух законов» имеется во вводной фразе, предваряющей наставления Усун Дэвсгэтрту-хана, которая констатирует, что беседа Хана с мудрецами происходила после принятия им правила «двух законов». Та же фраза без каких-либо изменений завершает текст. В них две составляющих этого термина (религия и светская власть) передаются двумя сочетаниями слов: *nom-un törö* и *yirtinčü-yin törö*[4]. В монгольском тексте об этом сказано так:

(20) «Когда [Хан] утвердил **правило «двух законов»**, …» (монг. ***nom yirtinčü qoyar-un töröi****-yi bayiyulaqui-dur* … [C 41, 1v:2–3; 11v:23–24]).

Кроме того, в монгольском тексте есть два высказывания, содержание которых коррелирует с правилом «двух законов». Первое из них (пример 21) — это последнее наставление из слов Усун Дэвсгэрту-хана, адресованное ханам. В нем *nom* 'Учение' и *yirtinčü-yin törö* 'светская власть' относятся к сфере деятельности хана.

(21) «Раннее утро посвящай **делам Учения**. Днем занимайся **светскими обязанностями**» (монг. *örlüge manayar* ***nom-un üile*** *üiled: edür-ün čay-tu* ***yirtinčü-yin törö****-yi yabuyul*: [C 41, 1v:11–13]).

Второе высказывание (пример 22) — это слова Инлар-мудреца (частично уже приведенные выше, см. пример (4), в которых он называет четыре того, чем, как принято считать, обладают (букв. *bariqu* 'держат') хороший и плохой лама и хороший и плохой хан. Позитивные характеристики хана и ламы можно трактовать как с точки зрения исполнения правила «двух законов»: отсылка к нему заметна в параллельном употреблении терминов *nom* 'религия, Учение' и *törö yosun* 'Высший закон', так и как дань уходящему в прошлое Высшему закону. Обращает на себя внимание глагол *bariqu* 'держать', который в контексте функций хана часто сочетается с *törö*. Интересно также, что о плохом хане сказано, что он «держит силу» (монг. *mayu qan kümün kü̈čün ǰayayu:* [C 41, 6v:24–25]), так подтверждается, что истинный хан легитимизирует свою власть не с помощью её силового захвата, а благодаря качествам, дарованным ему Небом.

(22) «Хороший лама держит **Высшее Учение**, …хороший хан держит **Высший закон**» (монг. *sayin blam-a* ***degedü nom****-ni bariyu: … sayin qan kümün* ***törö yosun****-i bariyu:* [C 41, 6v:21, 6v:23–24]).

Таким образом, в монгольском тексте присутствует прямое или косвенное указание на правило «двух законов», называемое в тексте сочетанием слов *nom* 'Учение' и *yirtinčü-yin törö* 'светская власть', употребляемых, что важно, в паре. В связи с этим можно сделать осторожное предположение, что такой способ передачи этого понятия являлся переходным на период переустройства власти на рубеже XVI–XVII вв., пока не вошел в обиход вытеснивший его новый термин *šasin törö* 'религия и светская власть', характерный для монгольских летописей XVII в.

Сочетание слов *šasin törö* 'религия и светская власть' для обозначения правила «двух законов» в монгольском тексте «Истории Усун Дэвсгэрту-хана» нигде не используется, а в ойратском оно употреблено четыре раза. Среди них особенно примечательны три случая, когда термин ойр. *šaǰin törö* 'религия и светская власть' (примеры 23–25) соответствует термину törö из монгольского текста. Эти фразы относятся к характеристике хана (или ханши) и в остальном в обоих текстах совпадают. Этот же термин (ойр. *šaǰin törö*) употреблен в перечислении заслуг Усун Дэвсгэрту-хана после устранения власти китайского хана (пример 26) во

[4] Т. Д. Скрынникова для термина *yirtinčü-yin törö* предлагает перевод «Универсальный закон Вселенной», однако в контексте противопоставлении этого термина термину «религия» (Учение) в использованных текстах, представляется его более утилитарный перевод — «власть».

фразе из введения, имеющейся только в ойратском тексте.

(23) «…добросовестно сохраняя **религию и светскую власть**, …» (ойр. ***šaǰin töröyigi*** *ünün-yēr sakād* [KNC, 2v:14]) (ср. пример 1).

(24) «Сведуща в истинной **религии и светской власти**» (ойр. *ünün* ***šaǰin törö****-dü cecen* [KNC, 5v:16]) (ср. пример 3).

(25) «Хороший хан держит **религию и светскую власть**» (ойр. *sayin xān kümün* ***šaǰin törö*** *barixu*) [KNC, 10v:13–14] (ср. пример 4).

(26) «Учредил **религию и светскую власть**, полезные подобно лекарству» (ойр. ***šaǰin törö*** *em metü tustai bütēn* [KNC, 2r:1–2]).

Кроме регулярного употребления термина *šaǰin törö*, есть несколько случаев, когда на месте слова *törö* из монгольского текста в ойратском стоят другие слова, не имеющие прямого отношения к его значению (примеры 27–30). В результате при описании поведения хана (пример 27) или его чиновников (пример 28), или действия закона природы (пример 29), или условий достижения счастливой жизни (пример 30), смысл высказывания в ойратском тексте не такой высокий и никак не связан с Высшим законом не только в его первоначальном значении, но и в более поздней трактовке как светская власть. В примере 27 слово *törö* из монгольского текста соответствует слову *üyile* ‘дело’ в ойратском, в примере 29 — слову *tula*, послелогу со значением причины с добавлением падежного аффикса в предыдущем слове, а в примерах 28 и 30, переформулирован весь конец фразы.

(27) «Днем занимайся светскими **делами**» (ойр. *ödüriyin caqtu yertüncüyin* ***üyile*** *yabuul* [KNC, 4r:5–6]), (ср. пример 21: монг. *…yirtinčü-yin* ***törö****-yi yabuyul:*).

Здесь надо отметить, что первая часть этого высказывания в обоих текстах содержит сочетание монг. *nom-un üile* / ойр. *nom-yin üyile* ‘дела Учения’, и этим можно объяснить наличие в ойратском слова *üyile* и во второй, параллельно выстроенной, части.

(28) «Если чиновники или министры не нарушают правила своего поведения, результат этого — [они] **со своего пути не собьются**» (ойр. *tüšümel sayid töb yoson sayin yabudalān ese aldaxula:* ***töüni üren inu mör-yēn ülü endeyü****:* [KNC, 3r:19–21 — 3v:1]) (ср. пример 7: монг. … *ese aldabasu törö-yin šitügen:*).

(29) «Невечность **из-за** смерти — есть данность» (ойр. *möngkö busu yöüdküyin* ***tula*** *yoson bui* [KNC, 12v:2–3] (ср. пример 10: монг. … *yegüdkeküi* ***törö****-yin yosun buyu::*).

(30) «…окончательно реши [споры], **следуя** суду» № 155.2. ойр. *…zaryuyin* ***yosōr*** *yabuulun tuurbi* [KNC, 13.2r:13–15]), (ср. пример 5: монг. *ǰarayui-yi* ***törö-ber*** *yabuyul-un*).

В этой ойратской фразе не только отсутствует слово *törö*, но имеются и грамматические отличия: в монгольском тексте слово *zaryu* ‘суд, тяжба’ оформлено винительным падежом, а в ойратском — родительным. В результате в ойратской фразе предлагается следовать суду (ойр. *zaryuyin yosōr*), в отличие от монгольского, где в решении тяжб следовать надо Высшему закону (монг. *törö-ber*), что соответствует важному компоненту действий хана.

Отдельно следует сказать об употреблении в ойратском тексте слова *yoson* ‘обычай, традиция’ в сочетании ойр. *yertüncüyin yoson*, т. е. там, где в монгольском стоит *törö* (монг. *yirtinčü-yin törö*). Такой случай только один, но прежде чем его рассматривать, есть смысл сравнить употребление этого слова (монг. *yosun* / ойр. *yoson*) в обоих текстах.

В подавляющем большинстве случаев его значение в монгольских и ойратских примерах совпадает. Так, в уже упомянутых выше примерах, имеющихся в обоих текстах, сочетание со словом *törö* (монг. *törö yosun* / ойр. *törö yoson*) имеет одинаковое значение — «Высший закон» (см. примеры 8 и 16). Также одно значение и у сочетания со словом *töb* (монг. *töb yosun* / ойр. *töb yoson*) — «правила поведения» (см. выше примеры 7 и 28).

В остальных примерах, которые приводятся ниже и которые также есть в обоих текстах, значение и монг. *yosun*, и ойр. *yoson*, можно определить как «обычай», т. е. «всем известно, что таково качество или состояние, или так действуют (или не действуют), и это всеми давно принято как правильное (или неправильное)». В конкретных ситуациях оно реализуется по-разному с учетом контекста и

синтаксических связей, но одинаково и в монгольском, и в ойратском (см. примеры 31–37). В нескольких случаях слово употреблено только в одном из двух текстов (см. примеры 38–41), укладываясь в то же общее значение.

(31) «Понимая чужие **порядки**, твердо отстаивает свои слова» (монг. *yadayadu **yosun**-i uqayad öber-ün ayalyuban batulqu* [C 41, 2r:14–16], ойр. *yadādu **yosoni** medēd öböröyin ügebēn batalaxui* …[KNC, 4r:15–17]). Это одно из 16 качеств хорошего человека, которые перечисляет мудрец Онисуту.

(32) «Обсужденные вместе с двенадцатью мудрецами **общепринятые правила** [поведения] закончены» (монг. *arban qoyar sečed-lüge ögüleldügsen **yosun** inu tegüsbe:* [C 41, 11v:24–26]), «Обсужденные вместе с двенадцатью мудрецами **общепринятые правила** [поведения]…» (ойр. *arban xoyor tüšimed-lügē ögüüldüqsen **yosoni**…* [KNC, 16v:1–3]). В монгольском тексте — это заключительная фраза, а в ойратском — с нее начинается колофон.

(33) «Сначала объясни **основание** для [своей] речи» (монг. *ang[q-a] urida üge-yin **yosu-ni** tayi[l] buralan ayul:* [C 41, 1v:5], ойр. *urida ügeyin **yosoni** tayilun ayoul:* [KNC, 2v:1–2]). Эта фраза принадлежит Усун Дэвсгэрту-хану, который адресует ханам наставления о том, как надо строить свою речь, чтобы всем всё было понятно.

(34) «Если всем соединить дела, имеется **основа** для согласия» (монг. *qamuγ üiles-i quriyabasu qabili-yin **yosutu*** [C 41, 7v:11–12], «Если всем соединить дела, это **основа** для объединения» (ойр. *xamuq üyileyigi xurāxulā xamtudxuyin **yoson*** [KNC, 12v:5]). В этом высказывании слово *yosun/yoson* имеют разное оформление в монгольском и ойратском текстах, но одинаковый смысл.

(35) «Четыре [качества, которые] **обычно** имеет (букв. ‘держит’) человек» (монг. *kümündür bariqui **yosun** 4 bui:* [C 41, 6v:20–21], ойр. *kümün-dü barixu **yoson** dörbön zöül bui:* [KNC, 10v:10–11]). Одно из этих четырех качеств упомянуто выше (см. примеры 4, 22).

(36) «О своих детях и прислуге заботится и хорошо [их] содержит» (монг. *köbegün kiged aran boyol-ni asarqui **yosun-iyar** sayin-dur [=sayitur] teǰiyekü̈i* [C 41, 3v:14–16]), «За детьми и за всей семьей заботливо ухаживает» (ойр. *küüken kigēd aru bülēn asaraxu **yosōr** tezēkü̈i* [KNC, 6r:7–9]). В обоих примерах слово yosun/yoson в орудном падеже буквально переводится как ‘(заботится), **следуя обычаю**’. Эта фраза из перечня 15 качеств ханши, которые называет Онисуту-мудрец.

(37) «Еще существуют четыре [женщины]-хатун, **имеющих известные качества**, подходящие для соединения [с ними]» (монг. *edüge basa nökečekü̈i **yosutu** dörben qatun buyu:* [C 41, 5r:17–19]), «Еще есть четыре [женщины]-хатун, которые имеют известные качества, делающих своих мужей счастливыми» (ойр. *basa učiraqsan nökörōn amarān ǰiryāxu **yosotu** dörbön xatun bui:* [KNC, 8r:1–3]).

(38) «Если, не имея сил, хочет померяться силами с сильными — это явный признак наглости» 98.1–2. (монг. *küčün ügegü bügetele küčüten-e barilduqui-yi tayalaqu bügesü: ičegüri ǰabqaysan-u **yosun** buyu:* [C 41, 6v:4–6]). В ойратском тексте главная часть предложения переформулирована без использования слова *yoson* (ср. ойр. *xamugiyin eleq bolxu:* ‘станет всеобщим посмешищем’ [KNC, 9v:16]).

(39) «Это **известные качества** Сайн Богдо-хатун» (ойр. *sayin boqdo xatuni **yosun** inu* [KNC, 10r:2]). Это вводная фраза перед перечнем семи положительных качеств мудрой женщины высокого положения, любящей мужа и почитающей его родителей. В монгольском тексте этой фразы нет, как нет и перечисления замечательных качеств.

(40) «Таким образом, у тибетцев, если почитают, то **принято** так: …» (ойр. *töü-bēr töbödiyin ulustu örgün kündülkülē **yosotan*** [KNC, 8v:3–4]). Это вводная фраза, которая предваряет перечень тех, кого принято почитать (учителя, родителей, нойонов и т. п.) с указанием способа. В монгольском тексте вместо этого сказано: «Дугулбариту-мудрец такие слова произнес: …», т. е. перечень почитаемых категорий людей отнесен к словам этого мудреца, а не к порядку, принятому у тибетцев.

(41) «…самому **суждено** преодолевать трудности» (монг. *…öber-iyen qataγuǰiqu-yin **yosutu**:* [C 41, 9r:15–16]). Речь идет о том, что, если бедняк хочет получить скот и пропитание, ему

придется самому этого добиваться. В ойратском тексте этой фразы нет.

И в монгольском, и в ойратском текстах употребляются также грамматикализованные формы орудного падежа от монг. *yosun*/ойр. *yoson*: монг. *yosuyar*, ойр. *yosōr*, которые выполняет служебную функцию послелога со значением «согласно», «по», «следуя». Это слово встретилось в уже приведенных выше примерах (см. примеры 6 и 15, 18). А также во фразе, которая есть только в монгольском тексте (пример 42):

(42) «Любые, хорошие или низкие, [поступки] совершают так, **как будто** [они] будут известны [всем]» (монг. *aliba sayin doroi-yi sonostaqui metü* ***yosuyar*** *üiledülekü̈i:* [C 41, 5v:15–17]). В ойратском тексте слово *yosōr* отсутствует (ойр. *sonostoxu metü üyiledkü*), что упрощает фразу и не влияет на ее смысл.

Поскольку значение «согласно» может передаваться формой орудного падежа и от других слов (см. пример 5: *törö-ber* ‘следуя Высшему закону’), и существует возможное написание ойр. *yosōr* вместо ойр. *yoson-yēr*, т. е. использованием разговорной формы падежа вместо литературной, то провести четкую границу между словообразованием и словоизменением не всегда возможно. Такую двоякую трактовку можно увидеть в примере 36.

Единственным случаем, когда ойратское *yoson*, соответствует монгольскому слову *törö*, является фраза, в которой *törö* входит в состав термина «правило “двух законов”». В монгольском тексте она употреблена дважды: с нее начинается и заканчивается текст, в ойратском — только в колофоне (пример 43).

(43) «Когда представил народу **правило “двух законов”**» (ойр. *ulus ergin-dü nom* ***yertüncüyin yosu*** *üzüülkü caqtān* [KNC, 16r:20–16v:1]) (ср. пример 20: монг. *ulus irgen-dur* ***nom yirtinčü qoyar-un töröi****-yi bayiyulaqui-dur*).

Эта фраза из колофона, а колофон при его повторе в другом тексте не предполагает серьезных изменений, можно предположить, что в данном случае лексические изменения были сделаны в ойратском тексте, в котором сочетание *yertünču-yin törö* ‘светская власть’ целенаправленно избегалось (ср. пример 29). Можно отметить, что это коррелирует со значением слова *yoson* в современном калмыцком[5], в отличие от современного монгольского, в котором значения «власть» у этого слова не отмечено[6].

Термин *šajin törö* не только употребляется в ойратском тексте, но в тексте указано и имя того, кто его ввел — Усун Девсгерту-хан. Во вводной части сначала сказано, что хан его утвердил (см. пример 26), а в двух последующих фразах объяснены две составляющие этого правила (светская и религиозная):

(44) «В то время установил дарованную судьбой ханскую **власть**» (ойр. *tere caqtu xāni zayani* ***zasagi*** *bayiyoulun:* [KNC, 2r:2–4]).

(45) «Установил закон тибетского Учения» (ойр. *töbödiyin nomiyin* ***xouli*** *bayiyoulun:* [KNC, 2r:4–5]).

Для обозначения ханской власти использован термин *zasaq* ‘управление, власть’, который больше не встречается в других местах этого текста и полностью отсутствует в монгольском. Религиозная составляющая власти передана термином *xouli* ‘закон’ (*nomiyin xouli* ‘закон Учения’) с прямым указанием на тибетский источник этого учения. Оба термина выбраны для объяснения составляющих правила «двух законов» словами близкими по значению к терминам и понятными читателям. Термин *xouli* ‘закон’, заимствованный из китайского через маньчжурский, имеет значение, которое из всех уже так или иначе упомянутых в статье терминов ближе всего к юридическому понятию «закон» в современном понимании.

Именно такое значение имеет это слово в следующей фразе, которая есть в обоих текстах:

(46) «Если кто-то совершит негодный поступок, [пусть знает, что] для всех людей [есть] **закон**» (монг. *ken-ü yabudal mayu bolbasu kelkü̈i ulus-un* ***quuli****:* [C 41, 7v:12–13], ойр. *keni yabudal buruu bolxula külkü ulušiyin* ***xouli****:* [KNC, 12v:6–7]).

---

[5] У слова «йосн» первым указано значение «власть», вторым — «общепринятое правило, обычай, традиция», но значение «закон» не отмечено. См. [КРС, 1971. С. 181–182].

[6] У слова ёс(он) первым указано значение «общепринятое правило, обычай, традиция» и среди остальных (всего 16) значения «власть» нет. См. [БАРМС, 2001. С. 142–144].

В обоих текстах встретилось еще одно слово, также относящееся к правовой лексике — монг. *ǰarayui*, ойр. *zaryu* ‘спор, судебное разбирательство, тяжба’. Одно его употребление было рассмотрено выше (см. примеры 5, 30). Два других (примеры 47, 48) входят в описание положительных качеств хана, озвученных сначала Усун Дебсгерту-ханом, а затем мудрецом Онисту). Представляется, что речь идет не о принятии судебных решений в современном понимании, а о справедливом разрешении споров между подданными, поскольку в примере 48 такие простые споры противопоставляются ситуациям, в которых для восстановления справедливости требуется применить вооруженные действия.

(47) «Справедливо решает **споры**» (монг. ***ǰarayuyi*** *ǰo[=ö]b-iyer qayaluyad:* [C 41, 1r:14], ойр. ***zaryuyigi*** *zöb-yēr xayalun* [KNC, 2v:15–16]).

(48) «Справедливо решает простые **споры**, но если понадобится, готов взять меч и надеть доспехи» (монг. *kilbar* ***ǰarayui****-yi ünen-iyer kelelen:–kereg-tü čay-tu mese quyay-yi beleni-iyer emüskü̈i…* [C 41, 2v:4–6], ойр. *kilbar* ***zaryuyigi*** *ünü [=ünen-yēr] kelen: kereqtü caqtu mese xuyagi belen-yēr ümüsükü̈i…*) [KNC, 4v:8–11].

В статье рассмотрены случаи употребления в монгольском и ойратском текстах термина монг., ойр. *törö* ‘Высший закон’, а также нескольких других: монг. *nom yirtinčüyin törö* ‘правило «двух законов» (религия и светская власть)’, монг. *šasin törö* / ойр. *šaǰin törö id.*, монг. *yosun* / ойр. *yoson* ‘обычай, традиция’, монг. *ǰarayui* / ойр. *zaryu* ‘спор, тяжба, судебное разбирательство’, монг. *quuli* / ойр. *xouli* ‘закон’. Всего они встретились в около 50 фразах, как имеющихся в обоих текстах (таких большинство), так и только в ойратском (около десятка). Наиболее показательно сопоставление терминов внутри первой группы, в которой нет принципиальных отличий в использовании термина, обозначающего традиционные правила (монг. *yosun* / ойр. *yoson* ‘обычай’), а также двух других, передающих юридические нормы (монг. *ǰarayui* / ойр. *zaryu* и монг. *quuli* / ойр. *xouli* ‘закон’).

Это контрастирует с употреблением терминов, связанных с характеристикой ханской власти, в первую очередь — монг., ойр. *törö* и ойр. *šaǰin törö*. В монгольском предпочтение отдается термину *törö*, а в ойратском — *šaǰin törö*, и, что важно, последний в монгольском тексте ни разу не встретился. В то же время в нем зафиксировано выражение *nom yirtinčüyin törö* с тем же значением. Это можно объяснить тем, что в обоих версиях зафиксирован переломный этап перехода от сакрального Высшего закона (*törö*), который определяет легитимность ханской власти, к буддийскому правилу «двух законов» (ойр. *šaǰin törö*), который также определяет власть хана, но в сочетании с буддийским Учением. Вариант монг. *nom yirtinčü-yin törö* является переходным, то есть монгольский текст отражает еще не устоявшуюся терминологию.

В монгольском тексте отсылка к Высшему закону выражена более четко, чем в ойратском, в котором зафиксировано введение в оборот нового термина, и случаев отсылки к правилу «двух законов» значительно больше. Такое их распределение между двумя версиями показывает, что монгольская является первичной, а ойратская более современной относительно друг друга в пределах небольшого временного периода. Это позволяет трактовать несовпадение терминов в двух текстах, как их замену в ойратском (монг. *törö* на ойр. *šaǰin törö* или на другие слова, монг. *yirtinčüyin törö* на ойр. *yertüncüyin yoson*), а фразы, имеющиеся только в ойратском — как добавленные позже.

Использованная литература

БАРМС, 2001: Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Т. 2. М.: «Academia», 2001.

КРС, 1977: Калмыцко-русский словарь / Под ред. Муниева. М.: Издво «Русский язык», 1977.

Орлова 2002: *Орлова К. В.* Описание монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в фондах Калмыкии // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 5. М.: Институт востоковедения РАН, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2002.

Сазыкин 1988: *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. I. М.: Наука. ГРВЛ, 1988.

Скрынникова 1997: *Скрынникова* Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1997.

Скрынникова 2013: *Скрынникова Т. Д.* Представление о законе в монгольских летописях XVII в. // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. Центральная Азия и Дальний Восток / Под ред. И. Ф. Попова, Т. Д. Скрынникова. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2013.

Hessig 1972: *Hessig W.* Geschichte der Mongolische Literatur. Bd. I. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1972.

THE TERM *TÖRÖ* IN THE MONGOLIAN AND OIRAT VERSIONS OF THE "HISTORY OF USUN DEBESGERTU-KHAN"

Natalia S. Yakhontova
Institute of Oriental Manuscripts, RAS

A didactic work "The History of Usun Debesgertu Khan" is known in two versions: Mongolian and Oirat. It contains wise instructions given by the Khan and his ministers. Both versions presumably date back to the 17th century. The term törö is used in both, but the Oirat version additionally uses the term *šajïn törö* — the rule of "two laws". These terms are associated with the characteristics of the khan's power. The first of them (*törö*) is more characteristic of Mongolian, and the second of the Oirat text. A comparison of their use in phrases present in both texts, as well as in Oirat phrases absent from Mongolian, makes it possible to conclude that the Oirat version of the text appeared a bit later than the Mongolian one, though both in the historical period when a new term for marking the basis of the khan's power — the rule of "two laws" became widespread.

Key words: the term törö, the rule of "two laws", "The History of Usun Debesgertu-khan", Mongolian language, Oirat language.

About the author: **Natalia S. Yakhontova**, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Senior Researcher, Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (nyakhontova@mail.ru). ORCID: 0000-0003-2397-9138.

УДК 81-26
DOI: 10.48612/IVRRAN/6fpf-64zp-u1b1

Л. А. Федотова
Центральная научно-техническая библиотека по строительству и архитектуре
И. Н. Храпова
Центральная научно-техническая библиотека по строительству и архитектуре
Н. В. Ямпольская
Институт восточных рукописей РАН

БУДДИЙСКИЕ АРТЕФАКТЫ В СОБРАНИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ И АРХИТЕКТУРЕ

Статья вводит в научный оборот два необычных предмета, хранящиеся в Центральной научно-технической библиотеке по строительству и архитектуре (г. Москва) — артефакты, имеющие форму книг формата кодекс и собранные из фрагментов буддийских культовых предметов и изображений. Среди них пекинское ксилографическое издание медицинского трактата «Лхантаб», танка с сюжетом из намтара Дже Цонкапы, танка «35 будд покаяния» и набор карточек-цакли для посвящения в практики терма, имеющие отношение к медицине. Информация о провенансе «книг» ограничивается косвенными сведениями о том, что они могли поступить в коллекцию ЦНТБ СиА в начале 1940-х гг. Основываясь на анализе особенностей составных частей исследуемых артефактов, авторы высказывают гипотезу о том, что они могли быть созданы в первой половине XX в. человеком, который не являлся носителем буддийской культуры, из фрагментов предметов, хранившихся некогда в одном из дацанов Бурятии или Монголии.

Ключевые слова: Цонкапа, Лхантаб, танка, цакли, Ютог Ньинтиг, Ринчен Тердзод.

Благодарность. Авторы благодарны Алексею Алексеевичу Филатову (Государственный музей истории религии), Юлии Игоревне Елихиной (Государственный Эрмитаж), Дмитрию Владимировичу Иванову (Музей антропологии и этнографии РАН) и Буде Бальжиевичу Бадмаеву (Дацан Гунзэчойнэй) за консультации во время подготовки публикации.

Об авторах:

Федотова Любовь Александровна, заведующий отделом редких книг ЦНТБ СиА ФБУ «РосСтройКонтроль» (Россия, Москва) (l.fedotova@fc-rsk.ru). ORCID: 0009-0000-7932-9260.

Храпова Ирина Николаевна, главный библиограф отдела научно-библиографической работы ЦНТБ СиА ФБУ «РосСтройКонтроль» (Россия, Москва) (i.hrapova@fc-rsk.ru). ORCID: 0009-0005-3477-6741.

Ямпольская Наталия Васильевна, Ph.D., старший научный сотрудник, отдел Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей РАН (Россия, Санкт-Петербург) (nataliayampolskaya@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-2198-768X.

© Федотова Л. А., 2025
© Храпова И. Н., 2025
© Ямпольская Н. В., 2025

Фонд Центральной научно-технической библиотеки по строительству и архитектуре образован путём объединения двух крупных научных библиотек: Центральной научно-технической библиотеки по строительству, основанной при Постоянной Всесоюзной строительной выставке, и Научной библиотеки Академии архитектуры. Последняя представляет собой собрание уникальных изданий широкой тематики.

В отделе редких книг ЦНТБ СиА хранятся два предмета, числящиеся в инвентарных

книгах как «монгольские молитвенники» (инв. №№ 55454, 55455). Сведений об истории поступления этих единиц хранения в фонд нет. Предметы представляют собой два артефакта в форме книг, сконструированные из фрагментов ксилографа на тибетском языке, буддийских ритуальных изображений и предметов.

Библиотека Академии архитектуры существовала с 1934 г., но в 1949 г. инвентарные книги библиотеки были переписаны, поэтому установить точную дату поступления «молитвенников» в фонд не представляется возможным. Однако на всех книгах Академии, которые подверглись смене инвентарного номера, остались перечеркнутые первичные инвентарные номера, а также отметки о проверках 1935, 1936, 1943, 1946 (выборочно) и более поздних лет. На «молитвенниках» сохранилась отметка о проверке 1943 г.

В первой половине 1942 г. в Научную библиотеку Академии архитектуры поступили издания из книжной коллекции Б. П. Денике, первичные инвентарные номера которых находятся в диапазоне 44000–47000[1]. Можно предположить, что старые инвентарные номера «молитвенников» (48983, 48984) были присвоены им в период 1942–1943 гг., так они находятся в непосредственной близости к номерам книг коллекции Б. П. Денике. Вероятно, «молитвенники» поступили в фонд именно в эти годы. Источник поступления остаётся неизвестным.

Цель нашей публикации — предоставить описание единиц хранения, обозначенных как «молитвенники», атрибутировать фрагменты книг, живописи, ритуальных изображений и предметов, из которых они сконструированы, и предложить гипотезу о происхождении артефактов.

Описание предметов

Обе единицы хранения представляют собой артефакты, собранные из предметов, изначальные форма и назначение которых были изменены. Неизвестный создатель придал своим творениям вид книг привычного для европейцев формата кодекс, поместив внутрь обложек сложенные пополам листы ксилографа формата потхи и украсив страницы и обложки «книг» фрагментами буддийского ритуального декора и сакральных изображений. Ниже приведены описания каждой из исследуемых единиц хранения (условно названных Книга 1 и Книга 2), затем — атрибуция их составных частей.

Книга 1, инв. № 55455 (48984)

Книга 1 представляет собой обложку от книги формата кодекс, в которую вложены 25 листов ксилографа на тибетском языке. Листы согнуты пополам и никак не закреплены. «Форзац» и «нахзац» декорированы аппликациями из парчи и фрагментов буддийских икон-танка.

Крышки переплёта (33,5×23 см) изготовлены из дерева и обтянуты красной козлиной кожей, поверх которой наклеена чёрная бумага с блинтовым тиснением (Рис. 1). Обложка принадлежит к мусульманской книжной традиции: об этом говорит характерное оформление верхней и нижней крышек переплёта — центральный медальон со спутниками. Книга в подобном переплёте могла быть изготовлена в Средней Азии в XVIII–XIX вв.

На обложку помещён монгольский буддийский декор. На верхней крышке переплёта в правом верхнем углу расположен т. н. «узел счастья» (монг. *өлзий хээ*) — традиционный монгольский орнамент, символ благополучия[2]. Узел изготовлен из металла и мог служить декором самых разных предметов, в том числе посуды или одежды. На трёх «пустующих» углах верхней крышки переплёта заметны следы, указывающие на то, что на них тоже были наклеены подобные элементы декора: по замыслу создателя Книги 1, они должны были составлять симметричную картину, дополняющую медальоны, изначально украшавшие обложку.

На нижней крышке переплёта в центральный медальон вклеено раскрашенное глиняное цаца (тиб. *tsa tsa*) размером 4,4×2,3 см — вотивное изображение дакини Симхавактры (санскр. *siṃhavaktra*). Несмотря на потёртости

[1] РГАЭ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 64. Л. 24.

[2] Об орнаменте «узел счастья» см. [Гантулга, 2020].

Рис. 1. Книга 1, инв. № 55455. Верхняя крышка переплёта

Рис. 2. Книга 1, инв. № 55455. Нижняя крышка переплёта, фрагмент: центральный медальон, цаца с изображением Симхавактры

выступающих частей изображения, Симхавактра идентифицируется по узнаваемым элементам её традиционной иконографии: тело синего цвета в позе танца окружено огненной мандорлой, львиная голова белого цвета, в воздетой правой руке — нож-картрика, в левой — наполненная кровью чаша-капала, под левым локтем — жезл, под ногами — труп [cf. Обитель милосердия, 2015. № 251] (Рис. 2).

Внутренние стороны крышек переплёта обтянуты бордовой жаккардовой тканью с золотым растительным узором, поверх которой наклеены несколько фрагментов буддийских икон танка. На «форзаце» (Рис. 3) в центре — фигура тибетского учителя Дже Цонкапы (1357–1419), по углам — четыре фигуры будд с телами синего, зелёного и жёлтого цветов (вырезаны из танка «35 будд покаяния», подробнее о ней см. ниже). Все фигуры вырезаны очень аккуратно и составляют такую же симметричную композицию, как на обложке (центр и четыре угла). На «нахзаце» (Рис. 4) — изображение учеников Цонкапы из той же танка, что и фигура учителя (подробнее об этой танка см. ниже). Края фрагмента с изображением учеников Цонкапы окантованы рамкой, начерченной красной краской.

В обложку вложено 25 листов (10×53 см) из ксилографа «Лхантаб» на тибетском языке: лл. 122–145, 191 (подробнее о ксилографе см. ниже). Листы никак не закреплены, на некоторые из них наклеены фрагменты, вырезанные из тех же двух танка, что и изображения на внутренних сторонах крышек переплёта (Рис. 5, 13). На л. 122r наклеены две миниатюры цакли (тиб. *tsak li*) с изображениями танцующих дакини (Рис. 16: f, g; подробнее о наборе цакли см. ниже). Все изображения приклеены к листам ксилографа только по верхнему краю, так что их можно отогнуть снизу, открыв текст и оборотную сторону карточек (таким же образом «иллюстрации» приклеены к листам, вложенным в Книгу 2).

Рис. 3. Книга 1, инв. № 55455. Внутренняя сторона верхней крышки переплёта, аппликация из фрагментов двух танка: Дже Цонкапа и четыре фигуры будд покаяния

Рис. 4. Книга 1, инв. № 55455. Внутренняя сторона нижней крышки переплёта, фрагмент житийной танка Цонкапы с изображением его учеников

Рис. 5. Книга 1, инв. № 55455. Л. 191r из ксилографа «Лхантаб» с наклеенными на него фрагментами двух танка: фигура одного из будд покаяния и фрагмент житийной танка Цонкапы (раковину царя нагов прячут в пещере)

Книга 2, инв. № 55454 (48983)

Переплёт Книги 2 выполнен из картонажа с текстилем поверх картонных крышек. Размер обложки: 23,7×19,6 см. Верхняя крышка переплёта (Рис. 6) обтянута голубой жаккардовой тканью с китайским орнаментом, выполненным нитью золотистого цвета, и украшена накладками из двух параллельно расположенных бархатных лент с наклеенной поверх них трёхцветной тесьмой. В центре расположена чакра (санскр. *cakra*) — колесо с восьмью спицами (символ буддийского учения), выполненное из

Рис. 6. Книга 2, инв. № 55454. Верхняя крышка переплёта

материала чёрного цвета (возможно, зумбэр) и наклеенное на основу из голубого шёлка. По четырём углам обложки размещены четыре декоративных элемента в форме полумесяца, изготовленные из того же материала, сильно повреждённые. Симметрия этой композиции перекликается с декором обложки и «форзаца» Книги 1. Нижняя крышка переплёта (Рис. 7) обтянута китайским шёлком голубого цвета с орнаментом в виде медальона из растительных мотивов и повторяющегося иероглифа *шоу* 壽 ‘долголетие’. В цинский период в Китае из подобного шёлка шили одежду — мужские и женские халаты, которые носили в том числе монгольские чиновники и знать. В центр медальона помещено такое же колесо-чакра, как на верхней крышке переплёта, наклеенное на основу из бархата бордового оттенка. К краям обеих крышек переплёта прикреплены два шнура из хлопковой нити чёрного и красного цветов — очевидно, в качестве завязок, однако завязать их невозможно, так как из обложек на несколько сантиметров выдаются края листов ксилографа.

С внутренней стороны на обложки прикреплены разноцветные полоски шёлка, нижние концы которых имеют треугольную форму и украшены кистями: это составные элементы знамени джалцан (тиб. *rgyal mtshan* ‘знамя победы’), символа победы Учения Будды (Рис. 8). Джалцан — многоцветное знамя цилиндрической формы, используемое в числе прочего как декор колонн в буддийских храмах [Бир, 2013. С. 34–36]. На шёлк наклеены шесть фигур будд, вырезанные из иконы «35 будд покаяния», и два квадратных фрагмента танка (размером 13,2×14 см и 13,2×13,8 см) с фигурами будд, монахов, бодхисаттв и небожителей, происходящие из той же житийной танка Дже Цонкапы, что и изображения в Книге 1. Края квадратных фрагментов очерчены такой же красной рамкой, какую мы видим у изображения на «нахзаце» Книги 1.

В корешок Книги 2 плотным бежевым шнуром вшита стопка из 13 согнутых пополам листов того же ксилографа «Лхантаб», листы которого вложены в Книгу 1. Листы расположены не по порядку (148, 149, 150, 152, 153, 151,

Рис. 7. Книга 2, инв. № 55454. Нижняя крышка переплёта

154, 155, 156, 157, 158, 160, 159) и сшиты таким образом, что последовательно прочесть текст невозможно. На текст наклеены цакли и вырезанные изображения будд покаяния.

Атрибуция текста и изображений

Итак, помимо фрагментов тканей и буддийского декора, описанные выше артефакты включают фрагменты одной книги, двух икон-танка и серии ритуальных карточек-цакли.

Медицинский трактат «Лхантаб»

Все листы с текстом на тибетском языке относятся к одному и тому же ксилографу, содержащему медицинское сочинение, известное под кратким названием «Лхантаб» (тиб. *lhan thabs* ‘приложение’)[3]. Это практическое руководство по лечению болезней, составленное в 1691 г. регентом Пятого Далай-ламы — Деси Сангье Гьяцо (тиб. *sde srid sangs rgyas rgya mtsho*, 1653–1705) в качестве комментария к третьему разделу основного трактата по тибетской медицине — «Джуд Ши» (тиб. *rgyud bzhi* ‘четыре тантры’). «Лхантаб» изучается во всех медицинских дацанах тибетской буддийской традиции и неоднократно издавался ксилографическим способом в Тибете, Пекине и мона-

[3] Полное название на тибетском языке: *bdud rtsi snying po yan lag brgyad pa gsang ba man ngag yon tan rgyud kyi lhan thabs zug rngu'i tsha gdung sel ba'i katpūra dus min 'chi zhabs gcod pa'i ral gri* ‘комментарий к благой тантре тайных устных наставлений «Восьмичастная эссенция нектара» [под названием] «Камфора, избавляющая от мучений, и меч, рассекающий аркан преждевременной смерти»’.

Рис. 8. Книга 2, инв. № 55454, раскрытая посередине

стырях Бурятии. Тибетский всегда оставался основным языком литургии и образования лам в монголоязычных регионах Центральной Азии, поэтому, несмотря на наличие монгольского перевода, тибетская версия была наиболее широко распространена [Болсохоева, 2009. С. 320–321].

Как показало сличение сохранившихся фрагментов с ксилографическими изданиями трактата «Лхантаб», хранящимися в фонде ИВР РАН, листы принадлежат пекинскому изданию 1732 г.[4] Текст сохранившихся фрагментов (всего 38 лл.: 122–145, 148–160, 191) относится к главам 74–99, 101–107 и 121 [Лхан-тхабс, 2000; Лхан-тхабс, 2001; Лхан-тхабс, 2003]. Характер сборки книг, не позволяющий пользоваться текстом ксилографа (листы прошиты прямо по тексту, их порядок нарушен), подсказывает, что их создатель не владел тибетским языком и не имел ясного представления о содержании сочинения.

Танка с сюжетом из намтара Дже Цонкапы

Для декора Книг 1 и 2 использовано восемь фрагментов иконы-танка, изображавшей сюжет из жизнеописания (намтара, тиб. *rnam thar*) основателя школы Гелуг — Дже Цонкапы. Иконография фрагментов в деталях совпадает с первой из серии 15 биографических танка Цонкапы, опубликованной Ф. Ван [Wang, 2000. С. 2].

Фрагмент 1 (Книга 1, «форзац», Рис. 3). Центральная фигура: сидящий Дже Цонкапа в руках, сложенных в жест проповеди Дхармы (санскр. *dharmacakra mudrā*), держит стебли двух цветов лотоса, на которых лежат меч и книга.

[4] Полный экземпляр этого издания (235 лл.) хранится в Тибетском фонде ИВР РАН под шифром Tib. 1868-2.

Фрагмент 2 (Книга 1, «нахзац», Рис. 4). Великие ученики Цонкапы, фигуры которых располагаются на танка по левую руку от учителя.

Фрагмент 3 (Книга 1, л. 122v, Рис. 9). Подношения, располагаются в нижней части танка, перед лотосовым троном Цонкапы.

Фрагмент 4 (Книга 1, л. 124v, Рис. 10). Лотосы, располагаются в нижней части танка по центру.

Фрагмент 5 (Книга 2, «нахзац», Рис. 11). Первый эпизод в сюжете, расположен в правом нижнем углу танка. В одной из прошлых жизней Цонкапа получает предсказание от будды Индракетудхваджи (санскр. *indraketudhvaja*) о том, что в будущем родится буддой Симханадой (санскр. *siṃhanāda*), чтобы проповедовать учение Ваджраяны.

Фрагмент 6 (Книга 2, «форзац», Рис. 12). Второй эпизод в сюжете, расположен в левом нижнем углу танка. В одной из прошлых жизней Цонкапа, рождённый юношей-брахманом, подносит будде Шакьямуни хрустальные чётки.

Фрагмент 7 (Книга 1, л. 126r, Рис. 13). Четвёртый эпизод в сюжете, расположен в левой верхней части танка, за правым плечом Учителя. На горе Гридхракута будда Шакьямуни предсказывает рождение Цонкапы в Тибете и передаёт слушающим его монахам раковину царя нагов. Звук этой раковины будет созывать монахов монастыря, который предстоит основать Цонкапе. Отметим, что на сохранившемся фрагменте раковина отсутствует: на том месте, где она должна находиться (над левой рукой будды, опущенной к земле) изображена «висящая в воздухе» чаша-патра.

Фрагмент 8 (Книга 1, л. 191r, Рис. 5). Четвёртый эпизод в сюжете, расположен в правой верхней части танка, за левым плечом Цонкапы. Раковину царя нагов прячут в пещере в горах Тибета.

Попытка реконструкции расположения уцелевших частей танка по отношению друг к другу (Рис. 14) позволяет предположить, что полный размер полотна составлял примерно 61×42 см (высота фигуры Цонкапы вместе с

Рис. 9. Книга 1, инв. № 55455. Фрагмент л. 122v из ксилографа «Лхантаб» с наклеенным на него фрагментом житийной танка Цонкапы (подношения)

Рис. 10. Книга 1, инв. № 55455. Фрагмент л. 124v из ксилографа «Лхантаб» с наклеенным на него фрагментом житийной танка Цонкапы (лотосы)

Рис. 11. Книга 2, инв. № 55454. Внутренняя сторона нижней крышки переплёта, фрагмент житийной танка Цонкапы (предсказание будды Индракетудхваджи)

Рис. 12. Книга 2, инв. № 55454. Внутренняя сторона верхней крышки переплёта, фрагмент житийной танка Цонкапы (поднесение хрустальных чёток будде Шакьямуни)

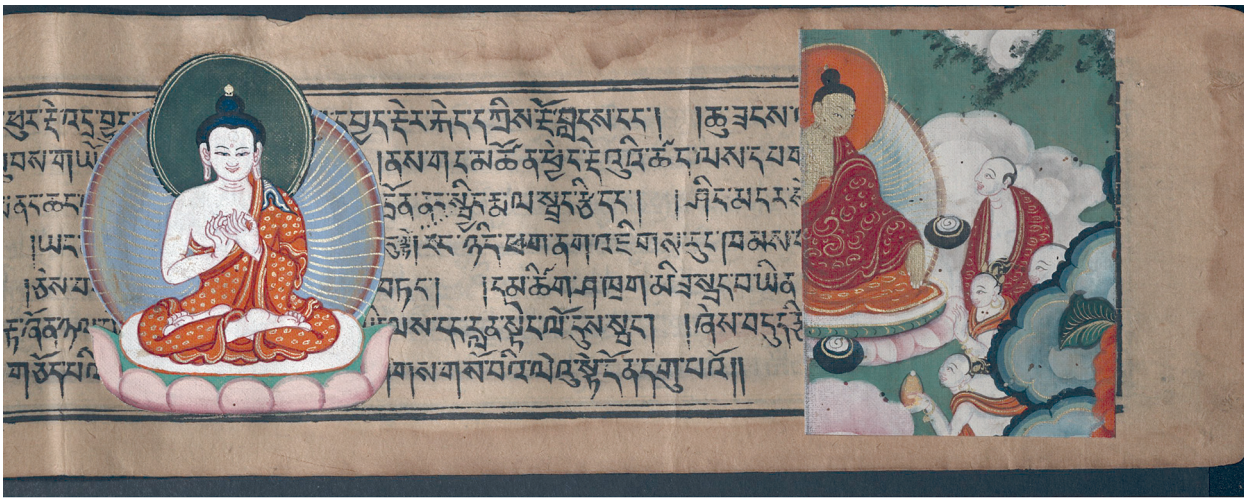


Рис. 13. Книга 1, инв. № 55455. Фрагмент л. 126r из ксилографа «Лхантаб» с наклеенными на него фрагментами двух танка: фигура одного из будд покаяния и фрагмент житийной танка Цонкапы (предсказание будды Шакьямуни)

Рис. 14. Фрагменты житийной танка Дже Цонкапы (реконструкция)

нимбом равна 23,5 см). Стиль живописи можно определить как китайский или сино-монгольский. В частности, узоры на одеждах Цонкапы, его учеников и будд выполнены в виде завитков: подобные узоры характерны для монгольских и бурятских танка [cf. Танка, 2022. №№ 8–11, 17, 25–28, 55–60], а также для танка из монгольских коллекций, атрибутируемых как относящиеся к утайшаньской школе (созданы мастерами Утайшаня для монгольских заказчиков в XIX в.) [cf. Mirrors of the Void, 1987. №№ 3, 8, 17].

Танка «35 будд покаяния»

Для украшения Книг 1 и 2 использованы 23 фрагмента, вырезанные из танка «35 будд покаяния», всего 30 фигур. Книга 1: «форзац» — 4 фигуры (Рис. 3), листы ксилографа 123r — 2 фигуры, 125r — 2 фигуры (Рис. 15), 126r — 1 фигура (Рис. 13), 127r — 1 фигура,

Рис. 15. Фигуры 35 будд покаяния на листах ксилографа «Лхантаб». Слева направо: лл. 123r, 125r, 128r, 137r (в Книге 1), 148v, 149r, 149v (в Книге 2)

128r — 1 фигура, 137r — 2 фигуры (Рис. 15), 191r — 1 фигура (Рис. 5). Книга 2: сверху на внутренней стороне обложек — 6 фигур, листы ксилографа 159v — 7 фигур (Рис. 8), 148v — 1 фигура, 149v — 1 фигура, 149r — 1 фигура (Рис. 15).

Единого канона изображения будд покаяния не существует: даже в рамках трёх основных традиций (Сакья-пандиты, Нагарджуны и Цонкапы) фигуры будд могут быть расположены в разном порядке. Танка, о фрагментах которой идёт речь, относится к канону, описанному Дже Цонкапой [Watt, 2011]. Об этом говорят особенности иконографии трёх будд: Нагешвара-раджа (санскр. *nāgeśvararāja*) изображён с головой белого цвета, синим телом и «капюшоном» из семи змей (Рис. 15, л. 137r), Сувикранта (санскр. *suvikrānta*) держит в руках меч (Рис. 3), Шайлендрараджа (скт. *śailendrarāja*) — гору Меру (Рис. 8, в верхнем ряду). Среди будд покаяния в самом верхнем ряду на танка изображён будда Ваджрадхара (санскр. *vajradhāra*) — воплощение природы всех будд (Рис. 8, посередине, фигура закрыта шнуром). Нам не удалось найти танка, иконография которой полностью совпадала бы с исследуемыми фрагментами, поэтому попытка реконструкции в статье не приводится. Стиль, в котором написаны трава и облака, напоминает бурятский, то же самое можно сказать и о фоновом ландшафте танка: сверху в центре — облако треугольной формы, справа и слева от центральной фигуры Шакьямуни — две горы [cf. Танка, 2022. №№ 22–25; Каталог буддийских икон, 2009. №№ 872, 1015].

Набор цакли

Цакли — это карточки небольшого размера, используемые в первую очередь в ритуалах посвящения в традиции тибетского буддизма. Наборы цакли включают изображения божеств и их атрибутов, учителей, буддийской символики и ритуальных предметов, необходимые для визуализации во время практики. В процессе посвящения карточки демонстрируются в определённом порядке, для этого на них наносят надписи и номера, которые могут быть расположены на лицевой или оборотной стороне. До сих пор не существует исследования, в котором были бы описаны разновидности цакли, не известен и какой-либо строгий канон. Приведённая ниже попытка атрибуции изображений основана в первую очередь на работе с электронной коллекцией «Himalayan Art Resources» (www.himalayanart.org).

На листы Книг 1 и 2 наклеены 26 карточек цакли: 2 — в Книге 1 на л. 122r, и 24 — на листах Книги 2 (Рис. 16, две цакли из Книги 1 помещены в нижнем ряду под буквами f, g). Все изображения написаны минеральными красками на бумаге, размер карточек составляет ок. 8×6,5 см. На лицевой стороне цакли отсутствуют подписи, однако благодаря тому, что к листам ксилографа приклеена лишь верхняя часть изображений, нам удалось прочесть бóльшую часть номеров и несколько надписей

Рис. 16. Фрагменты набора цакли. Верхний ряд: 1, 2 *gong*, 2 '*og*, 3, 4, 5; второй ряд: 6 *snying thig / sman gyi cha dpyad sna tshogs* 17, 7, 8, 11, 26, 33; третий ряд: 34, 36, 37, 64, 73; четвёртый ряд: 86, 87, a, b, c; нижний ряд: d, e, f, g

на тибетском языке, расположенные на оборотной стороне изображений. Номера и надписи не обнаружены лишь на семи цакли — вероятно, они скрыты под полоской бумаги, приклеенной к листам. На Рис. 16 карточки расположены в соответствии с номерами, обнаруженными на обороте; цакли, номера которых не известны, помещены в нижних рядах и обозначены латинскими буквами a–g.

Сложно с уверенностью сказать, относятся ли все карточки к одному набору. Так, цакли под номерами 6(17) и 73 отличаются от прочих цветом рамки (она имеет оранжевый оттенок, а у остальных цакли — тёмно-красный), а также манерой изображения фона (на траве отсутствуют тёмные штрихи). Если сравнить карточку под номером 73 с изображениями дакини в нижнем ряду (f, g), очевидны различия в стиле живописи: последние более детализированы, на небе изображены светила и облака, по-разному расположены лепестки лотосов под ногами дакини (при этом лотос на карточке 73 написан в той же манере, что и на всех остальных цакли, кроме f и g). Учитывая утилитарное предназначение карточек, можно предположить, что один набор мог быть составлен из цакли, написанных разными художниками. Кроме того, одни и те же цакли могли использоваться для посвящений в разные практики: на это указывает, в частности, двойная нумерация на карточке 6 (17).

Нам не удалось обнаружить набора цакли, который бы включал все интересующие нас карточки. Несколько изображений эксплицитно указывают на связь с медицинской темой (5, 6, 33, 73, f, g). Больше всего совпадений мы обнаружили в наборах цакли, используемых для посвящения в традиции тайных учений (терма) Ринчен Тердзод (тиб. *rin chen gter mdzod* ‘сокровищница драгоценных терма’), и Ютог Ньинтиг (тиб. *g.yu thog snying thig* ‘сокровенная сущность Ютог’)[5]. Ютог Ньинтиг — это цикл практик, связанных с медициной, коренной текст и линия передачи которого восходит к основателю тибетской медицинской традиции, Ютогпе Младшему (тиб. *g.yu thog gsar ma yon tan mgon po*; XII в.). Ринчен Тердзод — собрание учений терма, составленное в XIX в. и включающее самые разнообразные практики, в том числе и связанные с медициной.

Ниже все изображения перечислены в том же порядке, что и на Рис. 16. Сперва указаны номер и надпись на обороте (при наличии), в скобках — номер листа ксилографа, на который наклеено изображение, затем следует комментарий.

1 (л. 159r). Тантрийская корона.

2 *gong* ‘верхний’, *g.yogs* ‘одеяние’ (л. 158v). Одеяние йидама.

2 *'og* ‘нижний’[6] (л. 157v). Украшения: ожерелья, серьги, браслеты. Вместе с короной и одеянием составляют облачение, в котором изображают мирных йидамов [cf. Rinchen Terdzo. Vol. KHA].

3 (л. 154v). Подношения: в центре ритуальная скульптура торма (тиб. *gtor ma*) в форме Трёх Драгоценностей, внизу две чаши из черепов — капалы (санскр. *kapāla*), наполненные нектаром — амритой (санскр. *amṛta*) и кровью.

4 (л. 156v). Большой барабан-дамару (санскр. *ḍamarū*) на подставке [Бир, 2013. С. 147–150].

5 (л. 155v). Вероятно, атрибуты одного из учителей-тертонов (тиб. *gter srton*): расположены под зонтиком [Бир, 2013. С. 223–224], слева — пест, в центре — ступа, справа — два ларца с сокровищами (см. номер 37).

6 *snying thig* ‘сокровенная сущность’ *sman gyi cha dpyad sna tshogs* 17 ‘различные медицинские инструменты 17’ (л. 155v). Медицинские инструменты. Вероятно, слова *snying thig* указывают на название посвящения — Ютог Ньинтиг, однако этот термин может отсылать и к «сокровенной сущности» других учений терма. То, что на карточке указаны два номера (6 и 17), может указывать на то, что она использовалась для двух разных инициаций: во время посвящения в цикл Юток Ньинтиг её демонстрировали под номером 6, а при посвящении в другую практику (возможно, из собрания Ринчен Тердзод) — под номером 17.

[5] Среди цакли для посвящения в традицию Ринчен Тердзод есть карточки, аналогичные номерам 1–4, 6–8, 11, 64, 86, 87, a–c, e [Rinchen Terdzo], Ютог Ньинтиг — 3, 6, 86 [Yutog Nyingtig].

[6] Двум карточкам присвоен номер 2, а приписки *gong* и *'og* указывают на их последовательность: «2 верхний», т. е. первый, и «2 нижний», то есть следующий.

7 Чакра с восьмью спицами (л. 156v). Символ одного из пяти семейств будд — семейства Вайрочаны (санскр. *vairocana*).

8 (л. 157v). Золотая ваджра, символ семейства будды Акшобхьи (санскр. *akṣobhya*).

11 (л. 160r). Две перекрещенные ваджры, символ семейства будды Амогхасиддхи (санскр. *amoghasiddhi*). Можно заключить, что на утраченных карточках под номерами 9 и 10 были изображены символы семейств будды Ратнасамбхавы (санскр. *ratnasaṃbhava*) — драгоценность, и Амитабхи (санскр. *amitābha*) — лотос.

26 (л. 158r). Чакра с восьмью спицами (см. номер 7).

33 (л. 153r). Ананда, ученик Будды Шакьямуни, в одеянии буддийского монаха с посохом в правой руке и чашей-патрой в левой [Бир, 2013. С. 236–238]. Эта карточка точно воспроизводит изображение Ананды в медицинском атласе, где он входит в свиту буддистов, стоявших в начале линии передачи учения [Атлас, 1994. С. 77, 80, 81 (№ 40)]. Аналогичное изображение входит и в набор карточек линии передачи Ринчен Тердзод [Rinchen Terdzo. Vol. DA].

34 (л. 152r). Учитель в облике мирянина (синий халат, длинные волосы убраны в пучок), в правой руке держит ритуальный сосуд с носиком [Бир, 2013. С. 239, 256], в левой — ларец.

36 (л. 148r). Учитель в облике мирянина (красный халат, длинные волосы убраны в пучок), правая рука в жесте проповеди, в левой держит ларец.

37 (л. 149r). Учитель с причёской мирянина (длинные волосы убраны в пучок) и в одеянии монаха (правое плечо обнажено), в левой руке держит сосуд, в правой — ларец. Очевидно, на карточках 34, 36 и 37 изображены учителя линии передачи терма, для посвящения в которое предназначен набор цакли, однако нам не удалось их идентифицировать (точных совпадений не обнаружено ни среди цакли линий передачи Ринчен Тердзод и Ютог Ньинтиг, ни в Атласе тибетской медицины). Все трое держат в руках ларцы с сокровищами — это атрибут тертонов, открывателей тайных «драгоценных» учений терма [Бир, 2013. С. 260–261]. То, что учителя изображены в облике мирян, а не монахов, с высокой вероятностью указывает на их принадлежность к школе Ньингма (тиб. *rnying ma*).

64 (л. 149v). Ручной барабан-дамару.

73 (л. 151r). Танцующая дакини с телом жёлтого цвета, играет на флейте из бедренной кости — ганлин (тиб. *rkang gling*) [Бир, 2013. С. 151–152]. Входит в свиту Ютогпы Младшего [Watt, 2017].

86 (л. 154v). Флейта. Здесь, вероятно, атрибут дакини — на подобной флейте играет одна из дакини в свите Ютогпы [Watt, 2017].

87 (л. 151v). Стрела со знаменем, или «шёлковая стрела» (тиб. *mda' dar*), на банте — «зеркало предсказаний» (тиб. *mo'i me long*). Ритуальный атрибут [Бир, 2013. С. 160–163].

a (л. 150v). Атрибуты пяти семейств (см. номера 7–11).

b (л. 153v). Пояс (тиб. *sgom thag*) и опоры для медитации (тиб. *sgom shing*).

c (л. 158v). Нож-картрика (санскр. *kartarikā*; тиб. *gri gug*), увенчанный ваджрой. Атрибут гневных йидамов [Бир, 2013. С. 154–156].

d (л. 160r). Патра (санскр. *patra*) — чаша для подаяния [Бир, 2013. С. 236–238].

e (л. 148v). Чаша-капала, наполненная бурлящей кровью или нектаром [Бир, 2013. С. 152–154].

f (л. 122). Танцующая дакини с телом зелёного цвета, держит в левой руке зеркало. Входит в свиту Ютогпы Младшего [Watt, 2017].

g (л. 122). Танцующая дакини с телом жёлтого цвета, играет на флейте ганлин. Входит в свиту Ютогпы Младшего (то же, что номер 73).

О предполагаемом происхождении «монгольских молитвенников»

Прийти к надёжным выводам касательно происхождения исследуемых предметов сложно не только потому, что мы не располагаем информацией об их провенансе, но и потому, что у нас нет никаких сведений о существовании аналогичных артефактов в других коллекциях. Нельзя с уверенностью констатировать уникальность «монгольских молитвенников» из собрания ЦНТБ СиА, но редкость этих артефактов — бесспорна. Некоторые соображения

об обстоятельствах их создания можно высказать, основываясь на особенностях их оформления и характере предметов, из которых они собраны.

Выше мы отмечали аккуратность, с которой выполнен декор «книг», а также внимание их создателя к симметрии. Так, можно проследить связь между выбором фрагментов танка и формой обложек: для Книги 1 подобраны вертикальные композиции из танка Цонкапы, для Книги 2 — квадратные. Очевидно, что решающую роль здесь играла именно декоративность. Кроме того, работа над созданием этих предметов требовала определённых навыков и усилий: обложки обтянуты тканями, фрагменты танка (в том числе изображения округлых форм) вырезаны ровно, края некоторых из них очерчены рамками. Человек, смастеривший «молитвенники», умел работать руками и, вероятно, был мотивирован или намерением продать эти поделки, или желанием создать нечто целостное из предметов, которые были в его распоряжении.

Одновременно можно констатировать отсутствие понимания материала, которое проявляется в первую очередь в беспорядочном расположении листов ксилографа. Если перепутать порядок листов мог и неграмотный носитель традиции, то подобное обращение с сакральными изображениями необычно для традиционной буддийской культуры тибетцев и монголов. Повреждённые священные книги или предметы, которые не могли более выполнять свою функцию, могли быть сожжены или захоронены, их части могли быть использованы в качестве амулетов, однако намеренное разрезание танка на части нельзя назвать характерным[7]. Мы не знаем, были ли книги и изображения, из которых сделаны «молитвенники», повреждены до того, как их разрезали на части, как не знаем и того, были ли из них изготовлены только две «книги», или подобных поделок было больше. Количество сохранившихся фигур будд с танка «35 будд покаяния» показывает, что бóльшая часть этой иконы была нетронута.

Особенности предметов, из которых собраны «книги», указывают на связь с Монголией или Бурятией: это касается и стиля, в котором написаны танка, и фрагментов китайского шёлка, который был в ходу регионе в поздний цинский период, и декоративного элемента в виде монгольского «узла счастья». Вероятно, тот, кто присвоил им название «монгольские молитвенники» в инвентарной книге, имел некоторое представление о происхождении этих артефактов.

Набор предметов, фрагменты которых мы рассмотрели выше, позволяет предположить, что они происходят из дацана. В первую очередь на это указывают фрагменты пекинского ксилографа XVIII в. на тибетском языке, ценная танка тонкой работы и крупного формата (возможно, принадлежавшая к серии биографических танка Дже Цонкапы), а также фрагменты шёлкового знамени джалцан, являющегося неизменным атрибутом декора буддийских храмов в Монголии и Бурятии. Фрагменты набора цакли, необходимого для посвящения в тайные практики, связанные с медициной, вкупе с тематикой трактата «Лхантаб» — практического руководства для лам-врачевателей, подсказывают, что это мог быть дацан, где изучали медицину.

Известно, что «молитвенники» поступили в собрание библиотеки в конце 1930-х или начале 1940-х гг., что совпадает с периодом гонений на религию, в ходе которых были разрушены сотни монастырей и репрессированы тысячи лам в Монголии и Бурятии. Высока вероятность того, что именно в период репрессий случайный набор уцелевших буддийских изображений и книг оказался в распоряжении человека, давшего им новую жизнь.

Единственная деталь, не укладывающаяся в эту картину — это обложка мусульманской книги среднеазиатского происхождения. Связь

[7] Практики обращения с повреждёнными священными книгами описаны на материале разных религиозных традиций [Myrvold, 2010]. В Тибете и Монголии захоронение вышедших из употребления книг в реликвариях практикуется по крайней мере с XIII–XV вв. [Hatt, 1980. С. 175–176; Sizova, 2020], задокументированы свидетельства ритуализированного сожжения [Chiodo, 200. С. 2]. Отдельно можно отметить множественные случаи захоронения буддийских книг в земле во время гонений на религию в Монголии в XX в.

со Средней Азией может объясняться тем, что во время Великой Отечественной войны директор библиотеки А. М. Якубова находилась в эвакуации в Чимкенте — возможно, история создания или приобретения «молитвенников» связана именно с этим периодом[8]. Если допустить, что книги имели отношение к упомянутой выше коллекции Б. П. Денике, обложка может указывать на связь с его экспедициями в Среднюю Азию, проходившими в 1920-е гг.[9]

На данном этапе мы можем заключить, что артефакты под инвентарными номерами 55454 и 55455 из собрания ЦНТБ СиА представляют собой поделки (вероятно, сугубо декоративные), созданные в первой половине XX в. человеком, который не являлся носителем буддийской культуры, из фрагментов предметов, хранившихся некогда в одном из дацанов Бурятии или Монголии.

Использованная литература

Атлас, 1994: Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл» / Науч. ред. изд. Ю. М. Парфионович. М.: Изд-во «Галарт», 1994.

Бир, 2013: *Бир Р.* Тибетские буддийские символы. Справочник. М.: Ориенталия, 2013.

Болсохоева, 2009: *Болсохоева Н. Д.* «Лхантаб» — ключ к изучению клиники и терапии тибетской медицины в манба дацанах Центральной Азии // Общество и государство в Китае. Т. XXXIX (Учёные записки отдела Китая ИВ РАН. Вып. 1). М.: Вост. лит., 2009. С. 314–326.

Гантулга, 2020: *Гантулга Д.* Улзий — символический орнамент благополучия и центр макромира монгольских кочевников // Этнодиалоги. 2020. № 3(61). С. 196–203.

Обитель милосердия, 2015: Обитель милосердия. Искусство тибетского буддизма: каталог выставки / Сост. Ю. И. Елихина, К. Ф. Самосюк. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2015.

Каталог буддийских икон, 2009: Каталог буддийских икон танка и цакли. Живописные изображения буддийских учителей и божеств. ИВР РАН, 2009. Электронный ресурс. Индекс по шифрам ИВР РАН: file:///D:/mss/ICONS%20IOM%20RAS/catalogue_2009/list.html (Дата обращения 1.04.2025).

Лхан-тхабс, 2000: *Санчжей Чжамцо*. Тибетский медицинский трактат Лхан-тхабс. Разделы чха, джа, нйа, та. Главы 48–89. Пер. с тиб. А. Кособурого. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.

Лхан-тхабс, 2001: *Санчжей Чжамцо*. Тибетский медицинский трактат Лхан-тхабс. Разделы тха, да, па и пха. Главы 90–117. Пер. с тиб. А. Кособурова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001.

Лхан-тхабс, 2003: *Санчжей Чжамцо*. Тибетский медицинский трактат Лхан-тхабс. Разделы ба, ма и ца. Главы 118–133. Пер. с тиб. А. Кособурова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003.

Памяти Б. П. Денике, 2006: «Он никогда никому не сделал зла…» (Памяти Б. П. Денике. Автобиографический дневник и воспоминания друзей) / Сост. Т. Г. Алпаткина. М.: ГМВ, 2006.

Танка, 2022: Танка. Буддийская живопись Бурятии и Монголии. Конец XVIII — начало XX вв. из частных собраний и коллекций / Автор-сост. О. Диксон. М.: Treemedia, 2022.

Chiodo, 2000: *Chiodo E.* The Mongolian manuscripts on birch bark from Xarbuxyn Balgas in the collection of the Mongolian Academy of Sciences. Part 1 (Asiatische Forschungen, Bd. 137). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000.

Hatt, 1980: *Hatt R. T.* A Thirteenth Century Tibetan Reliquary. An Iconographic and Physical Analysis // Artibus Asiae, 1980. No. 42(2/3). C. 175–220.

Mirrors of the Void, 1987: *Harry Halén*. Mirrors of the Void. Buddhist Art in the National Museum of Finland. 63 Sino-Mongolian thangkas from the Wutai Shan workshops, a panoramic map of the Wutai Mountains and objects of diverse origin. Helsinki: Museovirasto (National Board of Antiquities), 1987.

Myrvold, 2010: The Death of Sacred Texts: Ritual Disposal and Renovation of Texts in World Religions. Ed. by K. Myrvold. London; New York: Routledge, 2010.

Rinchen Terdzo: Initiation Cards: Rinchen Terdzo Master List // Himalayan Art Resources. Электронный ресурс: https://www.himalayanart.org/search/set.cfm?setID=1924 (Дата обращения 10.04.2025 г.).

Sizova, 2020: Tibetan Manuscript on Birchbark from the Collection of the Institute of Oriental Manuscripts RAS // Revue d'Etudes Tibétaines. New Currents on the Neva River: Proceedings of the Fifth International Seminar of Young Tibetologists. 2020. No. 55. C. 462–474.

[8] А. М. Якубова была направлена в Чимкент приказом № 336 от 17 октября 1941 г. (РГАЭ. Ф. 293. Оп. 1 Д. 35. Л. 165) и должна была приступить к работе в Москве с 20 июня 1942 г. (РГАЭ. Ф. 293. Оп. 1 Д. 53. Л. 100). Библиотечная деятельность в Чимкенте продолжалась и после её отъезда.

[9] Об экспедициях Б. П. Денике см., например, его дневники [Памяти Б. П. Денике, 2006. С. 46–70].

Wang, 2000: Djé Tsongkhapa. Rencontre avec un Maître remarquable. Traductions et compilation de F. Wang. Détchène Eusèl Ling, 2000.

Watt, 2011: *Watt J.* Subject: Confession Buddhas (Tsongkapa System) // Himalayan Art Resources. Электронный ресурс: https://www.himalayanart.org/search/set.cfm?setID=2675&page=2 (Дата обращения 2.04.2025).

Watt, 2017: *Watt J.* Subject: Yutog Nyingtig Guruyoga // Himalayan Art Resources. Электронный ресурс: https://www.himalayanart.org/search/set.cfm?setID=3515 (Дата обращения 10.04.2025).

Yutog Nyingtig: Initiation Cards: Yutog Nyingtig (Set II) // Himalayan Art Resources. Электронный ресурс: https://www.himalayanart.org/search/set.cfm?setid=1890 (Дата обращения 10.04.2025).

BUDDHIST ARTEFACTS IN THE COLLECTION OF THE CENTRAL SCIENTIFIC AND TECHNICAL LIBRARY FOR CONSTRUCTION AND ARCHITECTURE

Lyubov A. Fedotova
Central Scientific and Technical Library for Construction and Architecture

Irina N. Khrapova
Central Scientific and Technical Library for Construction and Architecture

Natalia V. Yampolskaya
Institute of Oriental Manuscripts, RAS

The article introduces two unusual objects preserved at the Rare Books Department of the Central Scientific and Technical Library for Construction and Architecture in Moscow — artefacts in the form of codices, constructed from fragments of Buddhist ritual items and images. These include a Beijing xylographic edition (1732) of the Tibetan medical treatise *Lhantab*, a biographical thangka of Je Tsongkhapa, a thangka of Thirty-five Confession Buddhas, and a set of tsakli used for the initiation into terma teachings related to medicine. The provenance of the objects is unknown. According to the inventory books, they became part of the library collection in the early 1940s. Based on the analysis of the materials that were used to construct the two artefacts, the authors suggest that they were created in the first half of the 20th c. from items that had been preserved in one of the Buddhist monasteries of Buryatia or Mongolia, by a person who did not belong to the local Buddhist culture.

Key words: Tsongkhapa, Lhantab, thangka, tsakli, Yutog Nyinthig, Rinchen Terdzod.

Acknowledgements. The authors are grateful to Aleksei Filatov (State Museum of the History of Religion), Yulia Elikhina (State Hermitage), Dmitry Ivanov (Museum of Anthropology and Ethnography, RAS) and Buda Badmaev (Datsan Gunzechoinei) for their kind guidance and advice.

About the authors:

Lyubov A. Fedotova, Head of Rare Books Department, Central Scientific and Technical Library for Construction and Architecture, Federal Center for Construction Control (Moscow, Russian Federation) (l.fedotova@fc-rsk.ru). ORCID: 0009-0000-7932-9260.

Irina N. Khrapova, Chief Bibliographer at the Scientific and Bibliographic Department, Central Scientific and Technical Library for Construction and Architecture, Federal Center for Construction Control (Moscow, Russian Federation) (i.hrapova@fc-rsk.ru). ORCID: 0009-0005-3477-6741.

Natalia V. Yampolskaya, Ph.D., Senior Researcher, Section of Central Asian Studies, Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (nataliayampolskaya@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-2198-768X.

УДК 821.531
DOI: 10.48612/IVRRAN/t919-tf68-pa1x

И. А. Алимов
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

«ДУН ЦЗИН МЭН ХУА ЛУ»: ТЕЧЕНИЯ РЕК

Статья посвящена уникальному китайскому сочинению XII в. «Дун цзин мэн хуа лу» Мэн Юань-лао — беспрецедентному в китайской истории письменному источнику комплексных сведений о городской жизни времени Северной Сун. Это третья публикация из серии работ, посвященных «Дун цзин мэн хуа лу», включающая полный комментированный перевод части «Течение рек».

Ключевые слова: Китай X–XIII вв., эпоха Сун, китайский город, Мэн Юань-лао, «Дун цзин мэн хуа лу».

Об авторе: Алимов Игорь Александрович, доктор исторических наук, заведующий отделом Южной и Юго-Восточной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург) (Igor.Alimov@kunstkamera.ru). ORCID: 0000-0002-3235-8459.

© Алимов И. А., 2025

Настоящая работа является продолжением комментированного перевода сочинения Мэн Юань-лао (孟元老, XII в.) «Дун цзин мэн хуа лу» (東京夢華錄 «Записи снов о Хуа[сюй] в Восточной столице»)[1]. Данное сочинение, датированное 1147 г., представляет собой один из редких сунских текстов, где дано подробное описание восточной столицы империи — г. Бяньцзин 汴京 (совр. г. Кайфэн, пров. Хэнань). Это важнейший источник для реконструкции как внешнего облика сунского Кайфэна и его устройства — городских стен, кварталов, рынков и пр., так и собственно столичной жизни — с ее нравами, обычаями и традициями. «Дун цзин мэн хуа лу» донесли до наших дней уникальные сведения о сунском Кайфэне, нигде больше не встречающиеся, что настоятельнейшим образом требует введения данного письменного памятника в широкий научный оборот. Ниже вниманию читателя предлагается комментированный перевод раздела «Дун цзин мэн хуа лу» — «Хэ дао» (河道 «Течение рек»).

[1] Первая и вторая части были опубликованы в журнале «Mongolica» (№ 3 и 4 за 2024 г.). Настоящий перевод выполнен по критическому тексту «Дун цзин мэн хуа лу», подготовленному профессором Хэйлунцзянского университета И Юн-вэнем (伊永文, p. 1950), см.: [Мэн Юань-лао, 2006. Т. 1. С. 1–25].

Течение рек

Протекающих через город рек четыре.

Та, что [втекает через] южную стену, зовется Цайхэ. Из Чэнь[чжоу] и Цай[чжоу] через юго-западные врата Дайлоумэнь [она] попадает в столицу и потом поворачивает обратно, вытекая через юго-восточные врата Чэньчжоумэнь.

Через [Цай]хэ есть одиннадцать мостов. Тот, что рядом с Чэньчжоумэнь зовется Гуаньцяо (觀橋 Мост у обители), это у задних ворот даосской обители Уюэгуань). Далее на север: следующий [мост] зовется Сюаньтайцяо (宣泰橋 Мост всеобъемлющего процветания); следующий зовется Юньцзицяо; следующий зовется Хэнцяоцзы (横橋子 Боковой мост), он перед усадьбой Пэнпопочжай (彭婆婆宅); следующий зовется Гаоцяо (高橋 Высокий мост); следующий зовется Сибаоканмэньцяо (西保康門橋 Мост к западу от врат Баоканмэнь); следующий зовется Лунцзиньцяо (龍津橋 Мост драконовой переправы), он как раз напротив дворца; следующий зовется Синьцяо (新橋 Новый мост); следующий зовется Тайпинцяо (太平橋 Мост великой гармонии), он перед усадьбой Гаодяньцяньчжай 高殿前宅); следующий зовется Тяомоцяо (糶麥橋 Мост, где прода-

ют пшеницу); следующий зовется Диицзоцяо (第 一座橋 Наипервейший мост); следующий зовется Инаньцяо (宜男橋 Мост рождения сыновей); а тот, что прямо за вратами Дайлоумэнь, зовется Сылицяо (四里橋 Мост четвертой версты).

[Река], что в центре, зовется Бяньхэ. Взяв начало в Локоу у Западной столицы, она протекает через столичный город, на востоке достигает Сычжоу и впадает в Хуай[хэ]. Земельный налог зерном, доставляемый с юго-востока [страны], а также юго-восточные местные продукты — все поступают в столицу по этой [реке], от нее зависят государственные и частные [поставки].

Начиная за семь *ли* от врат Дуншуймэнь и вплоть до пределов стен за вратами Сишуймэнь, через [Бянь]хэ есть тринадцать мостов. Тот, что в семи *ли* за вратами Дуншуймэнь, зовется Хунцяо, у этого моста нет опор, а построен он из огромных бревен, изукрашенных киноварным красным лаком, изогнут как взметнувшаяся [ввысь] радуга, и мосты ниже и выше [по течению Бяньхэ] все [построены] так же. Следующий зовется Шуньчэнцанцяо (順成倉橋 Мост у складов Шуньчэнцан); тот, что у самого шлюза, зовется Бяньцяо (便橋 Удобный мост); следующий зовется Сятуцяо (下土橋 Мост, где выгружают землю); следующий зовется Шантуцяо (上土橋 Мост, где нагружают землю); а построенный у западных угловых ворот [мост] зовется Сянгосыцяо (相國寺橋 Мост у храма Сянгосы).

Следующий зовется Чжоуцяо (州橋 Областной мост); настоящее его название — Тяньханьцяо 天漢橋 Мост Млечного пути. Он как раз напротив Императорской дороги Внутреннего города, этот мост и мост Сянгосыцяо — оба низкие, большие лодки [под ними] проплыть не могут, проходят лишь плоскодонки, [что используют на] Сихэ. Опоры у [моста Чжоуцяо] — сплошь из камня: каменные балки, каменные перекладины, каменная балюстрада. По берегам по обеим сторонам от моста стоит каменная же стена и на ней высечены изображения морских коньков и других водных тварей, резвящихся в [благовещих] облаках. А под мостом тесно-тесно стоят каменные столбы — ведь здесь пролегает путь августейшего выезда. На северном от моста Чжоуцяо берегу — Императорская дорога, по обеим сторонам [от нее] — по вышке *цюэ*, им вторят высокие строения [вокруг]. К западу от моста на мель посажены две квадратные лодки, у каждой на носу установлено несколько железных пик, толстых и длинных, а по берегам укреплено три железных каната — как спускается ночь, [канаты с лодок] опускают в воду, это чтобы [другие] лодки никуда не делись.

[Мост], что дальше на запад, зовется Сюньицяо (浚儀橋 Мост, открывающий путь воде); следующий зовется Сингосыцяо (興國寺橋 Мост у храма Сингосы); еще его называют Мацзюньвэйцяо 馬軍衛橋 Мост конной гвардии. Следующий зовется Тайшифуцяо (太師府橋 Мост у Управы наставника императора); он перед усадьбой министра Цая.Следующий зовется Цзиньлянцяо (金梁橋 Мост золотых балок); следующий — Сифуцяо (西浮橋 Западный плавучий мост) — раньше это был мост, составленный из лодок, теперь же он построен из дерева и камня. Следующий зовется Сишуймэньбяньцяо (西水門便橋 Удобный мост у Западного шлюза); а тот, что за вратами — Хэнцяо (橫橋 Боковой мост).

[Река, что] на северо-востоке, — Учжанхэ; она течет из Цзи[чжоу] и Юнь[чжоу], по ней в столичный город доставляется зерно из провинции Цзиндунлу. Река попадает в столицу [через шлюз, что] к северу от врат Синьцаомэнь.

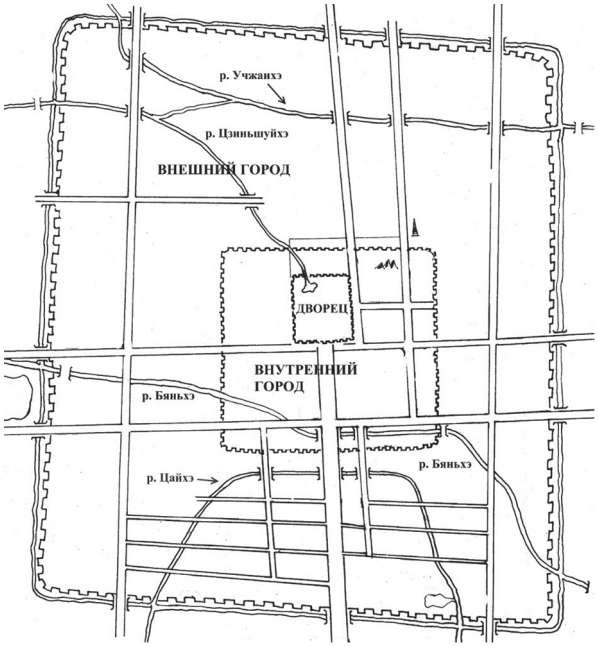
Через [Учжан]хэ есть пять мостов. Крайний с востока зовется Сяохэнцяо (小橫橋 Малый боковой мост); следующий зовется Гуанбэйцяо (廣備橋 Мост обширного достатка); следующий зовется Цайшицяо (蔡市橋 Мост у рынка Цай); следующие — Цинхуэйцяо (青輝橋 Мост зеленого сияния) и Жаньюаньцяо (染院橋 Мост у императорской красильни).

[Река, что] на северо-западе, — Цзиньшуйхэ; берет начало к юго-западу от столицы, [где в районе] уездов Цзин[сянь] и Со[сянь] отделяется дамбами от [Цзиншуя]. Протекает по руслу, изготовленному из деревянных щитов, верхами через Бяньхэ, попадает в столицу через Северо-западный шлюз и по огорожен-

ному стенами узкому протоку втекает [на территорию] дворца, где наполняет водой озера и пруды.

Через [Цзиньшуй]хэ есть три моста, зовутся Байхуцяо (白虎橋 Мост белого тигра), Хэнцяо (横橋 Угловой мост) и Увангунцяо (五王宮橋 Мост у дворца пяти ванов). Еще есть маленький мостик у врат Цаомэнь, зовется Няньфоцяо (念佛橋 Мост, где славят Будду); он для внутридворцовых [служебных надобностей] — заведующих [августейшими] выездами и [церемониальной] утварью чиновников, а также свитских. Военные казармы все расположены у врат Цаомэнь, и [стражники] рано утром спешат [во дворец] заступить на службу [тоже через этот мост]. Однажды на мосту [Няньфоцяо] некий слепец, славя Будду (*няньфо* 念佛), просил милостыню — отсюда и пошло название.

Примечания. Цайхэ 蔡河 — одна из основных четырех водных артерий, по которым при Сун в столицу империи доставляли налоговые сборы из провинций (главным образом, зерно). В сунское время брала начало в уезде Синьчжэнсянь (совр. пров. Хэнань) и с северо-востока втекала на территорию Кайфэна (Бяньцзина), а затем покидала пределы города в юго-восточном направлении и протекала по территории области Чэньчжоу (совр. г. Хуэйян). Другое название — Хуэйминьхэ (惠民河 Река, дарящая милость народу) — получила в 973 г., а до того северо-восточная ее часть называлась Миньхэ 閔河, а юго-восточная — Цайхэ.



Северосунский Кайфэн. Реки

Одиннадцать мостов — вероятно, ошибка, потому что Мэн Юань-лао перечисляет тринадцать мостов.

Уюэгуань 五嶽觀, Обитель Пяти пиков — т. е. пяти наиболее почитаемых в даосизме гор: северная — Хэншань 恒山 (в пров. Шаньси), западная — Хуашань 華山 (Шэньси), центральная — Суншань 嵩山 (Хэнань), восточная — Тайшань 泰山 (Шаньдун) и южная — Хэншань 衡山 (Хунань). Про Уюэгуань мы почти ничего не знаем: известно, что эта обитель была выстроена в 1012 г., сгорела в 1101 г. и восстанавливать ее не стали. По сведениям Чжоу Бао-чжу, название Уюэгуань употреблялось также в отношении храмового комплекса, где возносили моления духам Пяти пиков, построенного на месте сгоревшей в 1053 г. обители Хуэйлингуань [Чжоу Бао-чжу, 1999. С. 552].

Юньцзицяо (雲騎橋, Мост небесной конницы) — свое название получил по причине того, что неподалеку от него располагались казармы *юньцзицзюнь*, конного подразделения дворцовой гвардии, названного так в 961 г. *Юньцзицзюнь* в своем составе имели пятнадцать подразделений *чжихуэй*, т. е. общая численность их составляла семь с половиной тысяч человек.

Бяньхэ 汴河 — другая важная артерия доставки налоговых сборов в столицу; она же Бяньшуй 汴水 и Бяньлян 汴梁, протяженностью в 650 км. Берет начало в р. Хуанхэ в районе совр. г. Жунъян пров. Хэнань и впадает в р. Хуайхэ в пров. Цзянсу, протекая через Кайфэн. Ввиду стратегически важной роли этой реки императорский двор, начиная с танского времени, в целях обеспечения бесперебойного судоходства постоянно следил за надлежащим содержанием окружающих реку дамб и очисткой дна от скопления ила. Такое положение вещей сохранилось вплоть до бегства сунского двора на юг, после чего благоустройство реки было заброшено. Императорский двор

справедливо полагал надзор за судоходностью Бяньхэ чрезвычайно важным, и не один знаменитый сунский чиновник отметился на этом поприще: например — великий ученый-энциклопедист Шэнь Ко (沈括 1029–1093), который в 1072 г. был послан с инспекцией русла Бяньхэ на протяжении всего течения реки, поскольку масштабные профилактические работы по приведению в порядок как русла, так и окружающих реку дамб, которые после воцарения сунской династии проводились ежегодно, после 1016 г. делались уже раз в три года, что не могло не сказаться на качестве судоходства: «Управление работами над оросительными каналами мало-помалу заглохло, местные чиновники, которые этим заведовали, стали, как говорится, пустыми именами, а русло Бяньляна за двадцать лет не углублялось ни разу и год за годом затягивалось илом» [Шэнь Ко, 1958. С. 259]. В результате навигация стала возможна на протяжении немногим более двухсот дней в году, тогда как потребности столицы и управления страной настоятельно требовали, чтобы сообщение по Бяньхэ не прекращалось ни на один день. Открывшаяся взору Шэнь Ко картина состояния Бяньхэ удручала: «...В былые времена воды оросительных каналов столицы и окрестностей все впадали в Бянь[лян], и в старину на стене зала заседаний Шаншушэна как раз об этом было написано: «Расчищенные и упорядоченные восемь каналов с юга впадают в Бяньшуй». Но с тех пор, как течение Бянь[ляна] стало зарастать илом, от столичных шлюзовых ворот Дуншуймэнь и ниже по течению — до Юнцю и Жанъи — дно реки сделалось на один *чжан* и более двух *чи* выше уровня земли, что за пределами дамбы: с дамбы [можно было] смотреть вниз на жилища простонародья, ровно в горное ущелье» (там же). Поставленную задачу Шэнь Ко выполнил с присущей ему педантичностью и составил карту течения Бяньхэ, максимальная погрешность которой не превышала трех сантиметров; согласно разработанным им рекомендациям были предприняты соответствующие меры, позволившие выправить положение дел на реке.

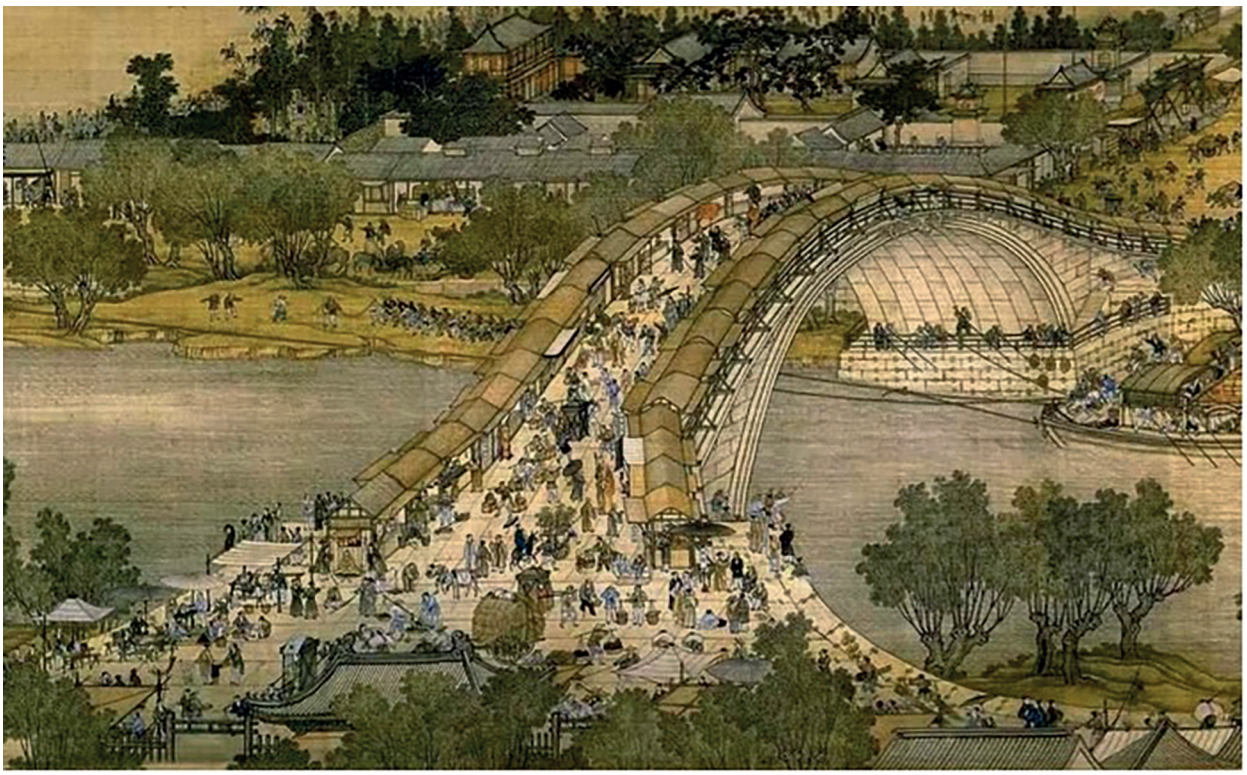
Локоу 洛口 — т. е. место впадения реки Лошуй в Хуанхэ (на северо-востоке совр. уезда Гунсянь в пров. Хэнань). Недалеко от г. Лоян, который при Северной Сун был Западной столицей империи.

Сычжоу 泗州 — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Цзянсу, одноименный административный центр которой в сунское время находился как раз в месте слияния рек Бяньхэ и Хуайхэ, т. е. в важном центре пересечения торговых путей с юга на север.

Юго-восточные местные продукты. — В «У цзюнь чжи» (吳郡志 «Записи об округе У») Фань Чэн-да (范成大 1126–1193) перечислены некоторые такие продукты, что поступали в качестве *тугун* 土貢 — налогов продуктами местного производства: «...*байшань* (白墡 известняк), *гань* (柑 апельсины), *цзю* (橘 мандарины), *сяньсуань гоцзы* (咸酸果子 моченые ягоды клюквы?), *хайвэй* (海味 морские деликатесы), *цыюйду* (鯊魚肚 желудки рыбы-сабли), *цзаоцзян* (糟薑 маринованный имбирь)». В «Цзя тай у син чжи» (嘉泰吳興志 «Записи об Усине годов Цзя-тай») Тань Яо (談鑰 XII в.) сказано: «На третий год под девизом правления Тай-пин син-го (978) натуральным налогом двору было поставлено мандариновых плодов пять сотен, белой плетеной материи двадцать отрезов, чая сорта *цзысюньча* 紫荀茶 сто *цзиней*, [драгоценной] воды из ключа Цзиньшацюань 金沙泉 один кувшин» (цит. по кн.: [Мэн Юань-лао, 2006. Т. 1. С. 28–29]).

Тринадцать мостов — здесь, видимо, еще одна ошибка, так как Мэн Юань-лао перечисляет четырнадцать мостов.

Хунцяо (虹橋 Мост-радуга). — Название как местное, так и общее, собирательное: впоследствии все мосты подобной конструкции (висячие, без опор) стали называть *хунцяо*. Кайфэнский мост Хунцяо, наравне с мостом Чжоуцяо, был самым знаменитым и известным в северосунской столице. Мост состоял из пяти своеобразных частей-секций, выполненных из дерева и переброшенных через реку. На мосту размещался рынок, который был запрещен указом от 1025 г., ограничившим размещение лавок торгового люда на столичных мостах; однако же, как утверждают современные китайские исследователи Ли Сяо-гуан 李曉光 и Лю Дун 劉東, судя по всему, таким способом лик-



Мост Хунцяо и рынок на нем. Фрагмент картины. Из открытых источников

видировать рынок не удалось [Ли Сяо-гуан, Лю Дун, 2000. С. 87]. Действительно, мост Хунцяо и рынок на нем запечатлены на картине «Цин мин шан хэ ту» (清明上河圖 «Праздник чистого света на реке») сунского Чжан Цзэ-дуаня (張擇端 1085–1145), изображающей, как известно, Кайфэн времен императора Хуэй-цзуна (на троне 1101–1125):

Проблема строительства безопорных мостов, которым не могли бы повредить сезонные половодья и паводки, издавна занимала умы китайцев. Так, в «Минь шуй янь тань лу» (澠水燕談錄 «Записи праздных разговоров у Миньшуя») Ван Би-чжи (王避之1032–?) говорится: «К югу от областного города Цинчжоу (в Шаньдуне. — *И. А.*) — всё горы, и в них протекает река Яншуй, отделяющая [Цинчжоу] от соседнего города. Раньше там был выстроен мост на сваях, но лишь приходила шестая-седьмая луна, как несущиеся с гор половодные потоки разрушали сваи и мост постоянно ломался, что чинило урон области. В годы Мин-дао (1032–1034) областью управлял Ся Ин-гун (Ся Сун 夏竦, 984–1050. — *И. А.*), и он задумал положить этому конец. Тут как раз в тюрьме для ссыльных нашелся осужденный солдат — умный и смекалистый, громадными валунами он укрепил берега [реки] и перекинул [через нее] несколько десятков большущих бревен, так что получился висячий мост, без опор. С тех пор прошло уже более пятидесяти лет, а мост так и не сломался. В годы Цин-ли (1041–1048), когда Чэнь Си-лян (陳希亮 999–1063. — *И. А.*) управлял Су[чжоу] (宿 в пров. Аньхой. — *И. А.*), на Бянь[хэ] постоянно рушились мосты: чинился вред казенным поставкам, гибли люди. Тогда [Чэнь] приказал выстроить висячие мосты, как это сделали в Цинчжоу. Доныне на берегах Бянь[хэ] стоят мосты без опор — к великой пользе путешествующих, а в просторечье их зовут «мосты-радуги»» [Ван Би-чжи, 2002. С. 1290–1291]. Следует заметить, что идея висячего моста без опор, подверженных разрушительным воздействиям паводков и препятствующих проходу большегрузных судов, была воплощена китайскими архитекторами в жизнь раньше всех в мире: как сообщает современный историк и текстолог И Юн-вэнь

(伊永文 p. 1950), первые образцы таких мостов появились при династии Тан, в годы под девизом правления Чжэнь-гуань (627–649), но подлинного расцвета искусство строительства «мостов-радуг» достигло при династии Сун [Мэн Юань-лао, 2006. Т. 1. С. 34]. Желающих более подробно ознакомиться с историей мостов в Китае я адресую к книге, вышедшей под редакцией патриарха современного китайского мостостроения Мао И-шэна (茅以昇 1896–1989), под названием «Чжунго гуцяо цзишуши» (中國古橋技術史 «История старого мостостроения в Китае») или к неоднократно переиздававшемуся сочинению знаменитого китайского инженера Тан Хуань-дэна (唐寰澄 p. 1926) «Чжунго гудай цяолян» (中國古代橋梁 «Мосты в Древнем Китае»; мосту Хунцяо здесь посвящены с. 64–78). Кстати, в 1965 г. Тан Хуань-дэн в Ухани соорудил деревянный макет кайфэнского моста Хунцао с пролетом в двенадцать метров, основанный на пропорционально уменьшенных размерах, взятых с картины сунского Чжан Цзэ-дуаня.

Сянгосы — буддийский храм в Кайфэне, один из самых крупных в сунском Китае. В период Борющихся царств (475–221 до н. э.) здесь располагалась княжеская резиденция, а в 555 г. на ее месте начали возводить храм, который в 712 г. по распоряжению танского двора получил название Сянгосы. Храмовый комплекс предназначался для проведения ритуалов императорской семьи и высшей знати XI в.; он насчитывал шестьдесят четыре строения (и среди них постоялые дворы для приезжих купцов) и был одним из самых крупных и пышных торговых центров Кайфэна, где несколько раз в месяц с большим размахом проводились торги, а также народные праздники и гуляния. Сянгосы из-за разлива Хуанхэ, затопившей Кайфэн, был полностью разрушен в конце династии Мин (1368–1644), но к 1766 г. его отстроили заново. Территория нынешнего храма более 380 гектаров; среди главных достопримечательностей: семиметровая статуя тысячерукого и тысячеликого бодхисаттвы Гуаньинь, вырезанная, согласно преданию, из цельного ствола старого абрикосового дерева, а также установленный на колокольной башне огромный цинский колокол высотой более четырех метров — одна из восьми главных диковин Кайфэна.

Сихэ 西河 — по всей вероятности, имеется в виду один из самых крупных притоков р. Лохэ, в пров. Шэньси.

Каменная стена... — По поводу этой стены в сборнике бицзи «Чжан ши кэ шу» (張氏可書 «Достойное записи господина Чжана») Чжан Чжи-фу (張知甫 XII в.) есть следующая информация: «Сразу после того, как Чжан Дунь (章惇 1035–1105) занял высокий пост (видимо, в 1093 г. — *И. А.*), он принял совет придворного цензора Цзя Чжун-миня (賈仲民 XII в.) и возвел у моста Чжоуцяо две башни, а также выложил берега у моста камнем, скрепив для надежности железными [скобами]. Проходивший мимо Сун Юн-чэнь (宋用臣 XII в.) увидел это и громко расхохотался. Чжун-минь, решив, что тут кроется нечто, о чем он и не подозревает, весьма обеспокоился, явился к Юн-чэню с визитом и стал расспрашивать о причине столь громкого смеха. «Каменный берег — надежен необычайно, необычайно! — отвечал Юн-чэнь. — Но у вас сверху широко, а снизу узко, просто какой-то кувшин получился!» Тут Чжун-минь начал понимать: всполошился, велел перестроить... «А вы сделайте морских коньков, что резвятся в облаках, — посоветовал Юн-чэнь. — Вот снизу и станет шире». В конце концов так и было сделано» (цит. по кн.: [Мэн Юань-лао, 2006. Т. 1. С. 35]).

Вышки *цюэ* 闕 — элемент традиционной дворцовой архитектуры; обычно у ворот дворцовых покоев сооружались две такие вышки, по бокам от выходившей из покоев дороги.

Министр Цай — т. е. сунский сановник, реформатор и литератор Цай Цзин (蔡京 1047–1126). В 1084 г. был поставлен управлять Кайфэном. Служил в придворной академии Ханьлиньюань, был начальником Департамента налогов и сборов, принимал участие в составлении династийной истории. Много раз занимал высокие посты при дворе, четыре раза находился во главе исполнительной власти. Жизнь окончил в ссылке. Прекрасный каллиграф — считается одним из четырех лучших северосунских мастеров.

Учжанхэ (五丈河 Река в пять чжанов) — еще один водный путь, по которому в столицу

шла доставка налоговых поступлений; протекала через восточную часть Кайфэна, затем через современные г. Ланькао в Хэнани и Динтао в Шаньдуне, впадая в р. Цзишуй. В 973 г. была переименована в Гуанцзихэ (廣濟河 Река обширной и обильной помощи).

Цзи[чжоу] и Юнь[чжоу]. — Область Цзичжоу располагалась в районе совр. г. Цзюе, а Юньчжоу — в районе г. Дунпин в пров. Шаньдун. Водный транспортный путь в Кайфэн через эти области известен еще с танского времени.

Цзиндунлу — сунская провинция, одна пятнадцати, на которые территория империи была разделена в 997 г. Административный центр Цзиндунлу находился в Сунчжоу (к югу от совр. г. Шанцю в пров. Хэнань). Цзиндунлу занимала территорию юго-востока совр. пров. Шаньдун, часть Хэнани и запад Цзянсу. В 1074 г. провинция была разделена на две части — восточную, Цзиндундунлу, и западную, Цзиндунсилу, но в 1078 г. обе части были вновь объединены в провинцию Цзиндунлу. Впрочем, подобные административные деления при Сун предпринимались неоднократно.

Цзиньшуйхэ (金水河 Река золотых вод) — искусственно созданное в 961 г. ответвление от среднего течения р. Цзиншуй, длиной около ста *ли*, втекавшее в Кайфэн с запада и на территории города рукавом соединенное с Учжанхэ. Цзиньшуйхэ активно использовалась горожанами для водозабора. В годы под девизом правления Юань-фэн (1078–1085) императорский двор даровал этой реке название Тяньюаньхэ (天源河 Берущая исток в небе). По поводу истории течения Цзиньшуйхэ мы располагаем следующим свидетельством сунского ученого-эрудита Чэн Да-чана (程大昌 1123–1195), у которого в «Юн лу» (雍錄 «Записи смотрителя водоемов») сказано: «В столице нынешней династии Бянь[цзине] в городской черте было две больших реки: одна, которая с севера текла на юг, пересекая столичный город, — Бяньлян; вторая, которая с запада текла на восток, проходя столицу поперек, — Цзиншуй (называлась и Цзиньшуйхэ). Тай-цзу (на троне 960–975) пожелал, чтобы воды Цзиньшуй текли еще дальше на восток, достигая Учжанхэ. Но на пути там была река Бянлян, которую предстояло пересечь — а [течение] Цзиншуй выше, чем Бяньлян, так что если дать Цзинь[шую] влиться в Бянь[лян], то [Цзиньшуй] непременно устремилась бы вместе с ней на юг, а повернуть бы на восток не смогла. Тогда в том месте, где должны сойтись Цзиньшуй и Бянь[лян], проложили навесное русло из дерева, которое перекинулось над поверхностью Бянь[ляна] — на манер моста, и воды Цзиньшуйхэ пересекли [Бяньлян] с запада, а на востоке соединились с Учжанхэ» (цит. по кн.: [Мэн Юань-лао, 2006. Т. 1. С. 37]).

Цзин[сянь] и Со[сянь]. — Два древних уезда, располагавшихся на территории совр. пров. Хэнань, в юго-восточной части совр. уезда Жунъянсянь.

Использованная литература

Ли Сяо-гуан, Лю Дун, 2000: 李曉光，劉東。宋人張擇端〈清明上河圖〉虹橋考 // 山東科技大學學報 (Исследование моста Хунцяо на картине «Праздник чистого свет на реке» сунского Чжан Цзэ-дуаня // Вестник Шаньдунского политехнического университета). 2000. № 3.

Мэн Юань-лао, 2006: 孟元老。東京夢華錄箋注 / 伊永文箋注. 北京 («Записи сна о Хуасюй в Восточной столице» с комментариями. Пекин), 2006. 1–2 册.

Чжоу Бао-чжу, 1999: 周寶珠。宋代東京研究. 開封 (Исследование Восточной столицы эпохи Сун. Кайфэн), 1999.

Шэнь Ко, 1958: 沈括。新校正夢溪筆談 / 胡道靜校注. 北京 (Вновь выправленные «Записи бесед в Мэн-си» / Сверка и комментарии Ху Дао-цзина. Пекин), 1958.

“DONG JING MENG HUA LU”: RIVERS’ COURSE

Igor A. Alimov
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS

The article is devoted to a unique Chinese work of the 12th century «Dong jing meng yua lu» by Meng Yuan-lao, an unprecedented in Chinese history written source of comprehensive information about urban life during the Northern Song. It is the second publication in a series of works dedicated to «Dong jing meng yua lu» and includes a complete annotated translation of description of the Rivers’ course.

Key words: China of the 10th–13th centuries, Song era, Chinese city, Meng Yuan-lao, Dong jing meng yua lu.

About the author: **Igor A. Alimov**, Dr. Sci. (History), Head of East and South-East Asia Ethnography Department, Peter The Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (alimov@pvost.org). ORCID: 0000-0002-32358459.

УДК 94(571.5)
DOI: 10.48612/IVRRAN/26v9-f2pz-utvp

А. В. Мешезников
Институт восточных рукописей РАН

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ САНСКРИТСКИХ РУКОПИСЕЙ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Статья посвящена обзору результатов изучения санскритских рукописей из Центральной Азии с точки зрения восстановления их целостности, а именно в аспекте реконструкции памятников путем компиляции разрозненных рукописных фрагментов в целые текстовые сегменты. Многие единицы хранения санскритской части Сериндийского фонда ИВР РАН представляют собой поврежденные рукописи или мелкие фрагменты распавшихся на части листов формата потхи. Благодаря использованию методов и средств информационных технологий в ходе цифровой обработки санскритской коллекции (составления электронных каталожных карточек с описанием внешних признаков и содержательного состава единиц хранения) было установлено, что многие фрагменты, хранящиеся под разными шифрами, можно состыковать друг с другом, собрать воедино, скомпилировав в относительно целые листы. Более того, удалось определить, что некоторые фрагменты из санскритской коллекции ИВР РАН соединяются с фрагментами из Британской библиотеки. В статье на конкретных примерах продемонстрировано, как на основе анализа внешних характеристик и текстового репертуара с применением инструментария информационных технологий можно воссоздавать рукописи, соединяя раздробленные части листов.

Ключевые слова: Буддизм, информационные технологии, кодикология, палеография, рукописи, санскрит, Центральная Азия, Сериндийский фонд ИВР РАН.

Об авторе: Мешезников Артем Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории Сериндика ИВР РАН (Россия, Санкт-Петербург) (mesheznikoff@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-8883-1284.

© Мешезников А. В., 2025

Введение

Реконструкция и изучение письменных памятников санскритского буддийского канона — актуальная в научном плане и еще очень далекая от решения задача. Обнаруженные в XIX–XX вв. на Великом шелковом пути, в городах-оазисах Сериндии (восточная часть Центральной Азии; совр. СУАР КНР) санскритские рукописные тексты дошли до нас, преимущественно, в виде фрагментов, которые в нынешнее время распределены между хранилищами, располагающимися в разных частях мира. Исследование уцелевших частей санскритского письменного наследия имеет первостепенную научную значимость в отношении воссоздания утерянных оригинальных буддийских сочинений и открытия забытых источников по древнему и средневековому буддизму. Сказанное определяет важность тематики настоящей статьи, которая посвящена обзору результатов изучения санскритских рукописей из Центральной Азии с точки зрения восстановления их целостности, а именно в аспекте реконструкции письменных памятников посредством соединения разрозненных частей рукописных листов. На конкретных примерах в статье показано, за счет чего и каким образом можно осуществлять соединения и собирать в единое целое раздробленные фрагменты распавшихся на части письменных памятников. Работа по объединению фрагментов производилась не только на материале Сериндийского фонда Института восточных рукописей РАН, но и с учетом санскритской коллекции Британской библиотеки (Табл. 1).

Таблица 1

Список соединенных фрагментов санскритских рукописей: распределение по текстовому репертуару	
Saddharmapuṇḍarīka-sūtra («Лотосовая сутра»)	SI[1] 1933 + SI 3000; SI 1935 + SI 3631 SI 1939 + SI 2093; SI 6781 + SI 1934; SI 6781 + SI 6584.
Pañcaviṃśatisāhasrikā Prajñāpāramitā-sūtra («Сутра совершенной мудрости в 25000 строф»)	SI 2097 + SI 3017/1-2 SI 3471 + SI 3472 SI 3492 + SI 3650 + Or.15010/200[2]
Ratnaketuparivarta-sūtra («Сутра драгоценного знамени»)	SI 3034-5 + SI 3035-2
Samādhirāja-sūtra («Сутра о сосредоточении сознания, царственная [среди сутр]»)	SI 3451 + SI 3452; SI 3453+ SI 3454 + SI 3455 + SI 3456
Suvarṇaprabhāsottama-sūtra («Сутра золотого блеска»)	SI 3045 + Or.15010/127

[1] Для обозначения единиц хранения Сериндийского фонда ИВР РАН используются шифры, состоящие из букв “SI” (сокращенное наименование фонда) и цифр (порядковых номеров).
[2] Фрагменты Or.15010/200 и Or.15010/127 (см. ниже) хранятся в составе коллекции Р. Хернле в Британской библиотеке.

Информационные технологии в исследовании санскритских рукописей из Сериндии

В рамках реализации плановых задач Лаборатории Сериндика (структурное подразделение ИВР РАН) осуществляется комплексное источниковедческое исследование письменных памятников Сериндийского фонда ИВР РАН. Одной из граней исследовательской деятельности Лаборатории являются исследование и реконструкция текстов санскритской части Сериндийского собрания (667 неоднородных по объему и составу единиц хранения), которые дошли до нас не полностью, в сильно разрозненном виде, ввиду обстоятельств обнаружения этих памятников среди развалин буддийских монастырей в песках Центральной Азии.

Принимая в расчет перспективы работы с Сериндийским фондом и фрагментированный характер сохранности большинства единиц описания[3], следует отметить, что изучение санскритской коллекции ИВР РАН в настоящее время направлено «**вглубь**» и ориентировано на выявление среди неисследованных материалов фонда соединяющихся фрагментов буддийских сочинений. Как выяснилось в процессе описания и текстовой идентификации санскритских единиц, многие фрагменты, хранящиеся под разными шифрами, не только относятся к одному и тому же рукописному списку, но и могут быть состыкованы друг с

[3] Около 100 наиболее крупных и хорошо сохранившихся рукописей были изучены и введены в научное обращение российскими и зарубежными исследователями, однако до сих пор не исследованными остаются многочисленные и при этом крайне ценные разрозненные части рукописных листов потхи, небольшие обрывки, в том числе россыпи мелких фрагментов на пальмовых листьях, бересте и бумаге, вследствие чего суммарное количество рукописей на санскрите все еще не подлежит точному подсчету.

другом, собраны в единое целое, как элементы складывающего пазла[4]. При этом в некоторых случаях соединять раздробленные части удается даже до прочтения текста рукописи, отталкиваясь от внешних особенностей бумаги, графических вариаций письма, характера повреждений и прочих параметров палеографии и кодикологии. Вместе с тем важно отметить, что компиляция фрагментов и реконструкция рукописей могут также способствовать атрибуции текстов в ситуациях, когда по отдельности фрагменты дают мало контекста и не поддаются отождествлению, но после соединения памятник удается текстуально идентифицировать с конкретным буддийским текстом.

Следует особо подчеркнуть, что, работая бессистемно, реализовать соединение тех или иных фрагментов невозможно. Рукописные раритеты на санскрите — одна из сложнейших для реставрации и наиболее древних частей Сериндийского фонда, описание и анализ которой сопряжены с немалыми трудностями и производятся на основе весьма ограниченных данных ввиду плохой сохранности и малого количества текстов, которые, за редким исключением, с трудом поддаются чтению. При осуществлении поиска и отбора стыкующихся рукописных фрагментов действовать по наитию, «вслепую» перебирая и разыскивая внешне похожие части среди материалов весьма обширного рукописного собрания Сериндийского фонда (6788 ед. хр. на 13 языках) представляется малопродуктивным. В этом отношении необходимые условия для реконструкции письменных источников в их изначальном состоянии могут быть обеспечены за счет применения информационных технологий.

Поиск и объединение распавшихся на части письменных памятников — это одна из тех задач Лаборатории Сериндика, для успешного выполнения которой используется инструментарий информационной системы учёта и описания рукописных коллекций ИВР РАН, позволяющей каталогизировать материалы Сериндийского фонда на различных языках, фиксируя их палеографические, кодикологические, топографические и иные особенности. Большим подспорьем в деле реконструкции рукописей на санскрите служит массив данных, которые с момента образования Лаборатории (2018 г.) и по сей день собираются в ходе цифровой обработки санскритской коллекции. В процессе всестороннего описания рукописей (по различным параметрам кодикологии, палеографии, текстологии) вся накапливаемая информация заносится в базу данных в формате электронных таблиц. Далее собранные данные загружаются в информационную систему Лаборатории, образуя электронные каталожные карточки с описанием единиц из санскритской части фонда. Информационная система и электронная база данных как ее часть позволяют производить поиск и отбор фрагментов для стыковки по интересующим критериям на основе информации, содержащейся в электронных таблицах и электронных каталожных карточках, часть из которых вдобавок оснащена фотокопиями отреставрированных рукописей.

Примеры реконструкции санскритских рукописей

Первую, наиболее многочисленную группу восстановленных рукописей составляют соединения, которые были произведены благодаря текстовой атрибуции фрагментов, содержащих текст Лотосовой сутры — самого популярного и богато представленного сочинения в санскритской коллекции ИВР РАН. В информационной системе Лаборатории Сериндика сформированы каталожные карточки с описанием рукописей Лотосовой сутры, соответствующие выявленным на текущий момент 35 ед. хр., большая часть из которых сопровождается фотокопиями (Ил. 1).

[4] Отправной точкой для выработки концепции изучения сериндийских фрагментов под углом зрения реконструкции памятников на основе собирания распавшихся частей для нас явилась статья И. Ф. Поповой «Собираемый пазл. Реконструкция рукописи до прочтения текста» [Попова 2022]. Оттуда же была взята метафора о рукописных «пазлах», используемая в отношении соединяющихся частей рукописей, в выявление которых вовлечены сотрудники Лаборатории.

Ил. 1. Электронные карточки информационной системы Лаборатории Сериндика

Описанные единицы представляют собой рукописи разного объема и содержат в общей сложности свыше 500 рукописных листов и фрагментов Лотосовой сутры. Ядром данного сегмента санскритской коллекции является знаменитая Кашгарская рукопись Н. Ф. Петровского[5] (SI 1925/1927, 399 листов и фрагментов) — наиболее полный рукописный список этого сочинения из Центральной Азии[6]. Наличие подобной рукописи в Сериндийском фонде существенно упрощает и отождествление новых, прежде не исследованных фрагментов, содержащих отрывки из Лотосовой сутры, и поиск единиц для стыковки. Сериндия оказалась довольно «консервативной» в отношении распространения ранних буддийских текстов, пришедших из Индии, и на протяжении веков сохраняла в обращении изначальный вариант санскритской Лотосовой сутры, которая воспроизводилась в рукописях без каких-либо существенных изменений. Поэтому многие санскритские фрагменты Сериндийского фонда, датируемые разными веками, почти дословно совпадают с определенными местами в тексте Кашгарской рукописи Н. Ф. Петровского. В нижеследующей таблице (Табл. 2) собраны санскритские рукописи Лотосовой сутры, выявленные в Сериндийском фонде к настоящему моменту, и указаны конкретные места их совпадения с полным текстом Кашгарской рукописи.

В столбце слева зафиксировано точное расположение глав Лотосовой сутры в Кашгарской рукописи (с номерами листов и строк). Имея в распоряжении полный вариант текста, мы можем идентифицировать все остальные фрагменты и определить, к какой части сутры они относятся, ориентируясь на полный список. В Сериндийском фонде выявлено изрядное количество фрагментов, текстуально совпадающих с Кашгарской рукописью, поэтому в столбце справа все фрагменты распределены в порядке следования глав и в соответствии с параллельным текстом на листах Кашгарской рукописи.

На основе собранных данных удалось определить некоторые пересечения по тексту в пределах нескольких глав сутры и выделить,

[5] Н. Ф. Петровский (1837–1908) — российский генеральный консул в Кашгаре, коллекционировавший письменные памятники и сыгравший ключевую роль в сложении петербургской коллекции санскритских рукописей из Центральной Азии.

[6] Транслитерация текста Кашгарской рукописи издана в работе Х. Тоды [Saddharmapuṇḍarīkasūtra 1981].

Таблица 2

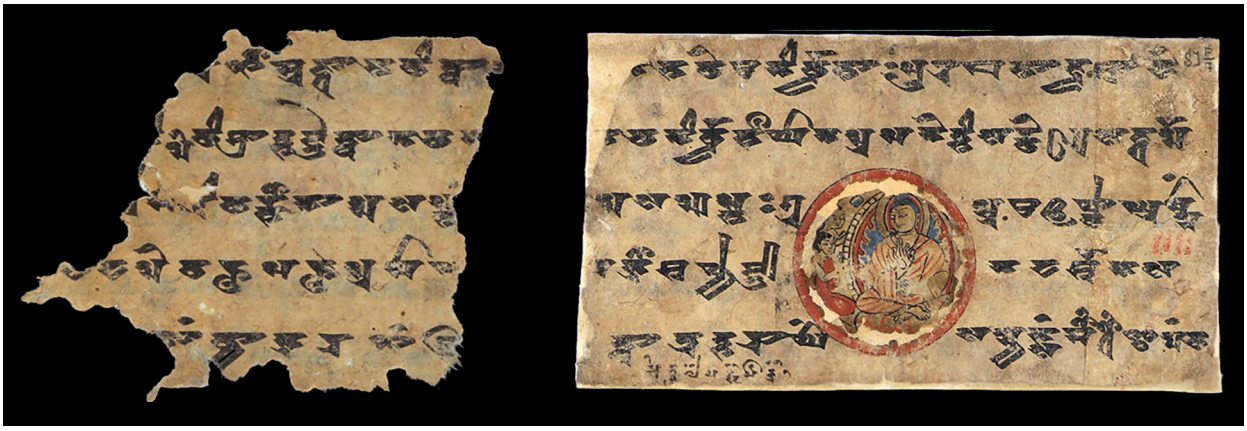
Соотнесение текстов фрагментов с Кашгарской рукописью Н. Ф. Петровского **SI 1925/1927**	
Расположение глав по листам и строкам рукописи SI 1925/1927	Листы и фрагменты Лотосовой сутры (места совпадения с рукописью SI 1925/1927)
I 6b(4)—36a(1)	**SI 1934-1** (6b–8a); **SI 1935** (**19a–20a**); **SI 1939** (7b–12a, **28b–30a**); **SI 2093** (**29b–30a**); **SI 3002** (31b–32b); **SI 3025** (14a–16a); **SI 3044** (22a–23b); **SI 3631** (**19a–20a**); **SI 6784** (25b–27b)
II 36a(1)—64a(7)	**SI 1939** (44a–44b, 46a–46b); **SI 2093** (48b–50b); **SI 3013** (56a–57a);
III 64a(7)—101b(6)	**SI 1939** (75a–76a, 93b–94a); **SI 1941** (71–72, 95–96); **SI 2092** (67a–68a, 95b–96a); **SI 2093** (65a–66b); **SI 3030** (98b–100b); **SI 4517** (69b–70a); **SI 4519** (70b–71a);
IV 101b(7)—121a(6)	**SI 1939** (102a–106a); **SI 3044** (108a–110b); **SI 4645** (107b–110a); **SI 6783** (116b–117a)
V 121a(6)—140a(7)	**SI 1939** (140a–140b)
VI 140a(7)—150a(5)	**SI 1940** (149b–150b); **SI 2077** (141b–142b); **SI 3025** (143a–144a)
VII 150a(6)—189b(3)	**SI 1886/1** (185a–187a); **SI 1933** (**188b–189b**); **SI 1935** (159a–161b); **SI 1938** (177a–181b); **SI 1939** (167a–167b); **SI 3000** (169b–170b, **188b–189b**); **SI 3025** (178a–179b); **SI 6784** (166a–167a)
VIII 189b(4)—203a(7)	**SI 1935** (195b–198b)
IX 203b(1)—211a(7)	**SI 1935** (209b–210b)
X 211b(1)—226a(6)	**SI 1937** (225a–226b); **SI 3025** (218b–221a)
XI 226a(7)—246a(4)	**SI 1935** (236a–237a); **SI 1937** (231a–231b, 235b–246a)
XII 246a(5)—255b(7)	**SI 1935** (254b–255a); **SI 1937** (246a–247b)
XIII 256a(1)—262b(7)	**SI 1937** (258a–258b); **SI 3332** (257a–258b)
XIV 263a(1)—283a(2)	**SI 1937** (262b–264b, 267a–268b)
XV 283a(2)—302b(2)	**SI 1935** (297b–298b); **SI 3332** (288a–289a)

Таблица 2 (*окончание*)

Расположение глав по листам и строкам рукописи SI 1925/1927	Листы и фрагменты Лотосовой сутры (места совпадения с рукописью SI 1925/1927)
XVI 302b(2)—311b(7)	**SI 3025** (303b–304b); **SI 3030** (308b–310b)
XVII 321a(1)—331a(1)	**SI 3002** (326a–327a)
XVIII 331a(2)—340b(4)	**SI 3693** (336b–337b); **SI 6584** (**335b–337a**); **SI 6780** (334b–336b); **SI 6781** (**335b–337a**); **SI 6783** (332a–332b)
XIX 340b(4)—360b(3)	**SI 1934-2** (**343a–344b**); **SI 2098** (340b–341b); **SI 3694** (357a–357b); **SI 6780** (358a–360b); **SI 6781** (341b–343a; **343a–344b**; 346b–347b; 351a–352b; 357a–359a); **SI 6783** (357a–357b)
XX 360b(3)—371b(6)	**SI 6780** (360b–366a)
XXI 371b(6)—380b(2)	—
XXII 380b(2)—387b(1)	**SI 3330** (386a–387b)
XXIII 387b(1)—407b(1)	**SI 1937** (390a–398b, 404a–405a); **SI 3330** (387b–388b); **SI 6784** (387b–388a)
XXIV 407b(2)—421a(2)	**SI 1937** (414a–415a, 418a–420b);
XXV 421a(2)—432b(1)	**SI 1935** (425b–427b); **SI 1937** (421b–423b); **SI 6788** (432a–433b)
XXVI 432b(2)—445a(4)	**SI 1937** (441b–443a)
XXVII 445a(5)—455b(7)	**SI 1934-3** (450a–451b); **SI 1935** (454a–455b); **SI 6781** (451b–453b)

какие из фрагментов соединяются (отмечены подчеркиванием). Например, фрагменты SI 1933 и SI 3000 (Ил. 2) относятся к седьмой главе Лотосовой сутры и приходятся на текстовый отрезок на листах 188–189 из Кашгарской рукописи. Кроме того, согласно описательным характеристикам, зафиксированным в электронных карточках информационной системы Лаборатории, оба фрагмента имеют ряд сходств по различным параметрам кодикологии и палеографии: схожие особенности бумаги (цвет, линии верже[7]), идентичная графическая вариация письма брахми, одинаковый размер графем, число строк с равнозначным

[7] Вержированная бумага — тип бумаги с так называемыми вержерами — линиями сетки, образованными отпечатком решетки сита и видимыми при рассмотрении бумаги на просвет. Бумажный лист отливали с помощью формы — сита, для изготовления которого использовался, как правило, конский волос. Отпечаток сита образовывал на бумаге сетку из горизонтальных и вертикальных линий, частота которых фиксируется при описании внешних аспектов рукописей.



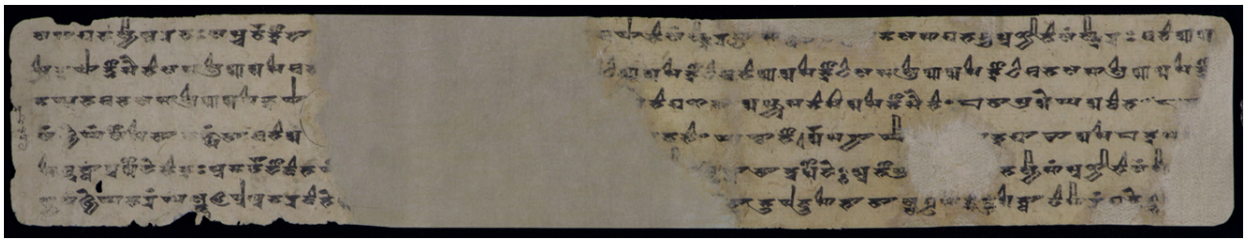
Ил. 2. SI 3000 + SI 1933 до реставрации

Ил. 3. SI 3000 + SI 1933 после реставрации

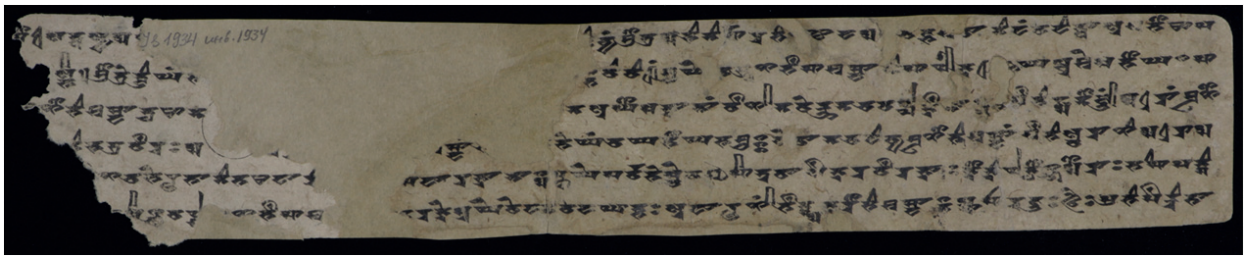
межстрочным интервалом). В такой ситуации возможны два «сценария»: либо фрагменты представляют два разных списка с параллельными текстами, переписанными, вероятно, в одном и том же монастырском скриптории, либо, как оказалось в нашем случае, перед нами, действительно, соединяющиеся части одного и того же листа потхи (Ил. 3).

Таким образом, по итогам разбора санскритских фрагментов Лотосовой сутры помимо приведенного выше примера удалось выделить еще 8 шифров, в пределах которых образуется 4 рукописных соединения (Ил. 4–7). В результате стыковки фрагментов можно не только воссоздавать общую протяженность листа рукописи в ее изначальном виде, но и вычислять размеры недостающих частей, так как во многих случаях фрагменты соединяются не вплотную. По доступному нам санскритскому тексту сутры мы можем узнать количество недостающих акшар (графем) на строке и восстановить, каким должен быть промежуток между фрагментами, и это представляется весьма существенным, поскольку не исключено, что «зияния» между фрагментами будут заполнены новыми единицами из числа еще не исследованных материалов Сериндийского фонда.

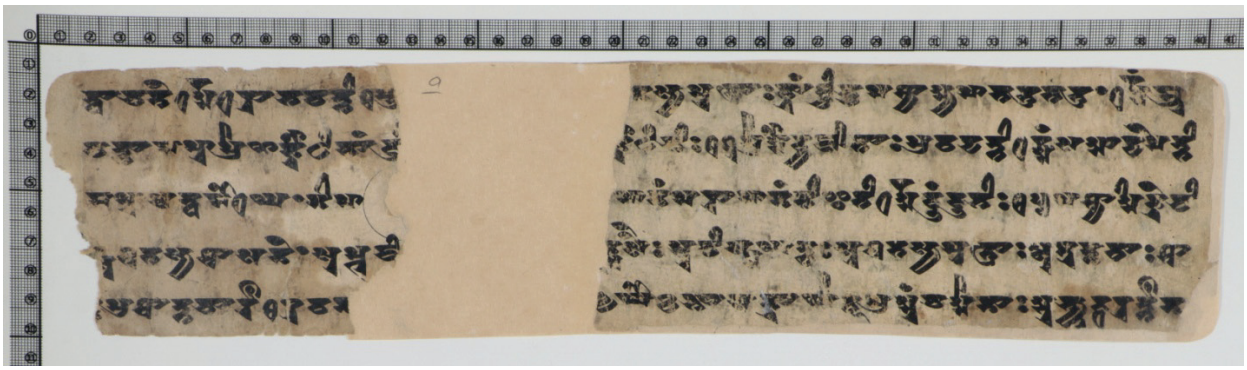
Следующая группа фрагментов представляет уже другое сочинение (Pañcaviṃśatisāhasrikā Prajñāpāramitā-sūtra), и для настоящей статьи она особенно показательна в том смысле, что позволяет наглядно продемонстрировать, как используются возможности электронного описания для выявления рукописных списков и соединяющихся фрагментов. Фрагменты SI 2097 и SI 3017 (Ил. 8) хранились на значительном удалении друг от друга: их разделяла почти 1000 других единиц, а сами они лежали в разных шкафах и коробках. Без применения информационных технологий едва ли удалось



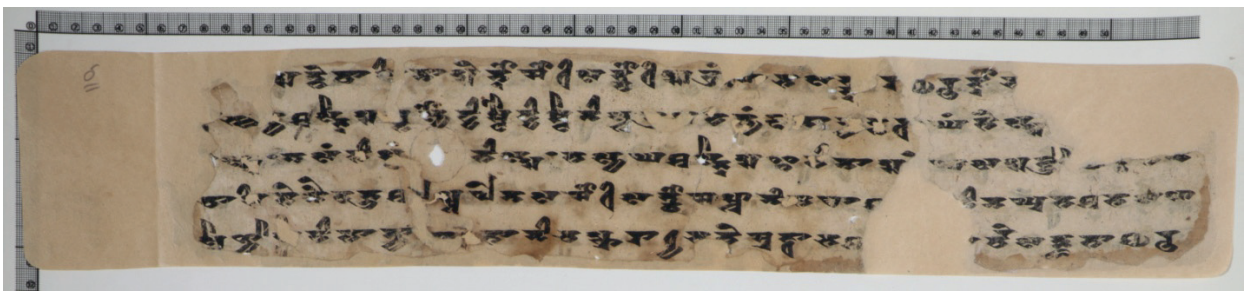
Ил. 4. SI 6781/1 + SI 6584[8], Сериндийский фонд ИВР РАН



Ил. 5. SI 6781/3 + SI 1934[9], Сериндийский фонд ИВР РАН



Ил. 6. SI 3631 + SI 1935, Сериндийский фонд ИВР РАН



Ил. 7. SI 1939 + SI 2093, Сериндийский фонд ИВР РАН

[8] Рукопись опубликована [Mesheznikov 2024].
[9] Рукопись опубликована [Там же].

бы свести их воедино. Собрать из трех частей единое целое и воссоздать лист потхи помогла информация из описания рукописей, зафиксированная в электронных таблицах (Ил. 9).

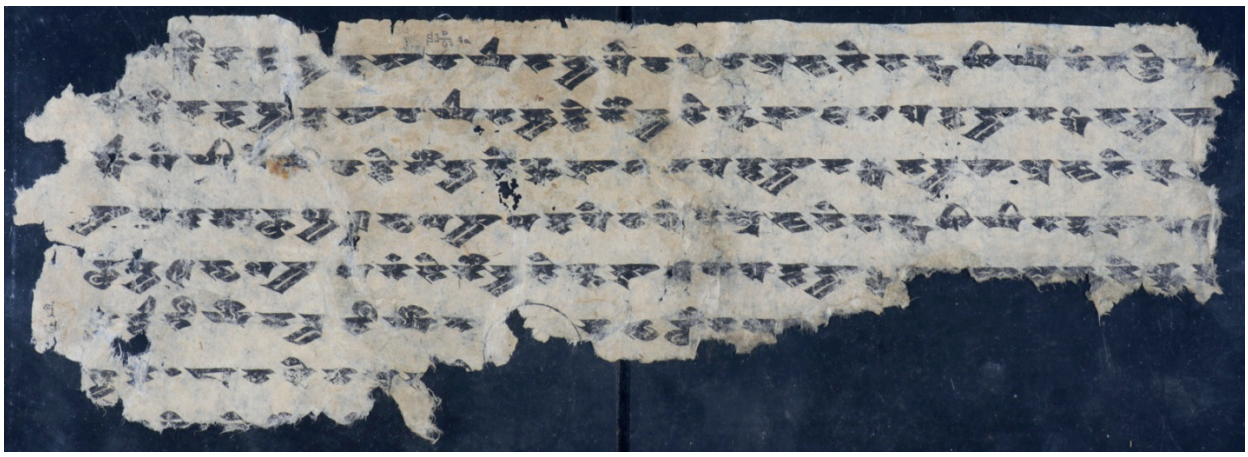
В этой схеме описания оказалось сразу несколько характеристик, которые в совокупности дали неопровержимые доказательства того, что перед нами соединяющиеся части одного и того же листа: тип и стиль письма, датировка, позиция трех частей к целому листу, межстрочный интервал и, конечно, содержание (Сутра совершенной мудрости в 25000 строф). Преимущество работы в формате электронных таблиц заключается в том, что внутри них мы можем осуществлять поиск по ключевым словам или конкретным числовым показателям (например, расстояние между строк или число линий верже на отрезке в 1 см). В Сериндийском фонде даже фрагмент 5×5 см — это совокупный ресурс с целым комплексом данных, и любые параметры, высчитываемые в процессе комплексного описания санскритских единиц, могут возыметь ключевое значение для воплощения соединений. Накопленные в таблицах сведения упрощают выявление рукописей с максимально сходными характеристиками и позволяют рассматривать возможность объединения отобранных единиц. В данном случае три фрагмента присоединились очень четко, без разрывов, и в результате получился лист потхи довольно крупного формата (Ил. 10): его размер составляет 15×45 см, и, исходя из расположения декоративного круга (маркировка брошюровочного отверстия, как правило, равноудаленная от верхнего и нижнего краев листа), было определено, что перед нами только половина текста (7–8 строк) от целого листа в 12 строк. Однако не стоит исключать, что недостающие части будут найдены в фонде в дальнейшем.

В некоторых случаях информация из описания внешних аспектов рукописей помогает соединить фрагменты и отождествить текст с конкретным буддийским сочинением. Следую-

Ил. 8. SI 3017/2 + SI 2097 + SI 3017/1, Сериндийский фонд ИВР РАН

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L
1	**Шифр**	**Место хранения**	**Коллекция**	**Текст**	**Датировка**	**Описание**	**Размер**	**Количество строк**	**Между строками**	**Материал**	**Письмо**	**Стиль письма**
2	**SI 2097**	Шкаф 116, полка 8.	Петровского	**Pañcaviṃśatisāhasrikā Prajñāpāramitā**	**8–9 вв.**	Фрагмент **центральной** части листа потхи. Декоративный круг (диаметр 3,7 см).	15,5 × 16,9	7+ (recto), 7+ (verso)	**1,9 см**	Бумага вержированная (5 линий в 1 см), однослойная, желтовато-коричневого цвета.	**Южнотуркестанское брахми.**	Уставное
3	**SI 3017/1**	Шкаф 117, полка 1.	Петровского	**Pañcaviṃśatisāhasrikā Prajñāpāramitā**	**8–9 вв.**	Фрагмент **правой** части листа.	12,3 × 21,7	6+ (recto), 6+ (verso)	**1,9 см**	Бумага вержированная (5 линий в 1 см), однослойная, желтовато-коричневого цвета.	**Южнотуркестанское брахми.**	Уставное
4	**SI 3017/2**	Шкаф 117, полка 1.	Петровского	**Pañcaviṃśatisāhasrikā Prajñāpāramitā**	**8–9 вв.**	Фрагмент **левой** части листа. Пагинация 140 (recto). Левое поле (2,5 см).	15,5 × 13,5	8+ (recto), 7+ (verso)	**1,9 см**	Бумага вержированная (5 линий в 1 см), однослойная, желтовато-коричневого цвета.	**Южнотуркестанское брахми.**	Уставное

Ил. 9. Электронные таблицы с описательными характеристиками фрагментов



Ил. 10. SI 3017/2 + SI 2097 + SI 3017/1 (после реставрации)

щие фрагменты — SI 3492 и SI 3650 — удалось идентифицировать с «Сутрой совершенной мудрости в 25000 строф» только после того, как они были определены как распавшиеся на части обрывки одной рукописи, которые непосредственно соединяются друг с другом (Ил. 11)[10]. В данном случае текст был на втором плане, а соединить фрагменты помог набор кодикологических характеристик, включая помимо особенностей бумаги и вариации письма также такие редкие детали, как наличие элементов цветной миниатюры[11] и полос для склеивания[12].

В условиях огромного спроса и охоты на рукописные раритеты в Серындии в конце XIX — начале XX вв. многие рукописи после обнаружения местными охотниками за кладами разделялись на части для продажи по отдельности российским и зарубежным исследователям и коллекционерам, вовлеченным в собирание письменных памятников[13]. Поэтому в настоящее время в рамках комплексного изучения санскритских рукописей сотрудниками Лаборатории осуществляется поиск возможных ассоциаций между Серындийским фондом и материалами из других рукописных хранилищ, прежде всего, из Британской коллекции, о санскритской части которой нам известно главным образом из публикаций зарубежных серындологов К. Вилле и С. Карасимы. В результате такого поиска в составе коллекции Р. Хернле в Лондоне был выявлен санскритский фрагмент (Or.15010/200)[14], непосредственно присоединяющийся к SI 3492 и SI 3650 (Ил. 12).

Примером более простого соединения являются еще два фрагмента Праджняпарамита-сутры, SI 3471 и SI 3472 (Ил. 13). Близкое расположение в порядке следования шифров, характер повреждений фрагментов, палеографические и кодикологические аспекты указывали на то,

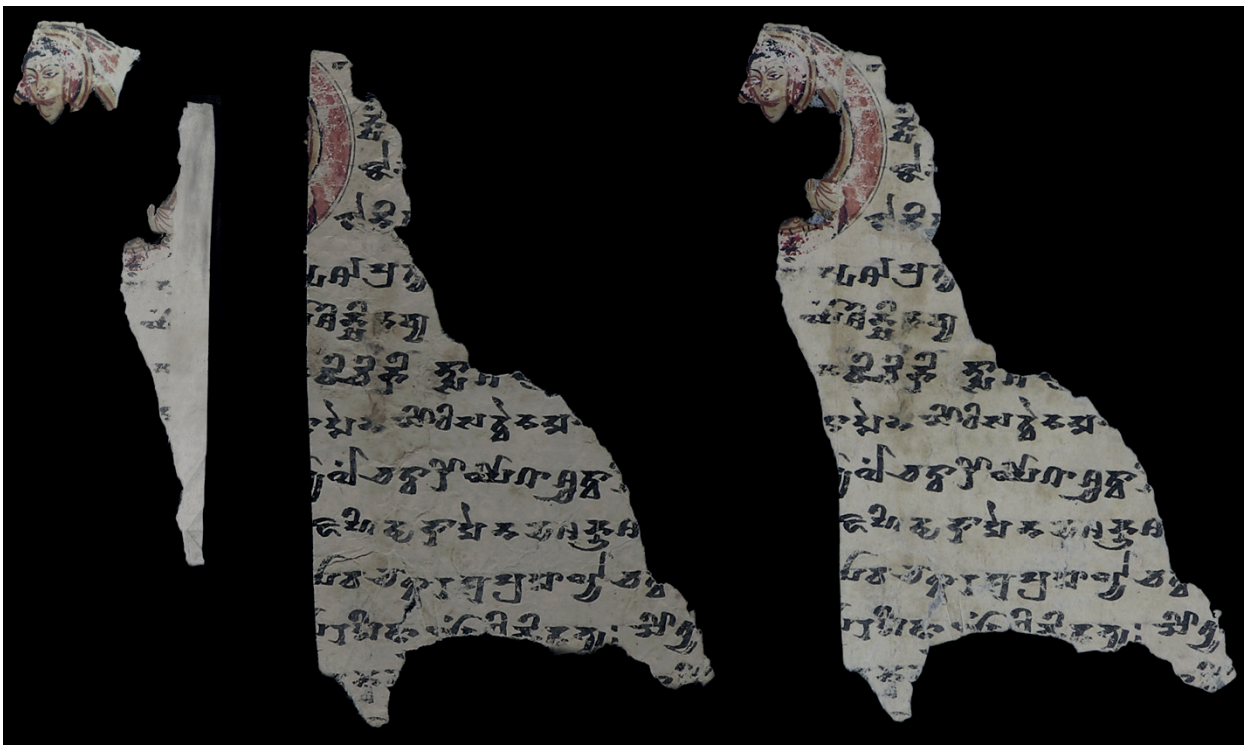
[10] Текст фрагментов был отождествлен при помощи издания санскритских рукописей из Непала [Pañcaviṃśatisāhasrikā Prajñāpāramitā 2007]. Фрагменты SI 3492 и SI 3650 опубликованы [Мешезников 2024].

[11] Цветные изображения были большой редкостью для санскритских рукописей из Серындии. В санскритской части Серындийского фонда элементы изображений найдены только у семи единиц (SI 1933, SI 1937, SI 1939, SI 1940, SI 2019, SI 3492, SI 3650).

[12] Склейка листов из нескольких частей характерна для изготовления крупноформатных рукописей на ранних этапах развития технологии производства бумаги в Серындии [Mesheznikov 2023. P. 66].

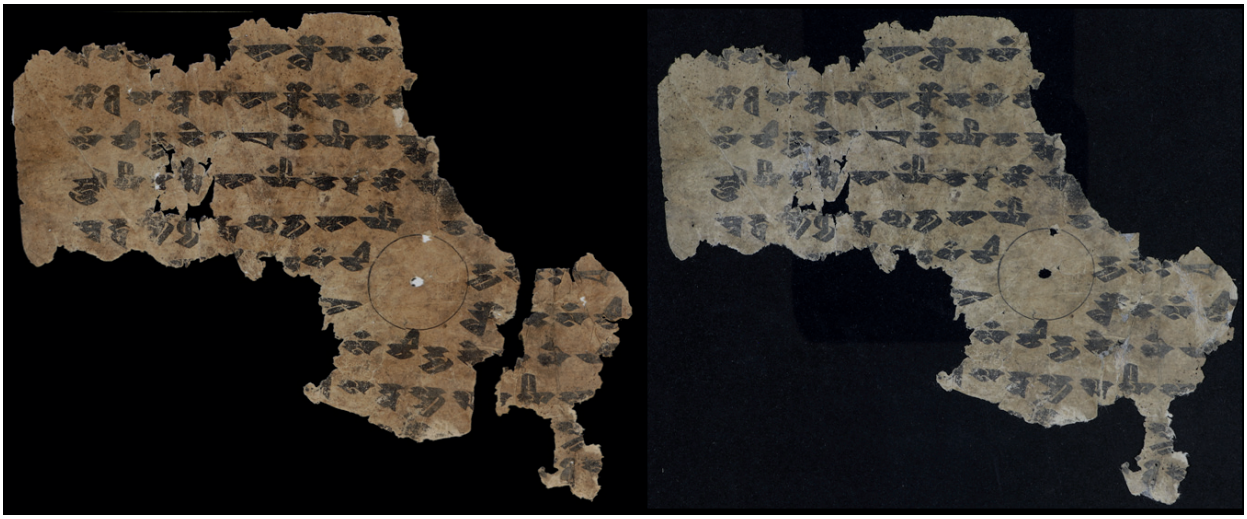
[13] Самым известным примером разделенной рукописи является берестяной свиток Дхармапады на пракрите «гандхари». Часть рукописи была приобретена Н. Ф. Петровским и в 1890х гг. поступила в Азиатский Музей (ныне хранится в Серындийском фонде под шифром SI 3328). При этом другая часть той же рукописи оказалась во Франции: она была добыта в 1892 г. французской экспедицией Ж.Л. Дютрей де Рена (1846–1894) [Восточный Туркестан, 1992. С. 444–445].

[14] Фрагмент опубликован [Karashima, Wille, 2009. P. 530–531]. Цифровые изображения санскритских фрагментов Or.15010/200 и Or.15010/127 (см. ниже) из Британской библиотеки были взяты из онлайн-базы данных Международного Дуньхуанского Проекта (International Dunhuang Project Database, IDP).



Ил. 11. SI 3650 (2 мелких фрагмента) + SI 3492, до и после реставрации

Ил. 12. SI 3650 + SI 3492 + Or.15010/200 (лицевая и оборотная стороны)



Ил. 13. SI 3471 + SI 3472 (до и после реставрации)

что части рукописи сойдутся, а чтение текста подтвердило правильность догадки. Как и в случае с праджняпарамитскими фрагментами SI 2097 и SI 3017, в соединенном виде получился неполный лист крупноформатной рукописи, записанной широким размашистым почерком, по 12 строк на каждой стороне с межстрочным интервалом в 1,9 см. Вполне возможно, что данный лист и соединенные фрагменты SI 2097 и SI 3017 могли составлять единый рукописный список.

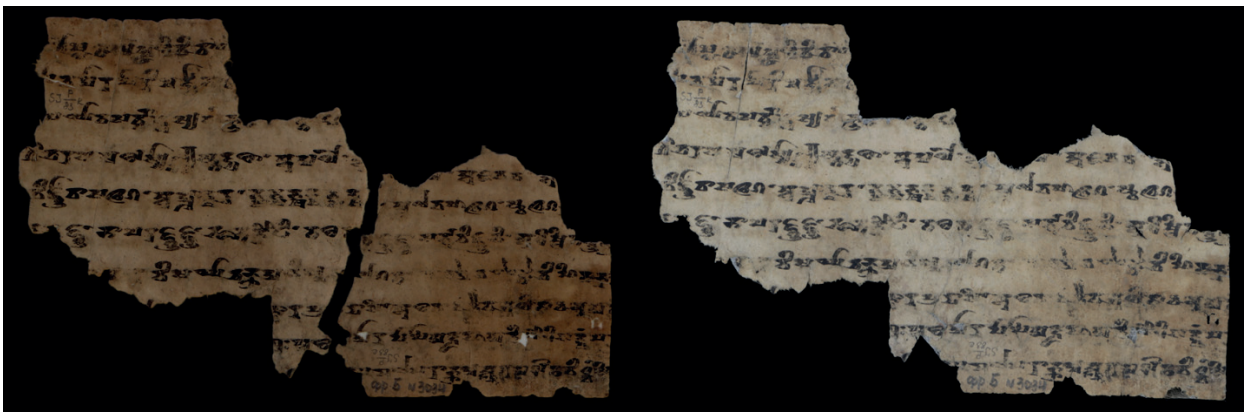
Следующий пример с довольно редким для Сериндийского фонда текстом — Ratnaketuparivarta-sūtra. В санскритской части выявлено на данный момент всего три единицы (SI 3034/5, SI 3035/2, SI 3039), представляющие отрывки из этой сутры и, по информации из электронных таблиц, имеющие идентичные внешние характеристики, поэтому нам оставалось проверить по критическому изданию сутры[15], можно ли их объединить. В результате оказалось, что два из трех фрагментов действительно не только представляют один список, но и соединяются (Ил. 14).

Из числа довольно популярных текстов в Сериндийском собрании еще одна известная махаянская сутра — Samādhirāja-sūtra: в информационной системе зафиксировано 14 карточек с фрагментами данного сочинения (SI 3001; SI 3005; SI 3037/1; SI 3451–3456; SI 3474; SI 3616–3619). Сопоставление фрагментов с критическим изданием наиболее достоверных санскритских рукописей этой сутры из Непала [Samādhirājasūtram, 1961] показало, что 6 фрагментов из Сериндийского фонда удается состыковать друг с другом в два листа, по-видимому, принадлежавших одной и той же рукописи (Ил. 15–16)[16].

Наконец, последний на данный момент памятник, части которого удалось объединить, связан с «Сутрой золотого блеска». При этом для реконструкции рукописи потребовалось выйти за пределы Сериндийского фонда и вновь обратиться к материалам Британской коллекции. О санскритских (и хотаносакских) рукописях «Сутры золотого блеска» из Центральной Азии, хранящихся в различных коллекциях Европы и Азии, известно в основном из обобщающего труда норвежского ученого П. О. Ше́рвё [Skjærvø, 2004], в котором учтено около 80 фрагментов сутры (значительная часть из Британской библиотеки). Что касается Сериндийского фонда, то, по актуальным данным, установлено наличие 8 единиц описания, содержащих отрывки из «Сутры золотого блеска» (SI 1895, SI 3034/1, SI 3045, SI 3329/1–3 (три фрагмента), SI 4524, SI 4646). С опорой на пу-

[15] Наши фрагменты были соотнесены с данной сутрой на основе сопоставления с критическим изданием санскритского текста рукописи из Гильгита [Ratnaketuparivarta, 1978].

[16] Все 6 фрагментов опубликованы [Мешезников, 2025].



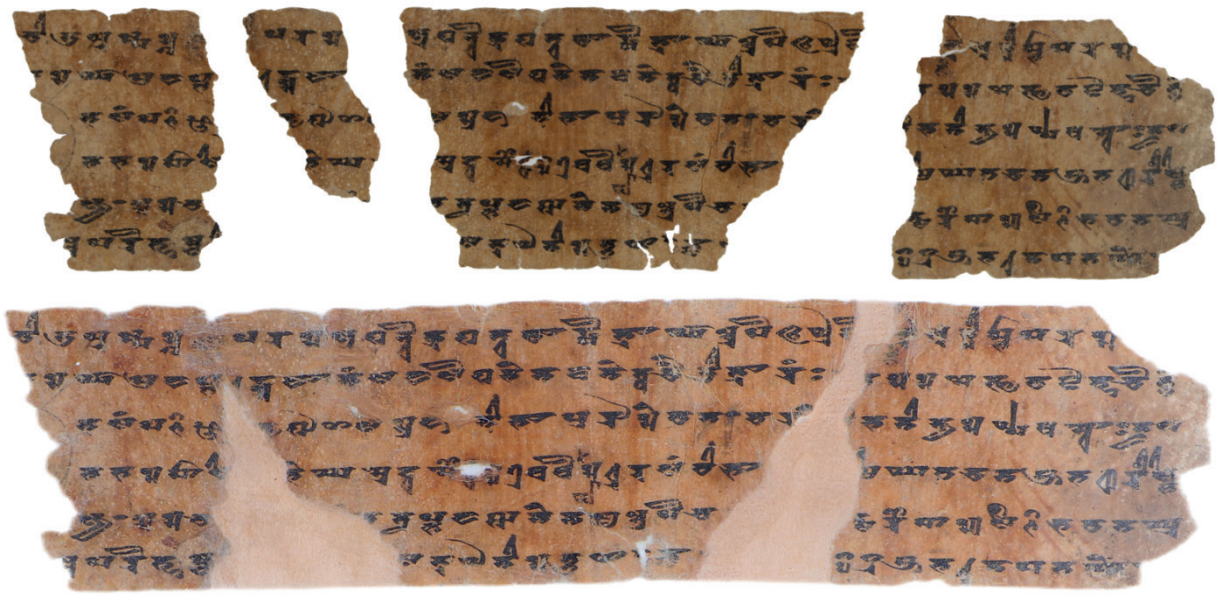
Ил. 14. SI 3035/2 + SI 3034/5 (до и после реставрации)

Ил. 15. SI 3451 + SI 3452 (до и после реставрации)

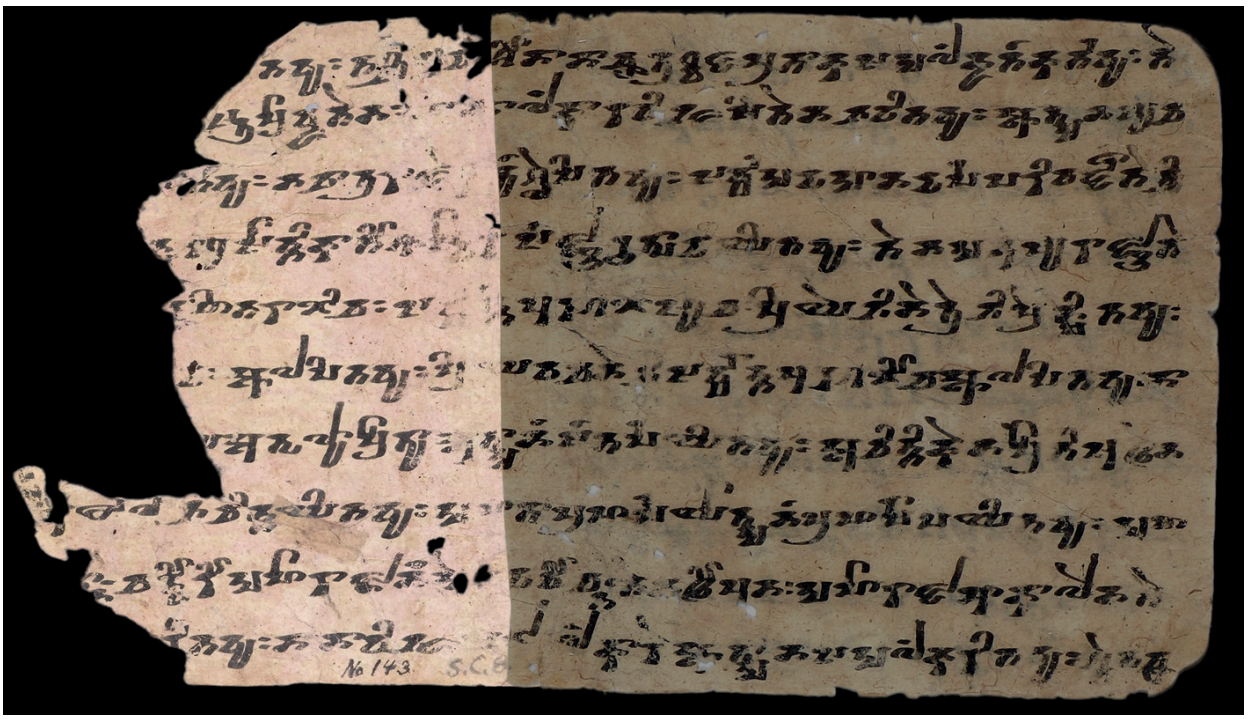
бликацию санскритских фрагментов Ше́рвё[17] и фотокопии из онлайн-базы данных Международного Дуньхуанского Проекта, получилось выявить соединение фрагмента из коллекции Н. Ф. Петровского (SI 3045, не учтенный в издании Ше́рвё)[18] с фрагментом из коллекции Р. Хернле в Лондоне (Or.15010/127). У фрагментов сохранилась полоса для склейки, так что обе части четко соединяются внахлест (Ил. 17). Скорее всего, для изготовления рукописи лист склеили из нескольких частей, однако позже они распались и, в конце концов, оказались в различных собраниях: правую часть приобрел Н. Ф. Петровский, а левую британские дипломаты отправили специалисту по памятникам индийской письменности Рудольфу Хернле (1841–1918) в Оксфорд в начале XX в.

[17] Санскритские фрагменты «Сутры золотого блеска» из Британской библиотеки опубликованы П. О. Ше́рвё в сборнике: [Karashima, Wille, 2009. P. 597–635].

[18] Фрагмент SI 3045 опубликован отдельно: [Mesheznikov, 2023].



Ил. 16. SI 3455 + SI 3456 + SI 3453 + SI 3454 (до и после реставрации)



Ил. 17. Or.15010/127 + SI 3045

Заключение

Использование информационных технологий дает возможность вывести описание, учет и систематизацию единиц хранения коллекций ИВР РАН на уровень, отвечающий современным научным тенденциям в изучении древних письменных памятников. Цифровая обработка санскритской коллекции Серриндийского фонда, подразумевающая наполнение электронной базы данных информацией, собираемой в ходе комплексного исследования и всестороннего описания рукописей, позволяет более эффективно подойти к изучению письменных источников из Центральной Азии в аспекте их реконструкции за счет компиляции отдельных рукописных фрагментов в целые листы. Ведение постоянно обновляющейся базы данных и использование возможностей информационной системы для каталогизации материалов из фондов ИВР РАН создают благоприятные условия для поиска и классификации фрагментов по однородным группам с целью последующего объединения частей рукописей в один список, восстановления содержания утраченных буддийских текстов и воссоздания забытых оригинальных санскритских источников. Источниковедческий анализ санскритских рукописей из Серриндии и используемый для их исследования инструментарий информационных технологий способствуют введению в научный обиход ранее неизвестных материалов и позволят разделить уникальные письменные источники с мировым научным сообществом.

Использованная литература

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии / Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука, ГРВЛ, 1992.

Мешезников 2024: *Мешезников А. В.* Фрагменты санскритской «Панчавимшатисахасрика Праджняпарамита-сутры» (SI 3492, SI 3650) из Серриндийского фонда ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 3 (вып. 58). С. 13–27.

Мешезников 2025: *Мешезников А. В.* Новые фрагменты санскритской Самадхираджа-сутры из коллекции Н. Ф. Петровского // Восток (Oriens). 2025. № 1. С. 263–274.

Попова 2022: *Попова И. Ф.* Собираемый пазл. Реконструкция рукописи до прочтения текста // Труды ОИФН. 2021. Т. 11. / Отв. ред. ак. РАН В. А. Тишков. М.: РАН, 2022. С. 112–124.

Karashima, Wille 2009: Buddhist Manuscripts from Central Asia. The British Library Sanskrit Fragments. Volume II.1: Texts. Editors-in-chief: *S. Karashima, K. Wille*. Tokyo: The International Research Institute for Advanced Buddhology, Soka University, 2009.

Meshezнikov 2023: *Meshezнikov A.* Two Unpublished Fragments of the Sanskrit Suvarṇabhāsottama-sūtra in the Serindia Collection (IOM RAS) // Written Monuments of the Orient. 2023. Vol. 9. No. 1(17). P. 61–81.

Meshezнikov 2024: *Meshezнikov A.* Seven New Fragments of the Sanskrit Saddharmapuṇḍarīka-sūtra (manuscript SI 6781) in the Serindia Collection (IOM RAS) // Written Monuments of the Orient. 2024. Vol. 10. No. 1(20). P. 3–28.

Pañcaviṃśatisāhasrikā Prajñāpāramitā 2007: Pañcaviṃśatisāhasrikā Prajñāpāramitā I-1. Ed. by *T. Kimura*. Tokyo: Sankibo Busshorin Publishing Co., Ltd., 2007.

Ratnaketuparivarta 1978: Ratnaketuparivarta, Sanskrit Text. Ed. by *Y. Kurumiya*. Kyoto: Heirakuji-Shoten, 1978.

Saddharmapuṇḍarīkasūtra 1981: Saddharmapuṇḍarīkasūtra. Central Asian manuscripts. Romanized text. Edited, with an introduction, tables and indices by *Hirofumi Toda*. Tokushima: Kyoiku Shuppan Center, 1981.

Samādhirājasūtram 1961: Samādhirājasūtram. Ed. by *P. L. Vaidya*. Buddhist Sanskrit Texts, vol. 2. Darbhanga: The Mithila Institute, 1961.

Skjærvø 2004: *Skjærvø P. O.* This most excellent shine of gold, king of kings of sutras: Khotanese Suvarṇabhāsottamasūtra. Vol. 1: The Khotanese text with English translation and the complete Sanskrit text. Published at The Department of Near Eastern Languages and Civilizations, Harvard University, 2004.

ATTEMPT OF A RECONSTRUCTION OF SANSKRIT MANUSCRIPTS FROM CENTRAL ASIA

Artiom V. Meshezнikov
Institute of Oriental Manuscripts, RAS

The paper presents the current results of the study of Central Asian Sanskrit manuscripts kept at the IOM RAS. The Sanskrit part of the Serindia Collection is constituted mostly by damaged manuscripts, disintegrated leaves and tiny fragments. Therefore, the reconstruction of written monuments by combining individual fragments of manuscripts into whole text segments is of particular importance. Through the advanced use of information technology in the study of the Sanskrit collection (namely, creating the electronic catalogue cards with the information about external features and content of storage units), it was revealed that many fragments kept under different call numbers in the Serindia Collection can be pieced together and compiled into relatively complete pothi leaves. Moreover, it became possible to determine that some fragments from the Sanskrit collection of the IOM RAS can be joined with the fragments stored in the British Library. Illustrated with specific examples, the article demonstrates how Sanskrit manuscripts can be reconstructed by connecting fragmented parts of paper leaves based on the analysis of external characteristics and textual repertoire using information technology tools.

Key words: Buddhism, Central Asia, codicology, information technology, manuscripts, paleography, Sanskrit, Serindia Collection of the IOM RAS.

About the author: **Artiom V. Meshezнikov**, Cand. Sci. (History), Junior Researcher of the Serindica Laboratory, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (meshezнikoff@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-8883-1284.

УДК 327(470+517.3)
DOI: 10.48612/IVRRAN/a14f-mxt2-349v

Т. В. Ермакова
Институт восточных рукописей РАН

КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БУДДОЛОГИЧЕСКИХ И ИНДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ–17» (Санкт-Петербург, 17 июня 2024 г.)

Об авторе: Ермакова Татьяна Викторовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Россия, Санкт-Петербург) (taersu@yandex.ru). ORCID 0000-0001-5273-7870.

© Ермакова Т. В., 2025

Семнадцатая конференция «Актуальные проблемы буддологических и индологических исследований», учрежденная ИВР РАН, проходила 17 июня 2024 г. Было заслушано и обсуждено 12 докладов, представленных сотрудниками ИВР РАН, РУДН им. Патриса Лумумбы (Москва), ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова (Москва). В начале заседания собравшиеся почтили память безвременно ушедшего японоведа Вадима Юрьевича Климова (19.03.1949–04.04.2024), неизменного активного участника конференции.

Изучению письменных памятников буддизма было посвящено три доклада. Р. Н. Крапивина (в. н. с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, к. и. н.) в докладе «О жанре «садхана» в буддийской тантрической традиции в Тибете» затронула важную тему историко-культурного своеобразия буддийских практик, направленных на отождествление состояния сознания адепта и божества — объекта сосредоточения (*идама*). Именно этот вид буддийской йоги получил распространение в Тибете. Докладчица охарактеризовала источники — наставления по йоге, в том числе устные, трактаты по иконометрии божеств тибетского буддийского пантеона.

Буддийской антропологии посвятила свой доклад «Васубандху о причинах умопомешательства, не обусловленного кармой» Е. П. Островская (гл. н. с. Завсектором Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, д. филос. н.). На основе второго раздела трактата Васубандху «Энциклопедия Абхидхармы» было показано, что расстройства сознания, не обусловленные кармой, имеют своей причиной аффекты агрессии, страха, а также рассеянность сознания. Е. П. Островская отметила, что такой аспект буддийского учения о психике, как причины умопомешательства, недостаточно освещен в текущих исследованиях.

С. Х. Шомахмадов (с. н. с. Лаборатории Сериндика ИВР РАН, к. и. н.) представил доклад «Источники по изучению буддизма Бактрии и Согда». Им были классифицированы источники, проливающие свет на ранний период существования буддийского сообщества-сангхи в регионе. Историографические и агиографические сочинения, данные эпиграфики и нумизматики, археологии были проанализированы в аспекте содержащихся в них сведений о буддийских монастырях, численности верующих, укоренившихся философских школах.

Индологической проблематике было посвящено два доклада. Е. А. Десницкая (н. с. Сектор Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, к. филос. н.) в докладе «Кос-

могонический сюжет в «Брихадараньяке» 1.2.» рассмотрела архаический пласт в этом разделе памятника, проанализировала трактовку основных категорий — пространство, начало мира, смерть — и пришла к выводу, что в памятнике рождение мира уподоблено рождению живого существа.

Р. В. Псху (зав. кафедрой Востоковедения и африканистики РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, д. филос. н.) в докладе «"Налайира дивья прабандхам" как один из источников религиозности вишишта-адвайты» на материале сборника гимнов Вишну авторства альваров — тамильских поэтов-вайшнавов раскрыла кросскультурные параллели коммуникации адепта с божеством в акте его почитания.

Два доклада осветили традиционную культуру Дальнего Востока и Южной Азии. Ю. В. Болтач (с. н. с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, к. и. н.) выступила с докладом «Отражение традиционных дальневосточных «учений» в «Начальном обучении юных отроков» (*Тонмон сонсып*, XVI в.)», в котором убедительно показала, что дидактическая литература, используемая в Корее для обучения будущих наследственных чиновников, тенденциозно излагала историю Китая и историю Кореи с конфуцианских позиций.

И. А. Зайцев (м. н. с. ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова, Москва) в докладе «Легенда о Махасаммате и особенности развития общества в сочинениях двух бирманских коммунистов: Пан Тхуна и Со» поднял вопрос о традиционных идеях власти, обществе и государстве как опорах национальной политической мысли в Корее первой половины XX в. На основе первоисточников докладчик установил компилятивный характер политической мысли в указанный период: легитимация власти и социальные проблемы трактовались с опорой на буддийское учение об обществе, при этом концепция развития сформировалась под влиянием марксистской диалектики.

Различные аспекты истории востоковедения были освещены в пяти докладах.

Т. В. Ермакова (в. н. с. Сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, к. филос. н.) в докладе «Вклад М. И. Тубянского в популяризацию романа Мультатули «Макс Хавелар» (по публикации перевода 1927 г.)» осветила малоизвестный эпизод научной биографии М. И. Тубянского — публикацию перевода с голландского языка с введением и примечаниями романа Эдуарда Дауэс Деккера (лит. псевдоним Мультатули), посвященного социальным коллизиям на Яве в колониальный период. В докладе была подчеркнута оригинальность подхода публикатора: Тубянский как востоковед во введении охарактеризовал историко-культурные особенности Явы и дал высокую оценку гуманистической позиции автора. Таким образом, эта публикация М. И. Тубянского органично вписалась в антиколониальный дискурс 1930-х годов.

А. Ю. Лущенко (н. с. Отдела рукописей и документов ИВР РАН, к. ф. н.) выступил с докладом «Круг коллег и знакомых О. О. Розенберга, связанный с Университетом Токио». На основе материалов к биографии О. О. Розенберга, хранящихся в Архиве востоковедов ИВР РАН, японских сетевых источников была восстановлена картина деловых и частных контактов О. О. Розенберга с значительным количеством японцев, профессионально связанных с токийским университетом.

В докладе Д. А. Носова (с.н.с. Отдела рукописей и документов ИВР РАН, к. ф. н.) «Экспедиция 1932 года сотрудников Института востоковедения АН СССР в село Агинское: обоснование, научные задачи и результаты» охарактеризовано положение буддизма в Бурят-Монгольской АССР в 1930-е гг., установлен социальный контекст экспедиционной деятельности и ее главная задача: сбор рукописей для пополнения ими фондов Института.

С. Л. Бурмистров (в. н. с. Сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, д. филос. н.) рассказал о научном осмыслении буддийского учения о познании в трудах В. П. Васильева, Ф. И. Щербатского, О. О. Розенберга в докладе «История изучения эпистемологии мадхьямаки в российской буддологии (втор. пол. XIX–XX вв.)».

Доклад Т. И. Оранской (с. н. с. Сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, к. ф. н.) «Хорошо забытое старое: о

термине “цыгане”» был посвящен филологическому аспекту проблематики чтений. В презентации докладчица выявила варианты этнонима “цыгане” в различных языках территорий их расселения, проанализировала особенности терминологии самоназвания.

В подведении итогов заседания был отмечен высокий уровень докладов, широкий тематический охват. На перспективу было намечено привлекать к участию научную молодежь.

THE 17th CONFERENCE “CURRENT ISSUES OF BUDDHOLOGICAL AND INDOLOGICAL STUDIES” (St. Petersburg, June 17, 2024)

Tatiana V. Ermakova
Institute of Oriental Manuscripts, RAS

About the author: **Tatiana V. Ermakova**, Cand. Sci. (Philosophy), Leading Researcher of the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (taersu@yandex.ru). ORCID 0000-0001-5273-7870.

УДК 327(470+517.3)
DOI: 10.48612/IVRRAN/pt3f-aa38-d8gv

И. В. Кульганек, Д. А. Носов
Институт восточных рукописей РАН

СЕДЬМАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МОНГОЛОВ: РУКОПИСНЫЕ И АРХИВНЫЕ СОБРАНИЯ» (Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2025 г.)

Об авторах: Кульганек Ирина Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия) (kulgan@inbox.ru). ORCID: 0000-0003-1417-3167.

Носов Дмитрий Алексеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел рукописей и документов, Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия) (dnosov@mail.ru). ORCID: 0000-0001-7247-1184.

© Кульганек И. В., 2025
© Носов Д. А., 2025

21–22 апреля 2025 года в Институте восточных рукописей РАН состоялась Седьмая Международная конференция «Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания». Организаторами конференции выступили: Институт восточных рукописей РАН, Институт истории и этнологии АН Монголии, Международная ассоциация монголоведов, Национальный музей Чингис-хана. В конференции приняли участие научные сотрудники Института восточных рукописей РАН, Института истории и этнологии АНМ, Государственного Эрмитажа, Национальной библиотеки Монголии, Российского этнографического музея, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Нанькайского университета (КНР), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры), Института истории СО РАН, преподаватели Санкт-Петербургского государственного университета, Монгольского государственного университета, Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, Казанского (Приволжского) Федерального университета, НИУ Высшей школы экономики, а также директора главных музеев Монголии: Нациального музея Чингис-хана, Музея-дворца Богдо-хана, Музея-монастыря Чойджин-ламы, Музейного комплекса Харахорина.

Идея организации совместных конференций возникла во время официального визита Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа в Российскую Федерацию в мае 2011 года, в ходе которого он гостил в Санкт-Петербурге. Президент, подчеркивая необходимость дальнейшего расширения сотрудничества ученых обоих стран, выразил желание оказать содействие созданию совместных трудов и организации международных научных конференций. С того времени конференции проводились при поддержке Президентов Монголии Ц. Элбэгдоржа, Х. Баттулги, У. Хурэлсуха регулярно через год попеременно в Петербурге и Улан-Баторе. Важнейшими целями подобных конференций стало обогащение монголоведных исследований новыми источниками, поднятие научных связей на новую ступень, обмен информацией и идеями по изучению рукописных и архивных памятников культурного наследия монголь-

ских народов. Главными задачами — введение в научный оборот неизвестных до настоящего времени письменных памятников культуры монгольских народов, демонстрация возможностей современных методов исследования и подходов к их изучению. Особое внимание уделено проблемам историографии, источниковедения, методам исторического исследования и архивоведению. Участникам конференции было предложено рассмотреть рукописи и архивные источники по следующим тематическим направлениям: исследования монгольских письменных памятников; монгольские исторические источники и новые подходы в их изучении; Россия и Монголия: особенности межкультурного диалога; структура системы управления в разные исторические периоды; структура власти и особенности политогенеза монголов; фольклор, литература и язык монголов: прошлое и настоящее; религиозные традиции в монгольской культуре. Рабочими языками конференции были русский, монгольский, английский языки. Конференция проходила в очном формате и онлайн.

В оргкомитет вошли сопредседатели Оргкомитета: член-корреспондент РАН, д. и. н., директор ИВР РАН И.Ф. Попова; Ph.D, вице-президент МАН, директор ИИЭ АН Монголии Л. Эрдэнэболд; академик МАН, д. и. н., директор Национального музея Чингис-хана С. Чулуун; Ph.D., профессор, генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведов, директор Института монголоведения при МонГУ Д. Заяабаатар; секретари Оргкомитета: д. филол. н. ИВР РАН И.В. Кульганек; к. филол. н. ИВР РАН Д.А. Носов; Ph.D., про-

Участники Седьмой Международной научной конференции «Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания». 21 апреля 2025 г.
На первом ряду слева направо: А. Д. Цендина, Ц. Энхчимэг, И. В. Кульганек, И. Ф. Попова, С. Чулуун, Н. С. Яхонтова, Л. Эрдэнэболд, С. Н. Цеденова, Н. В. Ямпольская
На втором ряду слева направо: (?), Ж. Болортуяа, Н. Тумурбаатар, Б. Ичинхорлоо, Т. Баяраа, Д. Отгонсурэн, Ц. Эрдэнэбаатар, Орхон Л. Отгонбаяр, Ц. Энхжаргал, А. Мандирмаа, Ван Чжихуэй.
На третьем ряду слева направо: Э. Мунхбат, Н. Гонгоржав, Т. Тэгшбат, М. В. Федорова, Д. Ананд, Ц. Баттуяа, Д. Нямсурэн, А. Оргилмаа, Д. А. Носов, П. Н. Дудин, В. Л. Успенский. *Все фото Н. В. Захаровой*

фессор, учёный секретарь ИИЭ АНМ Ц. Энхчимэг; Ph. D., профессор ИИЭ АНМ Н. Хишигт.

Заседания проходили в Зеленом Зале Института восточных рукописей РАН (Ново-Михайловский дворец. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18). На открытии Конференции с приветственными словами выступили И. Ф. Попова, С. Чулуун; Л. Эрдэнэболд, после чего был подписан Договор о научном сотрудничестве между ИВР РАН и ИИЭ АНМ.

В Договоре было выражено намерение сторон сотрудничать в проведении совместных востоковедных исследований в областях, представляющих взаимный интерес, в том числе в совместных разработках, координации и реализации научно-исследовательских проектов и программ, проведении совместных конференций, коллоквиумов, симпозиумов, выставок, налаживании информационного обмена периодической, научной и статистической литературой, содействии публикации научных трудов своих специалистов соответственно в российской и монгольской научной периодике.

В завершение открытия конференции С. Чулуун преподнес в дар Институту восточных рукописей РАН многотомное издание, подготовленное Академией наук Монголии, «Культурное наследие монголов в музеях мира».

Научная часть конференции была открыта заседанием, которое вел С. Чулуун. На нем прозвучало 8 докладов. Среди них: доклад Ph.D., профессора, ведущего научного сотрудника Института истории и этнологии Академии наук Монголии Ц. Энхчимэг о ханском совете при чагатайских ханах; доклад научного сотрудника Центра исследований и фондов Национального музея Чингис-хана Э. Жаргалмы и менеджера по международным связям Национального музея Чингис-хана А. Мандирмы о подарке России Сайн нойон хану Намнансурэну; доклад Ph.D, научного сотрудника Института истории и этнологии Академии наук Монголии Ц. Энхжаргала — об истории экономического планирования МНР; директора Национальной библиотеки Монголии, заслуженного деятеля культуры Монголии Б. Ичинхорлоо — о редких книгах Национальной библиотеки Монголии, вошедших в список культурного наследия ЮНЕСКО; д. и. н., ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН Т. И. Юсуповой — о создании Национального музея Монголии

И. Ф. Попова и Л. Эрдэнэболд. Подписание Договора о научном сотрудничестве между ИВР РАН и ИИЭ АНМ

С. Чулуун и И. Ф. Попова. Вручение подарка Институту восточных рукописей РАН десятитомного издания «Культурное наследие монголов в музеях мира», подготовленного Академией наук Монголии

в 20-е гг. XX в.; директора Музея-монастыря Чойджин ламы Д. Отгонсурэна — об архивных документах Музея-монастыря Чойджин-ламы; докторанта, директора Музея-дворца Богдо-хана Ц.-О. Эрдэнэбаатара — о некоторых экспонатах Музея Богдо-хана; аспирантки Института культуры и искусства г. Улан-Батора Т. Эрдэнэтуйи — о культе онгонов местности Хагтын хад периода Великого Монгольского государства.

На заседании, которое вела д. и. н. профессор, главный научный сотрудник, зав. отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН Т.Д. Скрынникова, прозвучали доклады Т.Д. Скрынниковой о форманте «möng» в именах «Тайной истории монголов»; Sc.D., преподавателя Монгольского государственного университета образования Ц. Дэлгэрсайхана — об историческом вкладе Монголрабфака в педагогическое образование Монголии; совместный доклад д. и. н., профессора кафедры алтаистики и китаеведения ИМО Казанского (Приволжского) Федерального университета Р. М. Валеева, к. пед. н., доцента, декана факультета иностранных языков и межкультурной коммуникации Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова Р. З. Валеевой, к. и. н., доцента, старшего научного сотрудника Института истории Сибирского Отделения РАН О. Н. Полянской — о судьбе и наследии монголоведа А. В. Попова; совместный доклад научного сотрудника, куратора Центра исследований и фондов Национального музея Чингис-хана Н. Гонгоржава и докторанта, научного сотрудника Национального музея Чингис-хана М. Сугар-Эрдэнэ — о символизме золотой короны Бильге-кагана; д. и. н., д. п. н., д. юр. н., доцента, ведущего научного сотрудника Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН П. Н. Дудина — о двух ретроспективных картах Монголии 1925 и 1928 гг.

Под председательством к. филол. н., старшего научного сотрудника отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН Д.А. Носова были заслушаны следующие доклады: Ph.D, научного сотрудника научно-исследовательского института Обороны Монголии Ц. Нарангэрэл — о вкладе Х. Чойбалсана в освободительную войну; доклад к. и. н., доктора культурологи, старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа Ю. И. Елихиной об археологических находках Г. И. Боровки, хранящихся в Государственном Эрмитаже; совместный доклад к. и. н., Ph.D., старшего научного сотрудника Музея антропо-

логии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН В. А. Беляевой-Сачук и к. и. н., старшего научного сотрудника Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН Д. В. Иванова — о Монгольских коллекциях В. Н. Васильева в собрании МАЭ РАН; к. и. н., старшего научного сотрудника отдела истории Востока Института востоковедения РАН Ю. И. Дробышева — о Монгольской империи в сочинении Ибн ал-Асира; совместный доклад к. и. н., ведущего научного сотрудника, главного хранителя отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа И. М. Захаровой и к. и. н., старшего научного сотрудника Научного архива Института истории материальной культуры РАН М. В. Мандрик о В. П. Васильеве — участнике 12-й Русской духовной миссии в Пекине; к. и. н., старшего научного сотрудника Санкт-Петербургского филиала Архива РАН В. А. Василенко — об организации системы управления в Туве в период действия российского протектората (1914–1919 гг.); научного сотрудника ведущей категории отдела этнографии Сибири и Дальнего Востока Российского этнографического музея М. В. Федоровой — о коллекции буддийских атрибутов Э. Э. Ухтомского в собрании Российского этнографического музея; совместный доклад к. и. н., доцента, доцента, кафедры истории, антропологии и этнографии Татарстана Казанского (Приволжского) федерального университета Л. Ф. Абзалова и к. юр. н., д. и. н., профессора, зав. кафедрой теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Р. Ю. Почекаева — о монгольском трактате «Канун ал-умур» в хулагуидском Иране; Д. А. Носова — о П. К. Козлове как инициаторе изучения культа священных гор Монголии.

На утреннем заседании 22 апреля под председательством к. филол. н., доцента, доцента кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ М. П. Петровой заслушаны доклады: Ph.D., доцента Монгольского государственного университета науки и технологии Р. Бигэрмы — об одной рукописи Д. Нацагдоржа; О. Н. Полянской — об экспедиционной деятельности А. М. Позднеева; к. и. н., старшего научного сотрудника Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, М. В. Аюшеевой — о доходах бурятских дацанов; магистра, научного сотрудника Института истории и этнологии Академии наук Монголии Н. Хатанбаатара — о титулах и рангах нойонов XVII-начала XX вв.; докторанта Нанькайского университета Ван Чжихуэй — о петербургской рукописи «Сокровенного сказания»; магистра, научного сотрудника Института истории и этнологии Монгольской Академии Наук Д. Ананд — о сведениях Ибн Баттуты, касающихся Золотой орды; к. филол. н., доцента кафедры филологии Центральной Азии Восточного института Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова Н. Б. Бадмацыреновой — о языке архивных документов об Эгитуйском дацане; к. филол. н., доцента, независимого исследователя С. Н. Цеденовой — о теме Великой Отечественной войны в монгольской литературе; М. П. Петровой — о современной прозе внутренней Монголии.

На дневном заседании председательствовала Ph. D., старший научный сотрудник Сектора Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН Н. В. Ямпольская. На нем были заслушаны пять докладов. Научный сотрудник, куратор Центра исследований и фондов Национального музея Чингис-хана Г. Уранбаяр рассказала о шестигранных узорах на археологических находках, обнаруженных в Монголии; магистр, научный сотрудник Института истории и этнологии Академии наук Монголии Б. Дашдулам — о письмах Абага-хана, Папы Римского Климента IV и Папы Римского Николая III; д. филол. н., профессор Института классического востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» А. Д. Цендина — о монгольском обряде заклятия; Н. В. Ямпольская — о буддийских артефактах из собрания ЦНТБ СиА; магистр, научный сотрудник Института истории и этнологии Академии наук Монголии П. Турболд — об одном письме Тогтамыш-хана.

Рабочий момент конференции

Вечернее заседание 22 апреля вела к. филол. н., доцент, старший научный сотрудник сектора Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН Н.С. Яхонтова. Были заслушаны 4 доклада. Научный сотрудник отдела буддизма Национального музея Республики Тувы Р. П. Сумба сделала сообщение о рукописях и ксилографах на монгольском и тибетском языках из фондов Национального музея Республики Тувы; старший преподаватель кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ К. В. Алексеев — о томе «nga» раздела «Dandir-a» в монгольском рукописном Ганджуре; д. и. н., главный научный сотрудник Центра архивных исследований Института востоковедения РАН К. В. Орлова — об архивных документах Центрального архива ФСБ РФ; Н. С. Яхонтова — о первых монголистах и монголах в Ленинградском восточном институте.

На закрытии конференции, которое проходило под председательством Ц. Энхчимэг и Д. А. Носова, участники конференции подвели итоги двухдневной работы, обсудили и приняли резолюцию.

В Резолюции подчеркивалось, что на Седьмой международной конференции, проходившей в Санкт-Петербурге 21–22 апреля 2025 г. при поддержке Президента Монголии У. Хурэлсуха на базе Института восточных рукописей РАН, были представлены новые данные о рукописных и архивных материалах по истории, культуре, языку, религии и праву монгольских народов.

В прозвучавших 36-ти научных докладах был рассмотрен широкий круг проблем классического монголоведения. Конференция подтвердила, что развитие источниковедения как одного из ведущих направлений мирового монголоведения является чрезвычайно важным направлением в монгольском, российском и мировом востоковедении. Особый интерес представляют источники и материалы, хранящиеся в России и Монголии, в частности, в

Институте восточных рукописей РАН, в Национальной библиотеке Монголии, Институте истории и этнологии АНМ, Институте языкознания и литературы АНМ, библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета, СПб филиале Архива РАН, в Государственном Эрмитаже, Центральном национальном архиве Монголии, Национальном музее Республики Татарстана, Национальном архиве Республики Бурятии, Национальном музее Республики Тывы.

По итогам конференции было вынесено решение, что данное мероприятие имеет большое значение для дальнейших исследований по истории, культуре и языкознанию монгольского народа на базе письменных памятников и архивных источников, а также для объединения усилий специалистов в проведении совместных исследований с учетом новых междисциплинарных методов. Конференция продемонстрировала новые возможности в деле введения в научный оборот культурного наследия монголов, подготовки молодых исследователей, создания совместных научных трудов, серийного издания монгольских письменных памятников, проведения в дальнейшем специальных симпозиумов и конференций, осуществления более крупных проектов. Конференция стала свидельством заинтересованного внимания Президента Монголии к российским монголоведам. Поддержка монголоведов Президентом Монголии является вкладом правительства Монголии в развитие мирового монголоведения. Участники приняли решение о продолжении проведения данной конференции регулярно один раз в два года поочередно в Монголии (Улан-Баторе) и России (Санкт-Петербурге), по результатам каждого мероприятия издавать сборник научных статей «Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания». Провести Восьмую конференцию в апреле 2027 г. в Монголии.

THE SEVENTH INTERNATIONAL CONFERENCE “CULTURAL HERITAGE OF THE MONGOLS: MANUSCRIPT AND ARCHIVAL COLLECTIONS” (St. Petersburg, April 21–22, 2025)

Irina V. Kulganek, Dmitrii A. Nosov
Institute of Oriental Manuscripts, RAS

About the authors:

Irina V. Kulganek, Dr. Sc. (Philology), Chief Researcher, Head of the Central Asia Sector of the Central and South Asia Department, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (kulgan@inbox.ru). ORCID: 0000-0003-1417-3167.

Dmitrii A. Nosov, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Department of Manuscripts and Documents, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (dnosov@mail.ru). ORCID: 0000-0001-7247-1184.